

Геннадий Водолеев. Родился в январе 1942 года в Псковской области, окончил коммунально-строительный техникум в Калининграде, работал на стройках. Закончил Лесотехническую академию, Ленинградский государственный университет.

Работал секретарём райкома комсомола, заведующим орготделом Смольнинского райкома КПСС, заместителем заведующего отдела административных органов Ленинградского горкома КПСС.

С 1986 по 1993 год служил в УБХСС ГУВД Ленинграда – Санкт-Петербурга, в начале девяностых годов прошлого века – в должности начальника. Полковник милиции.

Геннадий Сергеевич – один из самых известных публицистов страны. Автор книг: «Выморочные циклы России», «Коррупция: хроника региональной борьбы», «Уроки российской демократии».

За последние несколько лет изданы следующие книги: «Люди и спецслужбы», «Именем закона...» (в соавторстве с Александром Мининым и Сергеем Сидоренко), «Спецслужбы и спецнужды» (в соавторстве с Сергеем Сидоренко), «Протокол судебного заседания» (в соавторстве с Александром Мининым и Сергеем Сидоренко), «Деньги, деньги, деньги» (в соавторстве с Сергеем Сидоренко).

Автор мемуаров сердечно благодарит Андрея Николаевича Бурова

Сергей Топчий

РАЗГОВОР НА ЧИСТОТУ С ГЕННАДИЕМ ВОДОЛЕЕВЫМ (ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ)

К ЧИТАТЕЛЮ

Судьба особо не даровала мне права выбора. Жизнь сложилась так, как было предписано заранее.

На каждом этапе жизненного пути старался добросовестно исполнять порученную мне работу, при этом руководствовался привитыми мне с детства в семье, школе, окружающими меня людьми понятиями добра и зла.

Всегда старался поступать по совести, ждал того же от людей, с которыми свела судьба.

В горкоме, в партийных организациях многие знали, что Водолеев не даст лицам, у которых «кризис» в семье, ни единого карьерного шанса. Я осуждал коллег, которые достигнув высокого партийного чина, легко меняли жён «на переправе». На более молодых. Рука в таких случаях у меня была тяжёлая.

Жизненный опыт и работа выработали у меня принцип – над человеком должен висеть дамоклов меч в виде серьёзного служебного наказания за нарушения моральных устоев. Тогда большинство из нас не будут приносить серьёзного ущерба для общества, близких.

Нет необходимости вести по жизни совестливого, воспитанного человека. Но сколько таких среди ваших знакомых? Людью необходимо управлять. Жестко.

Помню, как пошёл в первый класс послевоенной школы. В классе – сплошные переростки. Курили все как паровозы. Дурное дело не хитрое – стал поддерживать компанию. А заодно тырить у отца махорку, у матушки - деньги на «Беломор».

Открыла семье глаза на непутёвого сына продавщица. Мать бивала меня жесточайшим образом. Чем больше курил, тем чаще были побои. Пока не смекнул, что курение выходит мне боком. Ко второму классу – благодаря материнскому «внушению» - пришлось «завязать» с курением. С тех пор от папиросы или сигареты, как отрезало.

В настоящий момент дышу публицистикой. Абсолютно уверен в правоте своей позиции. Если в чём и ошибаюсь, то не наношу этим большого вреда обществу. Иногда, когда включаю телевизор, слышу повторение того, о чём писал в иных редакциях.

Человеческие головы – не место для хлама. Время, как это всегда бывает в истории, всё расставит по своим местам.

Ведь что такое публицистика? Это коллективное осмысливание процессов, происходящих в обществе. Чужая мысль со временем в какой –то части становится твоей, и наоборот. Главный механизм познания истины.

Годы, которые я посвятил публицистике, одни из лучших в моей жизни. Сегодняшнее общество более мировоззренчески зрелое, чем десять лет назад. Кукловодам общественного сознания сейчас приходится сложнее. Они ныне очень «утруждаются», чтобы добиться от масс состояния «молчания ягнят».

С другой стороны общество пока не в состоянии эффективно противостоять тотальной коррупции, которая стала визитной карточкой власти. Национальной проблемой. Вне этой «раковой опухоли» в современной России не осталась ни одна профессия, ни одна территория.

Тема коррупции главная в моих текстах.

Что меня вдохновило на занятие этим безнадёжным делом и поддерживало все эти годы?

Коррупция – порча государства, гангрена. С данным социальным явлением, которое приобрело для России столь чудовищные формы и размеры, бороться бессмысленно. На повестке дня должен стоять вопрос – уничтожения этого разрушителя общества.

Считается, что только социальный взрыв может принести результат. А что такое бунт для России? Надеюсь, что ситуацию развернут в другую сторону без революционных потрясений. Призыва: «Граждане, к оружию» мои читатели от меня не услышат.

Я всегда скромно оценивал собственную роль в противодействии моральному обнищанию России. Но, стремился быть последовательным.

У меня нет боязни перед публикой, которую я не уважаю.

Надежда на одно – количество «просветительства» должно перейти в качество общественного сознания. Мирный выход – радикальными средствами. Возможно, ли такое?

Житейский опыт примиряет со многими вещами. В семьдесят лет ты не так категоричен, склонен к прощению. Не потому, что от тебя этого требуют родные, знакомые, а потому, что люди всё время меняются. И ты надеешься, что в лучшую сторону. От младенчества до старости.

Мои нынешние годы – пока ещё тепло золотой осени.

Геннадий Водолеев,

дер. Дранишники Ленинградской области, 24 февраля 2012 года

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕТСТВА

Я из поколения детей войны. Война – и любимая игра моего детства, часто с самым настоящим оружием. Когда мы повзрослеем, это скажется на нашей психике. Решения люди моё поколения будут принимать быстро, без колебаний.

Другой вопрос, что многие мои сверстники пополнили ряды криминала. Статистка посёлка моего детства Светлое такова: треть парней моего возраста прошла через места не столь отдалённые.

Мой батя, пехотный офицер советско- финской и Великой Отечественной войн, израненный, переконтуженный, чудом оставшийся в живых – татарин и казак в одном флаконе - родом из Яика. Как напивался с фронтовиками, сразу затягивал украинские песни. После второго куплета обычно начинал плакать.

Для меня до сих пор – поведения отца во хмелю - загадка.

Украинский мелодичный текст был для меня сигналом – батя дошёл до нужной кондиции.

Придётся вести домов. Делал я это с неохотой, но куда деться?

Дрались в Светлом тогда по любому поводу, отчаянно. С малолетства. Не жалели чужого живота. Старались постоять за себя.

Ненависть у нас – семилетних - восьмилетних – вызывал один переросток. Командовал нами без всякого повода. Заставлял разорять птичьи гнёзда, а потом яйца оказывались у малышни на голове. При этом и бивал больно.

У озорника была любимая игра – «паровоз и вагоны». Сам верховодил паровозом – бежал, куда глядят глаза с протянутым на руках ведром, в котором тлели сухая трава и лисья. «Пехота» изображала вагоны – гонялись, высунув языки, змейкой за паровозом. И никак «паровоз» не мог наиграться.

Отучили «командующего» следующим образом. В ведро тайно и щедро сыпанули патронов от винтовки, которые при взрыве пробивают металл, и – для «надёжности» – пороха. Бабахнуло основательно. Изранило «паровозу» руки, голову. Могло достаться «на орехи» и «первым вагонам». Но фарт был на нашей стороне.

Играли также и в лапту. Мяч вырезали из каучука, из которого были сделаны колёса сбитых самолётов. «Снаряд» получался мягкий, пружинистый, выносливый.

Немецкие каменные дома Калининградской (Восточной Пруссии) области произвели на меня - деревенского пацанёнка, привычного к жизни в землянке, большое впечатление. К каждому кирпичному – а других не было - дому примыкал сад: не большой, но ухоженный, щедрый на яблоки, груши, сливы. Сорты изумительные, вкусные.

Сады и огороды, как теперь говорят, были «криминальной» вотчиной детворы. Но де-юре сады были закреплены за взрослыми, которые пресекали наши набеги. Следствием материнских или отцовских подзатыльников стали «тёмные», которые местная пацанва устраивала сверстникам - ябедам.

Шастать по чужим огородам стал ещё до школы. Но первый блин – вышел колом. Приходит ко мне кореш, пяти лет от роду, в коротких штанишках с ляжкой: «Генка, вот такие огурцы знаю, где уже выросли». И мы «пошли на дело».

Нас засекли доярки и по обычаю тех лет наложили в наши замечательные штанишки молодой крапивы. Пришлось «гасить» огонь в реке. От холодной воды стало легче, но начали стучать зубы. Вылез на берег – опять задница полыхает. Пришлось опять спастись в воде.

С третьего захода на горизонте появилась маманя. Намечалась знатная лупцовка. Пришлось ретироваться в кусты на другой берег реки. Отсиделся до тех пор, пока отец не привёл домой за руку.

Первое «дело» сразу научило кое-чему, стали осторожней, хитрее. В сады-огороды ходили по темноте, группами. Что тоже привело к провалу.

В дальнейшем «промышлял» сам по себе. Днём.

«Засыпался» дважды по великой случайности. Один раз «посеял» в саду кузнеца отцовскую бритву, которую нёс к этому мастеру на заточку. Кузнец бритву нашёл и пригласил отца ею побриться.

Второй раз оставил под деревом материны босоножки, которые нёс – через сад-огород – в починку. Яблоня оказалась в собственности главного начальника посёлка. Вычислить, кому принадлежит обувь, для бывшего энкавэдешника было плёвым делом. Публичный позор матери для меня закончился почти, что смертным боем.

Единственной статьёй дохода послевоенной детворы и подростков был ... металлолом. В ход шли оплетка кабелей, гильзы от снарядов и много чего другого. Сдавать было что. Восточная Пруссия технологически была развита весьма хорошо, металла было с избытком.

Электричество поставлялось через систему подземных кабелей. Редко где были наземные линии электропередачи. Подземной подводкой были оборудованы многочисленные фермерские хозяйства. Каждая ферма имела оборудование для силосования. У коровников стояли в пять-шесть этажей башни метров десять в диаметре у основания с люками по бокам на разных уровнях. Трава уплотнялась под прессом, который опускался при помощи лебёдок.

Когда зимой сверху вниз люки открывались, то содержание силосной ямы пахло, не гнилью, как в 80-е годы прошлого века в лучших коровниках Приозерского района, а добротным маринованным огурчиком. Слюни текли в прямом смысле этого слова.

Сенокосилки, «грабли» были или тракторные, или в худшем виде – на конной тяге.

Сельскохозяйственный труд (даже вывоз навоза на поля и т.д.) был у немцев механизирован.

Что-то переселенцы стали использовать, ведь отечественного ничего не было.

В 90-е годы прошлого века я совершил с подраставшими своими детьми ностальгическое путешествие в места, где прошло моё детство. Наша цивилизация, развалив до основания немецкий уклад ведения хозяйства, свой в Калининградской области так и не создала.

Металл принимался у нас в посёлке на вес прямо в магазине. Пару килограмм меди хватало на 200 грамм любых конфет. Родители на сладости денег не давало, из-за вечного отсутствия наличности.

Взрывчатки моё поколение не боялось. На руках у детворы было и огнестрельное оружие. Но жизненный опыт давался кровью. К моему выпуску из Светловской семилетней школы похоронили пятерых- семерых сверстников, погибших от неумелого обращения с трофеями Великой Отечественной войны.

Однажды произошёл конфликт между парнями разных посёлков, которые ходили в семилетку. На занятия пацаны подтянулись с пистолетами. Один притащил даже шмайсер с боевыми - а иных не было - патронами. Но Бог в тот раз миловал, дальше бравады дело не пошло.

Противотанковых гранат было полно, недостатка в тротиле и детонаторах не было. Острейшим дефицитом всегда был бикфортов шнур, который в ходу был у военных. Но как к ним подступиться?

В один из дней пару таких боеприпасов на импровизированную лодку, под которую приспособили распиленную пополам цистерну. К бокам посуды были «присобачены» плавники из тяжёлых досок, что придавало посудине устойчивость.

Было решено с помощью плавательного средства бросить гранаты на рыбное - на - середине реки - место. Рвануло знатно. В некотором отдалении всплыло несколько плотвиц, что вызвало недоумение на лицах. Ведь взрыв был мощный. Решили провести разведку «боем», приблизиться к месту «ловли».

Дно неожиданно неглубокой в месте взрыва реки белело от рыбы. Знающие люди потом объяснили: тротила было так много, что у рыбы лопнули плавательные пузыри. Часть добычи подняли на поверхность с помощью черпака, но большая часть рыбы осталась на дне гнить. Получилось, ни себе, ни людям. Только в ущерб природе- матушке. Именно тогда я впервые подумал, что что-то тут не так, а ловля рыбы с помощью тротила сродни варварству, а не удовольствию.

В моём арсенале был ППШ со сгнившим прикладом. Нашёл оружие уже припрятанным, хорошо смазанным. Полез проверять пальцем, нет ли патрона в стволе. А в это время мой товарищ нажал на спусковой крючок. Отделался расплюснутым ногтем.

В подростковом возрасте было модно вести себя на прибалтнённый манер. За примерами далеко не ходили. Во многих домах жили бывшие заключённые, в том числе и среди фронтовиков. Бывшие зеки и учили нас нехитрым жизненным премудростям.

Воровская романтика тогда была в фаворе в подростковой среде. Первой песней, которую я выучил наизусть, была «Мурка».

Семилетку я закончил на «отлично», что не мешало мне остаться огородной и садовой шпаной. Одно другому не мешало.

После окончания школы – в 14 лет - родители определили меня в Калининградский коммунально-строительный техникум Министерства коммунального хозяйства РСФСР. С общежитием.

Стипендию мне платили исправно до благополучного окончания в 1960 году. Дипломный проект «36-и квартирный жилой дом из объёмных элементов» защитил «на отлично».

СТРОИТЕЛЬНАЯ БРИГАДА

А далее родина дала «приказ» ехать на работу в Тихвин. В качестве мастера участка Тихвинского ремстройуправления я был «брошен» на строительство жилых домов, школы, поликлиники и других объектов.

Пришлось снимать комнату за 40 рублей у хороших людей. Получал на руки 110. Деньги по тем временам были хорошие.

В моём подчинении было несколько бригад, всего около 150 человек. Вопреки ожиданиям работалось споро, без суеты, тихо, организованно... Спустя несколько месяцев разобрался, что к чему. Под моим началом оказались бывшие заключённые. Из уголовников. И не просто зэки, а люди, отсидевшие, за редким исключением, более десяти лет.

Тихвин для Ленинграда был «101 километром», за границами которого разрешалось проживание бывших заключённых. Из-за этого эта публика вынужденно и облюбовала провинциальный город. Обзавелась семьями, домами.

Строители были хорошими мастеровыми. Мои команды выполняли через бригадира-авторитета. Оплата труда была интересная. В нескольких бригадах, где фишку держали матёрые уголовники, как я узнал по секрету позже, часть заработной платы передавалась в «общак». Тем самым была работала часть тюремных отношений. По правилам зоны держалась и дисциплина.

Конфликты были.

Памятен случай с рабочим по кличке «Мясо», отмотавшим свой лагерный срок за убийство. Держался он в бригаде особняком, но в авторитете.

Но после разговора на повышенных тонах перепугался не столько я, а как мой собеседник. Причину объяснили: отправь я «телегу» в органы, бывшему зэку мало не показалось бы.

Ключевой вопрос во взаимоотношениях со строителями – оплата работ заказчиком. От неё зависела заработная плата работяг. Приходилось хитрить (приписывать не существующие работы), чтобы свести концы с концами. Нормы выработки и расценки были рассчитаны на полную механизацию процесса, а подавляющее большинство работ в Тихвине выполнялось по старинке, вручную. Если строго придерживаться выполненных работ – получались слёзы. А у работяг семьи!

При строительстве столярного цеха я сознательно отошёл от проекта. Дал команду на заливку фундамента шириной 60 см – вместо проектных 90, и глубиной 1,5 метра – вместо 2,5. По моим расчётам новый фундамент - с большим запасом прочности - выдержал бы несущие стены одноэтажного здания. Грунты на месте новостройки позволяли реализовать моё ноу-хау без ущерба для будущей безопасности обитателей новостройки. А «запроцентовал» весь объём, предписанных проектом, работ. Заказчик проектную стоимость работ оплатил. Результат превзошёл все ожидания: строители выполнили в 2,5 раза меньший объём работ, а заработную плату получили повышенную.

Довольны были все: бригады, трест ... Но кто-то донёс.

На стройке появился ревизор для контрольного обмера. Подошёл к фундаменту и сказал: «Ройте шурф». Впереди у меня начал маячить призрак уголовного дела. Никто бы не разобрался, что я приписал «объёмы» и деньги не себе, а «обществу».

Я обратился к бригадиру по фамилии Неёлов, который держал стройку в кулаке: «Выручай». Неёлов в ответ: «Вали со стройки, и чтобы тебя дня три никто не видел».

Потом мне рассказали, как дело было. Бригадир собрал своих архаровцев, те, вооружившись ломиками, подошли к фундаменту: «Где рыть?» Ревизор указал место. Архаровцы начали гонять проверяющего с места на место: «Отойди, мешаешь. Не ровен час ломиком заденем». Бывшие зэки знали, как повести разговор, чтобы нагнать жути на человека. Ревизор струхнул, на стройке проверяющего больше никто не видел.

Когда меня через два года призовут в армию, начальство будет прощаться со мной с сожалением: «Ждём после службы на стройку. Сразу выделим квартиру».

Но Тихвин памятен не только строительным университетом. В провинции я впервые оказался в храме. Знаменитый ныне монастырский комплекс в начале 60-ых годов прошлого века представлял жалкое зрелище. Наш участок получил подряд на работы – начали латать крышу. В те годы было принято решение о восстановлении монастыря. Пока для привлечения туристов.

Бригада возводила строительные леса, а я обследовал здания монастырского комплекса от «а» до «я». Был поражён не только и сколько архитектурными и строительными решениями наших предков. С храмовых стен с облупивших фресок смотрели на меня лики святых. Подавленный, я не смог разобрать – чего было больше в их глазах: осуждения или надежды?

СРОЧНАЯ

Срочную выпало мне служить в группе Советских войск в Германии, в батальоне связи при штабе дивизии. Тридцать километров от границы. Жилы солдаты в старых благоустроенных на немецкий лад эсесовских казармах. С кафельными полами, с печками, обложенными глазурованной плиткой.

То был счастливый для меня билет - побывать за границей. Судьба могла распорядиться и по- другому.

Подразделения ГСВГ тех лет комплектовали в основном москвичами, ленинградцами, которые выделялись на фоне своих сверстников образованностью, и призывниками с Севера, надёжными, не конфликтными, добросовестными молодыми людьми.

Визитная карточка группы – офицерский корпус. Фронтовиков в офицерских погонах было немало. Среди офицеров Группы преобладали послевоенные выпускники военных училищ. Люди были интереснейшие.

Запомнился рассказ заместителя командира батальона, бывшего матроса. Отечественную войну фронтовик заканчивал в Германии, служил в оккупационной зоне и после окончания войны. Рассказанная история была из его биографии.

Однажды сразу после окончания войны наш собеседник в качестве члена экипажа торпедного катера участвовал в конвоировании пленённой дивизии СС из Германии на территорию Советской Прибалтики. Общая численность пленных доходила до 25 тыс. человек. В Союз бывших офицеров побеждённой страны везли для восстановления разрушенных в войну домов.

25 кораблей класса «эсминец» с пленными сопровождали шесть советских торпедных катера, которыми командовал Герой Советского Союза. По три с каждой стороны.

Весенним днём 1945 года эскадра вышла в открытое море. Через пару часов хода с командирского катера скомандовали: «Приготовиться к торпедной атаке». Пленные немцы хохочут: «Русские не навоевались».

У командира в войну фашисты расстреляли всю семью.

Все двадцать пять эсминцев, на которых находилось двадцать пять тысяч военнопленных, пошли на дно. Вместе с членами экипажей, которые также были из немцев.

К советскому берегу, дымящемуся множеством полевых кухонь, подошли лишь шесть торпедных катеров. Герой Советского Союза пошёл под трибунал. Но офицера не расстреляли по приговору суда. Спустя какое-то время наш рассказчик видел его живым и здоровым, но без погон.

Отношение офицеров Группы к салагам было отеческим. Никто не злобствовал, не повышал голос, а тем более кричал, не топал ногами.

У солдат были претензии лишь к «сундукам», сверхсрочникам. Остаться на службе сверх отведённого срока было в те годы популярным. Особенно в ГСВГ. На сверхсрочную западали парни из провинции. Дорвавшись до погон, старшины упивались властью.

Денежное довольствие сверхсрочники, как и офицеры, получали в двойном размере. Половину – в Германской Демократической Республике – марками, вторая часть «зарплаты» направлялась в Союзе на сберегательную книжку. По советским временам денежное довольствие кадрового состава Группы было очень высоким.

В перерывах между службой баловались «самоходами» в немецкие сады-огороды. Солдатский паёк не был щедр на разносолы, каждый улучшал его как мог.

Как мы убедились, немецкая полиция была запрограммирована на то, чтобы солдат Группы советских войск, залезших в чужой сад, пугать, но не трогать.

Подразделения советских войск во время учений исколесили ГДР вдоль и поперёк. После учений местные жители выставляли счёта военным за причинённый ущерб. Армия без возражений счёта оплачивала.

Немцы были заинтересованы в сотрудничестве с военными. Поставки продовольствия, предоставление коммунальных услуг – вот лишь некоторые статьи расходов Группировки, и соответственно доходов местных жителей.

Немецкие кооперативы устраивали срочникам вечера дружбы, приходилось и петь, и танцевать в кирзовых сапогах.

Демобилизован я был в 1964 году. Удалось даже приодеться в немецкий ширпотреб. Всё же денежное довольствие командира отделения – мой армейский потолок – было 17 марок. В руках у меня был новый чемодан, немецкий, дембельский.

После службы в армии я «застрял» в Тосно, жили у жены её матери. Местами работы (Тосненское ремстройуправление, Адмиралтейский завод) «перебирал», пока не оказался в должности инженера стройотдела объединения «Химчистка» в Ленинграде.

Мотался на работу и вечернее отделение института туда - обратно каждый день, на электричке.

Неожиданно поступило предложение возглавить комсомольскую организацию. Я ни сном, ни духом. Тем более к тому времени учился на вечернем отделении Лесотехнической академии. Но парторг – в миру главный инженер объединения и мой непосредственный начальник - припёр к стенке, уговорил. И я начал секретарить. Должность само- собой не была освобождённой.

В Смольнинском райкоме комсомола, где я стал часто бывать по вопросам общественной работы, инструктор Валерий Сидоров взял меня на заметку. Первым секретарём райкома в те годы был Пылин, который закончит свою карьеру в начале нового века председателем Избирательной комиссии Ленинградской области.

Сидоров и «сосватал» меня в 1967 году на работу в райком комсомола. Пришлось согласиться на меньшую – 105 рублей – заработную плату. Меркантильных интересов не было. Заманчиво было поработать в незнакомой для себя области. В производственном объединении «Химчистка» мне было откровенно скучно.

Первая должность в райкоме – инструктор организационного отдела. Мне двадцать пять лет. Через два года я был уже вторым секретарём. Дал путёвку в жизнь многим сотрудникам КГБ, МВД и т.д.

Нагрузки были запредельными. Но больше всего доставалось моей любимой Софье Николаевне – муж приезжал только на короткую ночёвку.

ПАРТИЙНАЯ КУХНЯ

Назначение меня на работу в должности заместителя начальника Управления по борьбе с хищениями социалистической собственности Главного Управления внутренних дел Ленгориспокома воспринял как понижение.

Прежняя моя должность – заместитель заведующего отделом административных и финансовых органов Ленинградского горкома КПСС предполагала координацию работы всех правоохранительных органов Ленинграда и Ленинградской области, а именно прокуратуры, МВД, суда, адвокатуры, исправительной системы.

Работать приходилось в основном с людьми в больших чинах и генеральских званиях. Все кадровые назначения (например, начальников РУВД, их заместителей) проходили при непосредственном участии отдела.

Чем была сильна партийная структура? Институтом партийной номенклатуры. Если, например, взять завод, то в состав «кадрового резерва» входили все начальники: от цехов и выше. Кадровое назначение на руководящую должность было невозможно без одобрения парткома.

До своей назначения в Ленинградский горком, я отработал в Смольнинском райкоме партии. С 1972 года – инструктором, а потом – в течение пяти лет – заведующим орготделом.

Смольнинский район Ленинграда – это около 240 организаций: 35 научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро, около 30 промышленных предприятий, школы, больницы, учреждения культуры, дошкольные учреждения. Руководители всех этих организаций были членами КПСС. Они и составляли номенклатуру районного комитета партии.

Руководители особо крупных предприятий считались «зоной ответственности» или горкома, или обкома, или ЦК КПСС. Райком по данным кандидатурам готовил документы, но решения о кадровых назначениях принимались выше.

С одной стороны никто не мог быть назначен на должность без нашего кивка. С другой, если в райкоме приходили к выводу о том, что кто-то не соответствует той или иной должности по своим личным характеристикам, никто не в силах был отстоять данную кандидатуру.

Райком были первой и последней инстанцией при кадровых назначениях «на своей земле». Исключений из общего правила я не помню. Хотя попытки «обновить» отработанный годами кадровый механизм были.

Приведу один пример. В райком поступило анонимное заявление на злоупотребления служебным положением директора одного из медицинских институтов.

В партийных организациях рассматривались все заявления, которые поступали в наш адрес, в том числе и без указания фамилии или иных данных заявителя. На анонимные заявления – из-за отсутствия адресата – не отвечали, но справка о проверке «сигнала» хранилась в архиве.

Суть анонимки сводилась к тому, что директор использовал для возведения собственной дачи строительные материалы, выделенные для ремонта института. «Народные мстители» – комитет народного контроля – проверили «сигнал». Факты, изложенные в заявлении, подтвердились. Персональное дело было вынесено на бюро райкома партии. Орготдел предлагал объявить директору выговор с занесением в учётную карточку члена партии и отстранить от должности за совершение дискредитирующего поступка.

Директор был доктором наук, человеком с именем и связями в Москве и Ленинграде. На бюро, в поддержку проштрафившегося прибыл заместитель министра здравоохранения РСФСР.

Перед заседанием бюро состоялся предварительный разговор у первого секретаря райкома. Пригласили и меня, заварившего эту кашу, с документами, изобличающими директора института в злоупотреблениях. Москвич упирал на то, что доктор весьма ценный специалист в своей области. Я возражал, что Устав партии не содержит положений, которые бы давали поблажки тем или иным категориям руководителей.

Замминистра пошёл в обход, вышел на обком, задействовал партийную комиссию, которая в те годы выступала в роли партийной инквизиции. В обкоме ходатайствовали об снисхождении для проштрафившегося директора.

Я был тогда слишком молод, бескомпромиссен. Для меня в начале моей партийной карьеры было всё ясно, полутонов не существовало. Ответил решительно: «Если вы считаете, что райком занимаем неправильную позицию, берите ответственность за

решение данного вопроса на себя». Желающих не нашлось. Телефонные звонки прекратились.

На бюро директору института был объявлен выговор, своей должности он лишился. Республиканское министерство здравоохранения не помогло. Хотя вопрос по нынешним временам был пустяковым: доктор прихватил немного метров линолеума и пару кубов досок.

В Смольнинском – рядовом по меркам Ленинграда районном комитете партии – царила атмосфера нетерпимости к любому проявлению беззакония. В Выборгском, Кировском – пролетарских – районах города «гайки» закручивали ещё сильнее. Власть партийных комитетов при расстановке и контроле за руководителями любых уровней снимала проблему многоуровневого «блатного» прикрытия коррупционеров, которая в современной России действует повсеместно.

В последней партийной должности я работал шесть лет. Срок говорил о том, что я «засиделся». Обычным кадровым темпом тех лет считался интервал в три года. В Управление БХСС я пришёл с ощущением того, что меня недооценили. Легко мог оказаться в органах юстиции, куда направляли многих моих коллег.

В милиции мне сразу присвоили звание подполковника. В партийных органах не было специальных званий. По военкомату моё воинское звание было «капитан». Получается, что майора я «перешагнул».

С ЗАНЕСЕНИЕМ В ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Один из главных принципов подбора партийных кадров был не нов. Каждый новый назначенец подтягивал к своей новой должности земляков, бывших сослуживцев.

Как формировался Ленинградский обком КПСС в те годы? Назначение на должность первого секретаря Григория Романова означало, что в обкоме будут в фаворе представители Кировского районного комитета Ленинграда. Григорий Васильевич до назначения возглавлял партийную организацию данного района.

Пришёл на должность второго секретаря обкома Суслов – «зелёный свет» был включён выходцам из Петроградского района Ленинграда.

Данный принцип работает и сейчас. Новый руководитель «тащит» за собой тех, кого оценил по предыдущей работе, знает кому - что можно доверить.

Плохо это или хорошо?

Власть «нашпигована» таким количеством теневых моментов, что без людей, которым руководитель доверяет на все 100%, невозможно. «Править балом» можно при любой свите. Но сделать что-то толковое - лишь при условии, когда под рукой находится команда единомышленников.

У подобного подхода к кадрам существует теневая сторона. Свои люди незаменимы и тогда, когда тот или иной руководитель сделал государственную должность источником личного обогащения.

Что сейчас творится в Москве? К государственным должностям оказались призваны герои, многих из которых УБХСС ГУВД Ленинграда (Санкт-Петербурга) и Ленинградской области в начале 90-х годов прошлого века не успело привлечь к уголовной ответственности. А коль к «кормлению» призваны только свои, отсутствует система спроса и контроля. В отличие от социалистических времён.

За пример возьму Смольнинский районный комитет КПСС. На более чем 230 номенклатурные должности района – руководителей крупнейших учреждений, учебных заведений, промышленных предприятий и т.д. – могли претендовать только члены партии. В год десять-пятнадцать человек из этой обоймы за различные правонарушения получали выговоры с занесением в учётную карточку члена партии. Чаще всего проступки были связаны со злоупотреблением алкоголем, семейными скандалами. Наказывали только в случае крайней необходимости.

Я, как участвующий в назначении того или иного кандидата на руководящую должность, отвечал за качество выбора. Если через год мой протеже «обделался», Водолееву могли предъявить вполне обоснованные претензии. Партийный комитет не был карающим органом. Мы, скорее, оберегали наших назначенцев, держали их в некоторых рамках, ежовых рукавицах.

За год в районе по дискредитирующим обстоятельствам освобождали от должности одного-двух руководителей. Это были такие «кадры», которых нельзя было терпеть – в качестве руководящего звена - ни при каких обстоятельствах.

В самом райкоме зорко следили друг за другом. Сигнализировать о возможных прегрешениях могли и в обком. Как правило, анонимно.

Если при уголовном судопроизводстве виновность подсудимого доказывало государство, то принцип «разбора полётов» при рассмотрении партийных персональных дел был другим. Человек, на которого поступил «сигнал», должен был представить доказательства своей невиновности самостоятельно. В противном случае инструктору или заведующему отделом райкома подыскивали другую должность. По заслугам.

Скажу даже больше. К Трудовому кодексу тех лет приобщался перечень должностей, по которым трудовые споры судами общей юрисдикции не рассматривались, а исковые заявления не принимались. Существовали «список №1» и «список №2».

Первый включал в себя перечень должностей партийных и советских работников. Если сотрудника «вышибли» с работы в исполкоме, то в суд дорога уволенному по дискредитирующему обстоятельству была заказана.

То был «фундамент», дисциплинирующий партийную номенклатуру. В отличие от нынешних времен. Отправили в отставку генерала, а он восстанавливает своё право на должность в суде «до посинения».

Подобный подход был нарушением прав большой категории граждан, лишённых судебной защиты. С другой стороны руководители - под угрозой получения «волчьего билета» - не позволяли себе злоупотреблений.

Завышенных требований к руководителям никто не предъявлял.

«Джентльменский набор» был следующим. Директор завода должен был обеспечить выполнение плана, не совершать аморальных проступков, не злоупотреблять алкоголем и т.д.

В нашей системе не любили ссориться. Сотрудничество партийного аппарата и руководящих работников строилось на конструктивной основе. Постановка вопроса была такой: если работник райкома не мог убедить в чём-то руководителя, то вина возлагалась на партийный аппарат.

Материальное благополучие работника райкома было лучше, чем обычного советского гражданина. Если средняя - начала 80-х годов прошлого века - заработная плата по стране была равна 120 руб., то я по ведомости получал 250 рублей. Но денежное содержание доктора наук, профессора, в то же время, было не менее 500 рублей.

Возможность левого приработка отсутствовала. Некоторым исключением из правил были инструкторы, которые курировали торговлю и общественное питание. Но максимум на что мог рассчитывать партийный босс, это закусить или выпить за государственный счёт.

Значимым для партийных работников было более быстрое решение жилищной проблемы. Когда в 1972 году я пришёл с должности второго секретаря райкома ВЛКСМ на партийную работу в Смольнинский райком, собственная жилищная проблема стояла остро. С семьёй проживал в коммунальной квартире. Родился ребёнок. Стало тесновато в одной комнате.

Ещё раньше я решил заработать на кооперативную квартиру в заграничных командировках, в море. Стал оформлять документы. Но первый секретарь Смольнинского райкома партии Ростислав Николаев, бывший первый секретарь Ленинградского обкома ВЛКСМ, не отпустил. Пообещал решить мой квартирный вопрос через год, а по моим прикидкам я в

течение не ранее трёх лет должен был заработать на кооператив. Если бы устроился в загранкомандировку.

Слова первого секретаря райкома были подкреплены статистикой. На 80 работников райкома ежегодно выделялось до двух квартир.

Слово своё Николаев сдержал. В 1973 году я получил ордер на двухкомнатную квартиру в Весёлом Посёлке. Счастью моей семьи не было предела.

С КГБ

Работу в райкоме совмещал с учёбой. «Грызть гранит науки» приходилось в двух вузах: Лесотехнической академии и на юридическом факультете Ленинградского университета. Нагрузка была чудовищной. Партийная работа не нормировалась графиками и рамками. Приходилось делать то, что тебе приказывали.

Испытывала ли страх номенклатура под бдительным оком партийных органов? И да, и нет. Каждый руководитель за совершение дискредитирующих поступков в любой момент мог лишиться своего кресла.

Если партийные органы указывали начальнику ГУВД на необходимость освобождения от должности того или иного начальника районного управления, то совет означал лишь одно: кадровые перестановки должны произойти без обсуждений.

В кадровой работе постоянную помощь партийным комитетам оказывало КГБ. Сотрудники Комитета проверяли информацию на курируемых руководителей.

Позже я узнал, что чекисты дозировали информацию, которую предоставляли в наше распоряжение. Очень дозировали. Из-за личного интереса к кадрам. На компроматах комитетские формировали свой корпус осведомителей, помощников, так называемый институт доверенных лиц. Численность этого института не была регламентирована никакими документами.

В своё время меня поразила информация, которую я получил от руководителя районного отдела КГБ. Я – секретарь Смольнинского райкома комсомола, мой собеседник - в прошлом - боевой офицер, Герой Советского Союза. Звание удостоился в годы Великой Отечественной войны.

Иногда боевой офицер делился со мной жизненными премудростями. С его слов, в предвоенные и послевоенные годы у каждого оперативного сотрудника «на связи» было до 250 человек. «Контакты» обязаны были официально задокументироваться. Но многие работали без подписок.

Правила «игры» были такие: если человек официально занесён в список осведомителей, то минимум раз в месяц оперативник должен был выдать на-гора отчёт о полученной от осведомителя информации. Докладная записка не должна быть «пустой», формальной. Оперативник обязан был принести «в клюве» полезные - с точки зрения органов - сведения.

Любой сигнал «с мест» требовал проверки. Из-за обилия контактов нагрузка на оперативников была огромной. Необходимо было проверять и перепроверять. Факт: сотрудники органов сами были заложниками системы.

КГБ было запрещено вербовать осведомителей в партийном и комсомольском аппарате, но не возбранялось поддерживать доверительные отношения.

В райкоме другой возможности проверить ту или иную информацию, кроме как через КГБ, не было. Поэтому всецело полагались на чекистов.

Когда я перешёл на работу в МВД, убедился, что КГБ нередко злоупотребляло своим положением в кадровом вопросе. Были случаи, когда на вышестоящие должности рекомендовались не наиболее достойные по своим личным и деловым характеристикам претенденты, а согласившиеся сотрудничать с органами люди. Комитет продвигал во власть людей, которые были у чекистов «на крючке».

Одна из идей моей книги, написанной в соавторстве с Сергеем Сидоренко, «Спецслужбы и спецнужды» состоит в том, что КГБ несёт ответственность за то, что «засорил» государственный советский аппарат своими протеже. Но тогда система справлялась с этим. Сейчас – не думаю.

А СУДЬИ КТО?

При моём непосредственном участии с 1980 по 1986 годы проходило и назначение (через выборы) судей Ленинградского городского и районных судов.

В моём подчинении в отделе административных органов Ленинградского горкома КПСС находился инструктор, бывший судья городского суда Валерий Семёнов. Со временем он снова наденет судейскую мантию. Судейский корпус он знал, как свои пять пальцев.

Из Управления юстиции при Ленгорисполкоме (руководитель – Борис Жигулин) отдел административных органов горкома КПСС получал список кандидатов и характеристику на каждого из судей.

Правосудие в Ленинграде тогда вершили 128 районных судей. Представители Фемиды состояли в судейском корпусе, если не пожизненно, то весьма долго. Через выборные процедуры судейская команда обновлялась незначительно. Причины расставания были следующими: выход на пенсию, смерть, семейные обстоятельства.

«На вшивость» проверялась каждая кандидатура. Почти за семь лет моей работы в горкоме по дискредитирующим обстоятельствам из заветного списка убрали не более двух-трёх человек. Причины для отвода кандидатур были смешные по нынешним временам: семейный скандал – в одном случае, медвытрезвитель – в другом. Увольнение судьи с должности из-за совершения должностного преступления, например, получения взятки за вынесения судебного решения в пользу взяткодателя – такого ЧП я не припомню. Я не исключаю того, что в правоохранительные органы подобные сигналы поступали, но юридической, а главное партийной оценки не получили.

На первый план в оценке эффективности того или иного судьи выходила статистика судебного департамента. К общей характеристике на каждого судью прилагалась справка, в которой приводилось количество рассмотренных, например, уголовных дел, приговоров, отмен и т.д. «Качество работы» конкретного судьи можно было представить в цифрах.

Среди критериев особое внимание в горкоме уделялось «сигналам» с мест: обращениям граждан. На судей в горком жаловались часто. Обвинение в излишней волоките или мягкости, выносимых приговоров, для орготдела становилось сигналом присмотреться к кандидату более внимательно.

Стопроцентный показатель выносимых обвинительных приговоров при рассмотрении уголовных дел – считался дополнительным плюсом к характеристике судьи. Но практика оправдательных приговоров также существовала.

Кассационное обжалование советским правом предусмотрено было, и если обвинение судом первой инстанции было «притащено за уши», то такого судью поправляли. Новое рассмотрение дела в суде иногда и смягчало приговоры. Но в горкоме считали меньшим злом более суровый приговор, чем более мягкий.

Ленинградский городской комитет КПСС судей не назначал, а лишь рекомендовал. Впрочем, наши рекомендации были сродни приказу. На списке судей никто в горкоме не ставил визу, подпись или печать. Все понимали, что иного списка или дополнений к уже согласованному перечню фамилий, появиться не должно. Копия документа хранилась в архиве отдела.

Представить себе ситуацию, при которой список судей мог пройти мимо горкома, например, в связи с моим отпуском, было невозможно.

Год от года штат городских судей незначительно увеличивался. Решающим фактором была нагрузка – количество рассматриваемых дел.

В конечном итоге судьей избирал ... народ. Процедура проходила параллельно с выборами в Советы депутатов. В списках для голосования были лишь те, чьи кандидатуры согласовал горком партии.

К 128 судьям, для которых судопроизводство было профессией, добавляли народных заседателей. Заседатели также проходили через сито партийного согласования, пускай и не такое тщательное.

Оказывал ли Ленинградский горком КПСС давление на судебный корпус? Каким оно было?

Отрицать влияние партийных органов на судьей было бы бессмысленно. Хотя бы в силу того, что все судьи времён Советского Союза были коммунистами. Судей объединяла одна партийная организация, в состав которой входили и сотрудники прокуратуры. Ведомства, как правило, находились под одной крышей.

На партийных собраниях, на которых я или мои подчинённые нередко присутствовали в качестве представителей вышестоящей организации, речь шла ... о качестве работы. «Коммунист такой-то, рассматривая такие-то дела, допустил нарушения». Эта цитата часто звучала на собраниях первичных организаций. Судей - членов партии часто предупреждали за недостаточную активность при проведении агитационных мероприятий среди населения по предупреждению преступности, журили за семейные скандалы, объявляли партийные взыскания за недостатки в работе.

Итогом партийных собраний становилась «работа над ошибками». Судьи стремились к тому, чтобы их фамилии на партийных собраниях звучали лишь в положительном контексте.

Не мне судить, была ли престижной профессия судьи в советское время. Но недостатка в кандидатурах никогда не было. У горкома всегда существовал выбор, уговаривать никого не приходилось. В отличие от кандидатов на первичные должности в милицию.

Существовала и разница в оплате труда между «смежными» специальностями (судьями, работниками прокуратуры, милиционерами). Зароботная плата начальника районного отдела милиции была в полтора раза выше, чем у его коллеги в прокуратуре, и на 20-30% - чем у председателя районного суда. Но в любом случае любой судья получал в два раза больше, чем его соседи по подъезду: инженеры, учителя, врачи и т.д.

Советский суд имел исключительно женское лицо. Большая редкость тех лет, если должность занимал мужчина. Впрочем, и сейчас положение дел не сильно изменилось. Женщина в силу психологических особенностей более подходит для роли арбитра между Добром и Злом. Мужчины иногда весьма категоричны, а судейская профессия требует терпения и выдержки.

Женщина как судья всегда более рассудительна, более работоспособна, обязательна, исполнительна, педантична в хорошем смысле этого слова. Мужчины не всегда выдерживают судебную нагрузку, в этом смысле слова, они более ленивы. К тому же сильный пол более подвержен эмоциональному срыву, что так же нежелательно в профессии.

Не вполне согласен со сложившимся стереотипом, что у судей районного звена отсутствует карьерный горизонт. На тот период на 128 районных судей приходилось 40 представителей Фемиды из Ленинградского городского суда. Принадлежность судьи к кассационной инстанции предполагала не только более высокий профессионализм, но и некоторые карьерные перспективы. Из Ленинграда немало судей было «призвано» и в Верховный суд СССР. Юридическая школа Ленинграда была известна на весь Советский Союз. И не без оснований.

Председатель городского суда, его заместители – вот лишь небольшой перечень лиц в судебном сообществе, весьма и весьма специфическом, с которыми я общался постоянно. Судьба подарила мне годы общения с Владимиром Полудняковым, который, начиная с 1981 года, в течении более чем двадцати лет руководил Ленинградским - Санкт-

Петербургским городским судом. Юрист был сильный, но три раза Владимира Ивановича пришлось поправлять.

Поводом послужила кадровая политика Полуднякова в отношении своих заместителей. При назначении в «наследство» Владимиру Ивановичу досталось три заместителя - женщины. В высоком профессионализме юристов никто не сомневался, скажу даже больше – у дам был непререкаемый авторитет в судейском сообществе. Умницы были редчайшие. То ли Полудняков стал ревновать к славе, то ли в силу молодости завидовал коллегам, а возможно видел на данных должностях своих протее, но двоих подчинённых начал притеснять.

Попавшие в опалу Полуднякова открыто не жаловались, но для меня было достаточно, якобы случайно обронённой фазы одной из моих собеседниц: «Председатель недвусмысленно намекает на мой пенсионный возраст, а я без работы умру».

Пришлось «наводить мосты»: Владимир Иванович выслушал «лекцию» о том, что негоже «разбрасываться столь ценными кадрами», а женщин я успокоить банальным: «Пока я в горкоме, ни один волос с вашей головы не упадёт». И не упал.

Я понимал естественное желание молодого руководителя утвердиться в должности путём увольнения наиболее авторитетных и опытных коллег. Но позволить Полуднякову заняться кадровой чехардой в угоду личным амбициям, было бы неправильным.

Со временем Владимир Иванович занял в судебной иерархии Ленинграда - Санкт-Петербурга подобающее его статусу и авторитету место.

ВНЕ ТЕЛЕФОННОГО ПРАВА

Существовала ли практика «телефонного права» в Ленинграде? Скорее нет, чем да. На моей памяти, случаи партийного вмешательства в судейские дела с тем, чтобы изменить решение Фемиды в ту или иную сторону, были крайне редки. Делалось это весьма деликатно.

Например, в Невском суде Ленинграда был рассмотрен внутрисемейный спор. Секретарь горкома попросил меня вмешаться, отреагировать на поступившую жалобу. «Сигнал» поступил от сотрудницы, которая работала в ведомстве «управделами» горкома ... маляром.

Столь специфическую просьбу руководства я, естественно, уважил. Приехал в районный суд, побеспокоил председателя.

Но считать, данный пример показательным я бы не стал.

Второй эпизод был связан с милицией, обокрали квартиру секретаря Ленинградского горкома по идеологии. В милиции с расследованием не торопились. А потом, когда преступление было раскрыто, преступники осуждены, ценные вещи потерпевшей возвращены не были. На скамье подсудимых оказались малолетние преступники, которые украшения перепродали ещё до задержания. Найти перекупщиков «по горячим следам» из-за нерасторопности следствия не представилось возможным.

Потерпевшая однажды встретила меня в горкоме с упрёком: «Что это за правосудие такое?». Вопрос на вопрос: «А что взять с этих малолеток?» - в расчёт не приняла.

По сути, секретарь по идеологии была права. Рядового гражданина, а тем более облеченного партийной властью, интересовал конечный результат. Следствие должно было установить барыг - перекупщиков краденого, украшения должны были быть возвращены. Дело это кропотливое, данные персонажи криминальной жизни Ленинграда – народ весьма осторожный. Новичков к себе не подпускали и на пушечный выстрел. А оперативных подходов у сотрудников МВД тогда не оказалось.

Возмещение ущерба – в год «по пять копеек» - было слабым утешением для потерпевших. Что я мог сделать в той ситуации? Попытался не попадаться на глаза. Объяснился с вышестоящим начальством – ситуация была патовой, предложил даже сброситься рублём.

Этими двумя эпизодами и ограничивалось влияние горкома – через мою особу - на решения судебных органов по конкретным делам.

Миф о пресловутом телефонном праве в судебных спорах является известным преувеличением. По крайней мере, в Ленинграде в мою бытность работы в горкоме. А если партийные органы не считали возможным вмешиваться в судебные споры, то другим это не дано было и подавно.

Ни один секретарь горкома не мог напрямую позвонить председателю районного суда с указанием или даже просьбой. По заведённой тогда практике миновать отдел административных органов Ленинградского горкома КПСС было невозможно. Подобный звонок мог стоить партийному функционеру в Ленинграде карьеры. Риск того, что о беседе узнает первый секретарь горкома или обкома, был большой.

Интерес партийной номенклатуры при разрешении конкретных уголовных или гражданских дел учитывался. Но это никогда не было прямым вмешательством, диктатом, приказом.

Не буду скрывать того, что с просьбами «разрулить ситуацию» на меня выходили неоднократно. Мои коллеги по горкому, только рангом пониже, хлопотали не по судебным, а по милицеским делам. Как правило, кого-то из родных и близких задерживали сотрудники МВД. Но я был последним звеном, до которого доходили данные челобитные.

Единственный - из известных мне - примеров «телефонного права» «сработал» на уровне обкома. Не буду называть фамилию отца – руководителя отдела, который хлопотал об участии своего сына-наркомана. По данным следователей молодой человек был виновен в смерти девушки. Наркоману удалось избежать тогда ответственности. Отец был в фаворе у Григория Романова, тогдашнего первого секретаря Ленинградского обкома партии.

Влияние горкома партии было несколько иного рода. Помню, был период, когда в Ленинграде выросли показатели квартирных краж. Статистика оказалась противоречивой: суд Выборгского района Ленинграда «штамповал» обвинительные приговоры со сроком отбывания наказания до пяти лет, а Смольнинский проявил удивительный либерализм – редко кто из воров слышал в приговоре о лишении свободы более чем на два года.

Вопрос, как говорят, ребром был поставлен на ежегодном совещании судей. С трибуны прозвучало следующее: «Никто из нас не будет отрицать, что квартирные кражи – вещь социально опасная. Анализ показал их значительный рост. Противопоставить преступности государство может лишь одно – адекватную воровству карательную практику. Лучше всего разбираются в политике партии в Выборгском районном суде, где преступникам дают максимальные сроки лишения свободы».

Городской суд в считанные дни обобщил судебную практику и выдал соответствующие, совпадающие с мнением горкома партии, рекомендации.

Между нынешним временем и периодом 70-80-ых годов прошлого века существует одно принципиальное различие. В советский период не было необходимости держать судебный корпус на коротком поводке. Случаи, когда представителей Фемиды преступное сообщество могло запугать или соблазнить рублём, были редки.

Сейчас на чашу весов поставлены более высокие ставки.

Экономические споры измеряются миллионами долларов США, а размеры взяток зашкаливают. Угроза жизни и здоровью судей – норма нашей жизни. Эти причины – веский аргумент для того, чтобы властные структуры работали с людьми в судебных мантиях в плотном контакте. Судьи вынуждены нередко идти на поклон к силовикам. В обмен представители Фемиды учитывают интересы правоохранительных органов. А интересы бывают разные. Политическая и судебная власти обречены на сотрудничество.

Первыми, кто предъявил в моё время претензии к судьям, были сотрудники милиции. В начале 80-ых годов прошлого века в Ленинграде наметился всплеск квартирных краж. Я на правах куратора предъявил претензии к соответствующим руководителям в ГУВД и районах. Те встали в позу: «А что мы можем сделать, если преступников освобождают в

зале суда. А если и лишают свободы, то лишь на незначительные сроки. С учётом сроков нахождения преступников до суда в следственном изоляторе, это равносильно оправдательному приговору». Добавила своё критическое слово и прокуратура. Картина, как говорят, выходила маслом.

На руках у меня оказалась статистика Управления юстиции по каждому из городских судей.

После критического анализа рассмотрения уголовных дел по воровству на ежегодном совещании судей ситуация кардинально изменилась. Никакого «разброда и шатаний» в определении меры наказаний суды впредь не допускали. Следственные изоляторы и тюрьмы тех лет не пустовали. Любой следователь полагал за необходимость держать своего «подопечного» не на подписке о невыезде, а в камере следственного изолятора.

Адекватная реакция Фемиды сразу сказалась и на милицейской статистике. Число квартирных краж пошло на спад.

С другой стороны отдел административных органов Ленинградского горкома КПСС выступал не только «пугалом», но и третейским судьёй. Вернёмся к примеру у проблеме с квартирными кражами. В какой-то период времени и милиция начала хитрить. Допустим, берут группу подростков на конкретной краже и «уговаривают» их взять к трём доказанным эпизодам ещё тридцать, выстраивая этакий длинный «эшелон» со многими «паровозами». Раскрываемость резко повысилась. Смольный это воспринял как очевидное достижение. Милицейские начальники начали делать дырки на погонах и кителях для новых звезд и орденов.

Суды видели эту липу, но до поры до времени молчали. Однажды один из заместителей председателя городского суда шепнула мне в коридоре: «Геннадий Сергеевич, вас просто дурят. Милиция повышает раскрываемость, по сути дела, не раскрывая краж».

Разговора в кулуарах было достаточно, чтобы на встрече с руководством ГУВД сказать: «Ребята, не держите, нас за дураков».

ПОД ПАРТИЙНЫМ КОНТРОЛЕМ

Механизм влияния горкома на городскую прокуратуру и ГУВД через ведомственные партийные организации действовал по накатанной колее. На всю нашу номенклатуру, в первую очередь в силовых органах, велись папки в отделе кадров горкома. Если товарищ получал выговор по партийной линии, сопроводительные документы ложилось в папку с описанием фавулы.

Запись в учётной карточке была сродни чёрной метке. При любых кадровых перемещениях смотрели «историю вопроса». Поэтому партийные взыскания, которые выносились в отношении того или иного силовика, были зачастую сродни обвинительному приговору.

Меньше всего вопросов было к прокуратуре. И не из-за того, что сотрудники ведомства были с безупречными биографиями и чисты аки младенцы. В те годы, прокуратуры была менее значимым органом среди силовых ведомств.

Работников прокуратуры особо не боялись ни суды, ни милиция. К тому же МВД времён Советского Союза имело право оперативно разрабатывать всех – и судейских, и прокурорских. В прокуратуре об этом знали, и с милицией не сорились, памятуя о том, что при желании можно «разработать» не только их, но и их ближайших родственников.

Собирать компромат на партийных работников спецслужбам было запрещено. Если речь шла о секретаре райкома партии, то о результатах докладывалось лично первому секретарю горкома. Запятнавших репутацию ждала почётная ссылка на руководящую должность, например, в «Союзпечать» или общество «Знание».

Партийный аппарат всегда занимался подбором кадров. Но в последние годы моей работы в горкоме, каждое принципиальное назначение в силовых ведомствах приходилось отстаивать с боем. Ведь только образовывалась вакансия – сразу кандидаты на должность включали все имеющиеся в их распоряжении ресурсы: кто-то знал секретаря горкома,

другой – имел круг общения в обкоме, третий подключал денежных людей, у которых «фигурант» находился «на крючке».

Помню в 1982 году начальник штаба Петроградского РУВД полковник Субоч сказал мне: «Гена, деньги – это такая власть, перед которой любая другая деформируется в гармошку». Тогда я его слова пропустил мимо ушей. Но дальнейшая моя работа и служба в партийных органах и МВД подтвердила «диагноз» коллеги и друга.

В те годы стремительными темпами росло и население Ленинграда.

В конце 70- 80-ых годов прошлого века население северной столицы по так называемому «лимиту» ежегодно увеличивалось на 50- 60 тысяч человек. Естественного прироста собственно ленинградцев почти не было. Статистика тех лет такова – в обычной ленинградской семье было меньше троих человек.

Но количество специалистов, на которые претендовали в первую очередь предприятия оборонной отрасли - «лимит», также утверждался горкомом. Предприятия, претендующие на попадание в заявку, направляли соответствующие запросы. Расчётное количество запрашиваемых из других районов Советского Союза специалистов и рабочих было всегда гораздо выше, чем конечный «лимит».

В горкоме аппетиты красных директоров приходилось уменьшать. Если «резали по живому» и заявленная потребность в трудовых ресурсах для конкретного предприятия была жизненно необходимой, директор всегда имел возможность отстоять свою точку зрения.

Набор рабочих и специалистов из других районов СССР предполагал решение целого ряда социальных проблем. Начинали со строительства семейных общежитий. Через десять лет работы на предприятии «лимитчик» получал право на постоянную «прописку» - регистрацию по месту работы и жительства. Автоматически рабочий получал право на очередь на получение постоянного жилья.

НЕБО ... В ЛЕТАЮЩИХ ТАРЕЛКАХ

К концу моей работы в Ленинградском горкоме КПСС, наш внештатный инструктор Виктор Лиль (начальник отдела городского ГАИ по пропаганде) познакомил меня с художником Николаем Потаповым, который специализировался в том числе и на рисовании ... неопознанных летающих объектов. Ныне Николая Петровича нет в живых, умер несколько лет назад в возрасте 75 лет.

Следует сказать, что Виктор Александрович, словно магнитом, притягивал к себе всё необычное. А мне необходимо было душой отдохнуть.

Квартира мастера - две комнаты в коммунальной квартире - находилась на Петроградской стороне. Художник к моменту нашего знакомства как раз закончил очередной цикл картин. На квартирной выставке были собраны впечатления от недавней поездки на Кавказ. Главный герой картин – снежный человек.

Партийная, да и советская пресса, о подобных явлениях не писала. На телевиденье тема была под запретом. Но каких – либо табу на знакомство с подобной тематикой в горкоме партии не существовало. Меня необычность или многообразие интересов Потапова не испугали. Что взять с художника? Решил его дослушать до конца.

Николай Петрович в первый же день нашего знакомства «зарядил» меня новыми впечатлениями и информацией: о пришельцах, которые посещают Землю; об исчезающих людях.

Монолог Потапова пестрил фамилиями многочисленных свидетелей. Такого напора я не выдержал. Не смотря на то, что новые знания в буквальном смысле этого слова огорошили, немедленно связался со штабом ГУВД, попросил предоставить мне статистику о пропавших за год ленинградцах и жителей области.

После наших первых встреч мысль о том, что художника необходимо подлечить ... меня посещала часто. Потапов не был членом Союза художников, а тематика его работ уж слишком была необычной.

Первая семья художника распалась. Не всё было идеальным и во втором браке. Через несколько дней на моём столе оказался полный расклад. Оказалось, что в середине 80-ых годов ежегодно в ГУВД Ленгорисполкома поступало до 2,5 тысяч заявлений о пропаже людей. Каждое заявление регистрировалось. Из пропавших бесследно исчезала десятая часть – 200-250 человек.

Оказалось, что «домыслы» Николая Петровича – о пропавших с помощью космических пришельцев людях – имеют под собой некую основу. И статистика ГУВД - необычные по тем временам взгляды Потапова - не опровергала, а наоборот подтверждала.

Полностью мои взгляды на необычные явления Николай Петрович не опроверг (многие люди могли и наверняка сгинули в бескрайних лесах, топях и т.д.), но сомнения «что-то в этом есть» остались. И укрепились после того, как художник ознакомил меня с магнитофонной записью.

Магнитофон я ему сам «подогнал». Потапов записал свидетельства очевидцев – локомотивной бригады, которая перегоняла состав в сторону Приозерска. На одном из перегонов к составу приблизился огненный, ближе к оранжевому колеру, диск. Железнодорожники почувствовали, что прибавилась тяга. Машинист начал сбрасывать скорость. Но не тут - то было.

Работяги начали кричать. Позже окажется, что какофонию звуков запишет диспетчер.

При подходе к станции состав всё-таки притормозили. Но к тому времени диск улетел за горизонт.

Случай получил прессу.

Потапов со слов очевидцев сделал зарисовку.

«Проводниками» Николая Петровича оказались многие ленинградцы, которые стали случайными (или какими?) свидетелями необычных явлений.

К началу 90-ых годов в запасниках Потапова была уже целая коллекция, состоящая из более чем ста картин, объединенных одной темой – аномальные явления природы. К каждой картине была аннотация относительно места, описание события, которое наблюдали очевидцы.

Я помог организовать в ДК им. Дзержинского выставку работ Петровича. Вернисаж имел успех, хотя никаких анонсов в средствах массовой информации не было. Весть передавалась из уст в уста. Почтили вниманием Потапова и многие люди в чинах.

Николай Петрович подошёл к изучению явления комплексно. Им были прочитаны летописные записи ряда монастырей Северо - Запада России. Оказалось, что подобные явления на небе и земле наблюдались и нашими предками.

Интерес к работам Потапова возрастал с каждым годом. Со слов художника выставки, которые пошли по городам и весям, всё чаще посещало партийное руководство. Правда, обычно ночью, тайно. К выставочным залам подкатывали машины, и картины рассматривались, чуть ли не при свечах. Проявлять интерес к работам художников в дневное время, означало признать де- факто необычные явления природы как таковые. Партийные функционеры этого позволить себе не могли. Тогда в нашей жизни культивировался принцип доступности для изучения и понятности всех природных явлений.

В Союз художников Потапов был принят не как автор работ о потусторонних аномалиях, а за серию пейзажей.

Основой для «ставропольского» цикла работ Потапова стали рассказы одного агронома. Необычные явления на Кавказе он заметил давно, правда, всё больше во время шумных компаний. Что, понятно, не добавляло достоверности словам очевидца.

Но однажды – на место наблюдений в горное ущелье – агроном выбрался один. После часа – другого ожиданий небо «разрезала» огромная огненная комета. Агроном испугался, бросился бежать без оглядки прочь. Пока беглеца не остановил голос: «Кострыкин (от авт. – фамилия агронома) остановись». Ноги в одночасье стали ватными.

Агроном развернулся на сто восемьдесят градусов. Перед глазами предстало огненное зарево, а на его фоне три фигуры в светлых одеждах. «Не бойся нас» - услышал агроном. Пришельцы (а кто это мог быть?) помогли спуститься в ущелье, в середине которого расположилось огненное блюдце, опоясанное светящимися неоновыми кольцами.

«Зашли внутрь корабля» - продолжил свой рассказ Кострыкин. Первый вопрос, на которой пришлось отвечать нашему соотечественнику, был о его национальности. А когда агроном сослался на то, что «он местный абориген», его собеседники рассказали историю о миграции народностей в этой местности. От пришельцев Кострыкин узнал, к какой этнической группе он принадлежит, какие у народности исторические корни.

Далее агроному преподали целый мастер-класс из телепередачи «Здоровье». На его неуверенное «Ничего», которое стало ответом на вопрос: «Как здоровье?», один из инопланетян погрузил чёрного цвета кисть руки в грудную клетку Кострыкина. Что-то нажал до боли. С тех пор агроном перестал жаловаться на боли в сердце.

Кострыкин божился, что пришельцы объяснили ему, откуда и зачем они прилетели на Землю. Предложили показать свою родину. Только предупредили: «Молчи, ни звука». С тем и взлетели.

На «альфе- центавре» оказалось «многолюдно». Сплошь и рядом «молодые люди», стариков – в нашем понимании – агроном там не увидел. Кострыкин осмелел: «А у вас есть что-то похожее на ад?». Не успел задать вопрос, как началось перемещение вниз, послышался хохот, мат (могуч русский язык?).

Опустились «ниже». Раздалась песня: «Коля, ты меня любил, Коля, ты меня убил». Объяснили: «Это загубленные души молодых женщин». Души душегубов и жертв оказались взаимосвязаны. Как гири, привязанные к телу.

Кто-то подошёл, сказал с украинским акцентом: «А подивись, який смішний парубок?!» Это об агрономе.

Кострыкин начал философствовать, спросил о добре и зле. «Сейчас» - раздалось в ответ. «Спустились» ещё ниже. «Мрак полный, вокруг скалы» - вспоминал визитёр. – «Из камня материализуется фигура. Чёрная. Угрожающего громадного роста. И сиганула на меня. Душа опустилась в пятки, а сопровождающие куда-то запропастились. С перепугу стал читать «Отче наш». А знаю – то всего - ничего. Как только молвил Божье слово – супостат остановился. Только закрыл рот – продолжил движение в мою сторону. От полной безнадёги стал вспоминать суры. Священные тексты также оказались действенными. А когда уже думал, что «кранты», из-за спины выпорхнул светлый шарик, ударился об «землю» и чудесным образом превратился в фигурку, отдалённо напоминающее египетское божество с птичьим клювом. Руки без кистей. Светлая фигура набросилась на тёмную. И что здесь только началось. Добро победило зло, порвало на куски.

История «ставропольского» цикла имела продолжение. Кострыкин взял у Потапова слайды картин, поехал в США. Говорят, что в Америке агроном представлялся автором работ.

Потапов много, но безденежно работал с финнами. Соседи проявили к работам художника повышенный интерес, снимали много, но от сотрудничества не искушенному в пиаре своего творчества Потапову, не досталось ни марки.

Иногда – до смерти художника - я помогал Петровичу с продажей картин. На одной из конспиративных квартир ГУВД была организована временная студия художника. Одно другому не мешало. Тем более студия помогала «легендировать» явку.

Жил Потапов не богато. Но художник был без претензий. Семья придерживалась, правда, других позиций. С продажей картин в XXI веке как-то не сложилось. Поддерживать штаны помогала небольшая пенсия, случайные заработки в газетах и издательствах.

Последние годы его жизни я бы не назвал самыми счастливыми в его биографии. Дети выросли, стеснили отца в небольшой закуток. Не думаю, чтобы в настоящее время у родных и близких Николая Петровича что-либо осталось на руках. Родные оказались

прагматиками. Коллекция «растаяла». О её судьбе даже не пытаюсь ничего узнавать. Наверняка, новости меня глубоко огорчат.

В своё время коллекция по моей просьбе была снята на видео. Кассету я отдал Потапову. Её судьба мне неизвестна.

Ныне эта тема зазвучала в полный рост. Слово взяли учётные, космонавты, спецслужбы, военные...

На память о нашей дружбе в моей квартире на стене висят две картины Мастера. Приобрёл их ещё в советское время. Замечательные пейзажные работы.

АНДРОПОВСКИЙ ПРИЗЫВ

Одну как сейчас называют, системную ошибку при работе с кадрами я всё же допустил.

Я – заместитель заведующего отделом административных органов Ленинградского горкома КПСС. В должности одного из главных «кадровиков» партийной номенклатуры правоохранительных органов Ленинграда без малого семь лет.

Распределение «ролей» было следующим. Я курировал правоохранительные органы, «специализацией» моего начальника – заведующего отделом Геннадия Воцинина была номенклатура Министерство обороны СССР, финансовые и спортивные функционеры.

Геннадий Петрович – пример, в том числе и для меня, безукоризненного в нравственном плане человека. Не думаю, что назначение Воцинина на ключевую должность состоялось благодаря Григорию Романову. Первый секретарь Ленинградского горкома партии тех лет Юрий Соловьёв был волевым, не терпящим вмешательства в «закреплённую» за ним епархию. Кадровые вопросы горкома Соловьёв решал самостоятельно.

Без лишней скромности сообщу, что приглашения ко мне в кабинет боялись. Больше, чем вызова на ковёр к своему непосредственному начальству. Потому, что начальник мог накричать, объявить дисциплинарное взыскание, лишит премии, но не мог без санкции горкома снять с должности.

Помните реплику одного из гестаповцев из культового фильма «Щит и меч»: «У нас даже генералы плачут, как дети». Генералы в моём кабинете не плакали, «добро» на изменения в их личном деле согласовывал административный отдел ЦК КПСС на Старой площади. «Клиентами» горкома, по принятой тогда терминологии – номенклатурой, были полковники. По линии МВД горком давал «добро» на назначение и соответственно на увольнение по дискредитирующим обстоятельствам, на начальника ГУВД, его заместителей, начальников управлений и РУВД.

«Технически» увольнение выглядело так: отдел готовил обоснованное представление, вопрос докладывался второму секретарю Ленинградского горкома КПСС, который курировал правоохранительные органы. Именно он и давал «отмашку».

Помню, один такой не плакал, но во время разговора держался за спинку стула, чтобы не упасть от волнения. В анонимке, которую доброжелатели адресовали в горком партии, сообщалось о загулах облечённого властью служивого с девочками в бане. После моего вступления: «Если подтвердиться хотя бы малая часть из написанного, вы будете собирать бутылки, а не мечтать о генеральском кителе», полковник и вцепился в мебель.

За время своей работы в Смольном я лично побеседовал с семью начальниками РУВД Ленинграда по поводу из «подвигов». Обычно начинал со слов: «Вы находитесь в штабе партии! Я как коммунист коммуниста спрашиваю: вы позволяли себе ...» А далее сообщал собеседнику длинный или короткий перечень его прегрешений. О которых стало известно, как правило, из анонимных сообщений. Реже – от «органов» или «обиженных» подчинённых. И дыма без огня, как правило, не бывало.

Уволить проштрафившегося со службы - было проще пареной репы: для этого необходимо было лишь позвонить и сообщить о решении руководства горкома КПСС. Кадровые органы приводили «приговор в исполнение» в течение трёх дней. Субординация выполнялась неукоснительно. Если должностное лицо «шло под откос» по

партийной рекомендации, ведомство, в котором он служил, защитить его не могло при всём желании.

В период моей работы заместителем заведующего отделом административных органов Ленинградского горкома КПСС партийные организации активно работали с письмами граждан, в том числе и с анонимными сообщениями. Каждое сообщение необходимо было проверять. По каждому обращению с подписью сотрудники отдела встречались с заявителем.

В начале 80-ых годов прошлого века стали преобладать жалобы, которые в дальнейшем подтверждались результатами проверок, на сотрудников милиции. В обществе отношение к сотрудникам МВД было достаточно критичным. Но по происшествию многих - многих лет, пришёл к переоценке ситуации. Ведь всё познается в сравнении.

Ведь на что жаловались тридцать лет назад? На то, что сотрудники работают безынициативно, уклоняются от регистрации заявлений о совершении преступлений, на побои в медвытрезвителях и т.д. Грехи ведомства тех лет выглядят смехотворными по сравнению с деяниями оборотней в погонах начала XXI века. О том, что кадры в правоохранительном ведомстве «хромают» на обе ноги, как нам тогда казалось, свидетельствовала и статистика прокуратуры, судов и т.д.

Наш отдел, который напрямую отвечал за подбор кадров в ГУВД Ленинграда и области, не мог не ответить на этот вызов. Пришли к следующему: для того, чтобы понизить коррупционный градус командного состава МВД и повысить их профессионализм необходимо укрепить руководящий состав органов. Кем? Ответ напрашивался сам собой - сотрудниками Комитета государственной безопасности, которых тогда считали не иначе, как солдатами партии. Отдел подготовил предложение на этот счёт в ЦК КПСС.

Записка в Москве была принята, а наша рекомендация реализована. В 1983 году руководство ленинградской милиции было «укреплено» 25 чекистами.

Почему отдел административных органов Ленинградского горкома КПСС с целью укрепления руководящего состава органов МВД обратился за помощью к КГБ? Руководители районных структур Комитета государственной безопасности не были, в отличие от назначенцев в МВД, нашей номенклатурой. При назначении на руководящие должности в МВД наш отдел полагался на ... информацию, которую горком получал из Комитета. Данные почти всегда были объективны.

На моей памяти был лишь один сбой. О назначении начальника главной водопроводной станции Ленинграда горком поставили перед фактом. Руководитель был не без способностей, но «с камнем» за пазухой по отношению к партийным работникам. Заинтересовались, откуда такая ненависть к «руководящей и направляющей» силе? Оказалось, что у товарища были основания относиться к коммунистам без должного пиетета – семья главного по воде и трубам в своё время была раскулачена, этапирована в Казахстан и т.д. Недовольство к советской власти переходящее порой в нескрываемую ненависть передалось от деда к внуку. Через некоторое время под благовидным предлогом начальник был убран подальше от номенклатурной должности.

На запросы отдела сотрудники КГБ отвечали всегда. И не только при кадровых назначениях в МВД. Через сито КГБ проходили все кандидаты, которых рекомендовал горком на выборах в исполнительные и законодательные органы власти. Проверялось досье не только на будущего депутата городского или областного совета депутатов трудящихся. В поле зрения спецслужбы были и ближайшие их родственники, в том числе, и по линии жены.

Двойной, а то и тройной контроль исключал попадание в бюллетени для голосования лиц, чьи родственники, например, в Великую Отечественную войну воевали на стороне гитлеровской Германии. Только спецслужбы обладали и обладают до сих пор данной информацией. Данные архивы никуда не пропали, они составляют золотой актив нынешней Федеральной службы безопасности.

Но информация информации рознь. Данные о том, что дед, например, потенциального кандидата на продвижение по служебной или общественной линии находился в услужении гитлеровской Германии, ставили крест на карьере. Из-за этого отсекали от депутатства в Верховный совет РСФСР при мне двух заслуженных кандидатов из рабочих. У одного дед или отец оказался власовцем.

Но свидетельства того, что будущий депутат погуливает на стороне, ещё оставляли кандидату шанс на получение счастливого билета.

В начале 80-ых годов прошлого века усиление МВД сотрудниками КГБ выглядело для нас оптимальным. Подготовленное мною предложение, в ЦК КПСС было передано за подписью второго секретаря Ленинградского горкома Анатолия Дубова, бывшего первого секретаря Кировского райкома КПСС.

Идею «андроповского набора» в МВД поддержал и заведующий организационным отделом обкома Павел Можаяев, который позже (с августа 1986 по март 1988 года) будет назначен послом СССР в Афганистан.

Пал Петрович курировал все кадры, и его голос был не последним. Докладная записка была материализована в тщательном разработанном постановлении ЦК КПСС. Для усиления ГУВД Ленинграда и области было направлено упомянутых 25 человек в звании от майора до полковника.

Большая часть отряда ЧК «осела» в УБХСС, где была продолжена - по предложению тогдашнего начальника ГУВД генерала КГБ Анатолия Куркова - и моя карьера.

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЮ

Основные задачи, которые я изначально решал в должности заместителя начальника УБХСС ГУВД Ленгорисполкомов, не касались оперативных вопросов. Опыта подобной работы у меня не было. Оперативные вопросы находились в зоне ответственности начальников отделов. Среди оперативников «иногородных» тел для системы МВД не было.

В моём же активе были хорошо отлаженные связи с руководством городского и районных судов, с городской и районными прокуратурами. Само собой – с партийными и советскими структурами.

В середине 80-ых годов прошлого века в Управлении сложилась непростая ситуация. Для «реализации» материалов хронически не хватало следователей. Дела возбуждали, а доводить их до логичного завершения, то есть до суда, не хватало рук.

Есть некая доля правды в теме о так называемых «ментовских войнах», когда различные структуры МВД «тянут одеяло на себя». Со мной считались все. Учитывая мои партийные связи, в открытую дискуссию со мной никто не вступал.

С другой стороны необходимо было «сопровождать» уголовные дела и в суде. В Ленинградском городском суде лучше воспринимали аргументы в моём изложении. «Подписать» административным ресурсом тогда приходилось почти любое даже безупречное с точки судебной перспективы значимое уголовное дело. А в производство Ленинградского городского суда принимались: или резонансные дела, или дела, фигурантами которых были довольно значимые фигуры.

С момента возбуждения уголовного дела, а уж после передачи дела в суд и подавно, подсудимые задействовали все связи и знакомства с тем, чтобы избежать или минимизировать уголовную ответственность. Противодействие Фемиде не прекращалась ни на день. Передать дело в суд и отказаться от его «сопровождения» означало пренебречь реальной угрозой развалить обвинение.

Административный ресурс в моём лице работал не сколько на то, чтобы отправить в места не столь отдалённые невиновных, а для того, чтобы «вор сидел», для торжества закона. И больше ничего. Невиновными мы тогда не занимались, практики «наездов» правоохранителей не существовало.

За уголовными делами иногда необходимо было присматривать не только в ходе следствия или суда, надзор осуществляли в ходе исполнения наказания. С тем, чтобы преступника с именем под каким-нибудь законным способом не выпустили на свободу ранее отведённого ему срока.

Что значить «сопроводить» уголовное дело в суде? Прежде всего, встретиться с председателем суда, его заместителями. Приходилось обращать внимание моих собеседников на ряд важных моментов, которые нельзя было упустить при рассмотрении дела. Разоблачал мифы о родственных связях подсудимых с сильными мира сего. Доказывал, что злодеи не связаны теми или иными отношениями с должностными лицами, от которых зависят кадровые назначения в судебском корпусе.

Судьи всегда находились под «прессом» адвокатов, родственников и знакомых подсудимых. Желая услышать оправдательный приговор, в ход шли всевозможные провокации и ухищрения, вплоть до давления на родных и близких слуг Фемиды. Приходилось иногда воевать и против своих бывших коллег, с которыми был связан работой в партийных органах.

Помните, как сказано у Александра Грибоедова: «Защиту от суда нашли в друзьях, родстве». Этот принцип противодействия правосудию работает и поныне. Личной антипатии или неприязни у меня ни к одному из обвиняемых не было. Работал как руководитель ведомства, которое должно выдать результат.

Я отвечал в своей части и за эффективность работы Управления. Главный же показатель эффективности – обвинительный приговор. В случае оправдательного вердикта считалось, что мы сработали в «ноль». Следователи и оперативники, которые работали над темой в течение года, а по отдельным резонансным делам и более, не имели права на «холостой выстрел».

ОПЕРАЦИЯ «ЧЕРЕШНЯ»

Обладая изрядным опытом работы в партийных органах, я не испытывал боязни ни перед одним городским чиновником, работниками горкома и обкомов КПСС. Хотя желающие взять на испуг были всегда.

Помню историю, в которой ключевую роль сыграл недавно назначенный на должность председателя горисполкома Владимир Ходырев. Я – в должности заместителя начальника УБХСС ГУВД Ленгориспокомов.

С Ходыревым – человеком в то время весьма импульсным, сильным руководителем, который мог рубануть с плеча, – я работал ещё в Смольнинском райкоме партии. Меня пригласили в Ленгорисполком на совещание, посвящённое работе городских рынков.

- Геннадий Сергеевич, вы можете справиться с этим бардаком – обратился Владимир Ходырев ко мне публично. – И показать всем, что Управление не зря жуёт хлеб за государственный кошт.

Председателя Ленгориспокома возмутило то, что городские рынки «оккупировали» представители солнечного Азербайджана.

В дискуссии на совещании я вступать не стал, заявил, что разберусь с обстановкой и доложу. Ситуация сложилась следующая. В сезон в Ленинград для торговли приезжало свыше пяти тысяч азербайджанцев. Но честными торговцами ленинградцы их не считали. Работали представители южной союзной республики перекупщиками. Если использовать терминологию сегодняшнего дня. Тогда в ходу было иное слово – спекулянты.

На ближайших подъездах к Ленинграду, в местах отдыха водителей большегрузных фур товар скупался на корню. Например, черешню из Молдавии они заставляли продавать по три рубля за килограмм. На следующий день на любом городском прилавке ягоду можно было купить в несколько раз дороже. В данном конкретном случае по пятнадцать рублей за килограмм. Ходырев и поручил Управлению «разрулить» ситуацию с черешневой мафией.

Ситуация требовала нестандартного решения. Обычные методы не срабатывали в силу того, что спекуляция ягодой приняла тотальный характер. И это вызывало сильное недовольство в городе. За руку спекулянтов схватить было непросто. Непосредственно за прилавком стояли не азербайджанцы, а нанятые для торговли местные женщины-продавцы.

Мои подчиненные доложили, что без «силового» сопровождения операция «Черешня» обречена на провал. А раз есть акция устрашения, возможны жалобы на превышение служебных полномочий. Крайними могли оказаться оперативные сотрудники. Набравшая авторитет в обществе азербайджанская община вполне могла обратиться в прокуратуру. Судебной перспективы у таких обращений не было, но проверка могла длиться до полугода. Рисковать своей служебной карьерой никто не хотел.

Перед Владимиром Ходыревым я поставил единственное условие, в случае принятия которого порядок на городских рынках Управление бралось навести в кратчайшие сроки. Исполнительная власть должна «убедить» городскую прокуратуру – и так чтобы надзорное ведомство приняло просьбу к обязательному исполнению, а не к сведению – на период проведения операция «Черешня» спускать на тормозах жалобы на оперативных сотрудников Управления.

Ходырев после небольшой паузы ответил: «Хорошо».

Просьба дошла до надзорного ведомства. На совещании в городской прокуратуре договорились действовать жестко, на результат. Прокуроры районов согласились не принимать ни одного заявления от потенциальных потерпевших в процессе проведения операции «Черешня» на оперативных сотрудников УБХСС.

Разработал операцию и непосредственно руководил ею блестящий – и не только на мой взгляд – офицер, руководитель одного из «профильных» отделов Управления майор Минин, в последующем заместитель начальника УБХСС. Один их порядочных людей, встречу с которым мне определила судьба.

Начали с Некрасовского, ныне Мальцевского, рынка. По нашим оперативным данным в тот период к рынку было «приписано» до 500 азербайджанцев. Для того, чтобы перекрыть все входы-выходы потребовалось «две машины ОМОН», сорок человек. «Добро» было получено от начальника ГУВД. Силовая акция по зачистке Некрасовского рынка была проведена без лишних слов. В ход пошли дубинки.

Доказывать перекупщикам, что на рынке товар реализуется по завышенным, а значит спекулятивным ценам, долго не пришлось. Дно каждого ящика, в котором находилась ягода, было застелено газетами на молдавском языке. Экзамен на знание молдавского ни один азербайджанец, который в тот день находился на Некрасовском рынке, не выдержал. Спекулянты не могли объяснить происхождение черешни. От товара начали отрешиваться. Изъятая ягода по моему распоряжению была доставлена в ближайшие к рынку детские дошкольные учреждения.

Перекупщики с поражением не смирились. Пытались вернуть товар. Пришлось проводить «разъяснительную работу» с помощью подразделения ОМОН по второму разу. Через два месяца я доложил наверх о том, что операция «Черешня», целью которой была борьба со спекуляцией ягодой, на рынках Ленинграда успешно завершена. Азербайджанцы переориентировались на торговлю вдоль трасс, и на пригороды северной столицы. И цены за товар просили божеские: 5-6 рублей вместо 15.

Ценой успешно проведенной акции было ... отступление от некоторых процессуальных норм, регламентирующих в той ситуации действия сотрудников внутренних дел. Ведь что необходимо понимать под «силовым решением вопроса»? Спекулянтов, оказавших сопротивление, охлаждали дубинками. Без лишних слов и они почувствовали силу закона или... беззакония. Здесь вопрос для дискуссии. Но...

Этот урок спекулянты запомнили надолго. В дальнейшем они рассеивались лишь при одном появлении машин с отрядом милиции особого назначения.

Через год-два, после ухода Владимира Ходырева, который фактически разделил ответственность за наведение порядка столь радикальным способом, настали другие времена. В горисполкоме начали принимать жалобы, тогда поговаривали, что мотивированные деньгами, на превышение служебных полномочий сотрудниками Управления.

После такого поворота событий, Управление ушло с рынков. Чем это закончилось, все прекрасно знают.

КОЛЛЕКЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Самое резонансное дело тех лет, которым занималось Управление по борьбе с хищениями социалистической собственности, было возбуждено до моего прихода в милицию. Главный фигурант – некий «коллекционер» Бондаренко, который занимался скупкой и перепродажей драгоценностей (бриллиантов, нэцкэ, янтарных инклюзов и т.д.). В ходе обысков у коллекционера были изъяты уникальные предметы искусства, которые стали бы украшением любого музея. Процесс изъятия ценностей снимали на плёнку. Это следственное действие в дальнейшем сыграло для нас спасительную роль.

У расследования была своя предыстория. На 80-е годы прошлого века приходился расцвет создания общественных организаций, в том числе коллекционеров. Члены общества могли свободно, без репрессий со стороны государства, заниматься собиранием картин, бриллиантов, иных раритетов.

Правила «игры» в те годы были следующие: бриллиант без оправы – предмет коллекции, любые манипуляции с камнем в оправе – спекуляция, которая преследуется в уголовном порядке.

Самые большие отделения общества коллекционеров были в Москве, Ленинграде, Киеве. Как потом оказалось, среди активных собирателей предметов старины и драгоценностей были родственники членов ЦК КПСС, семьи многих партийных руководителей.

Для сотрудников УБХСС было ясно как дважды два, что создание общественной организации стало правовым прикрытием их теневой, криминальной деятельности. Предметами обмена, купли-продажи часто становились раритеты, украденные из музейных фондов. Тенденция музейного воровства нарастала не в арифметической, а в геометрической прогрессии.

Для криминального бизнеса были свои объективные, и субъективные причины.

Одна из них – пополнение музейных фондов Советского Союза ценностями, которые были вывезены из Европы в годы Великой Отечественной войны и после её окончания.

В своё время я был ознакомлен с докладной запиской, которую подготовили для Ленинградского обкома партии в ГУВД горисполкомов, о состоянии ценностей в музеях города. Справка была датирована концом 70-ых годов прошлого века.

На учёте в Эрмитаже состояло лишь 2,5% всех экспонатов. Предметы из запасников не были должным образом проведены по музейным книгам.

В качестве примера хранения коллекции при надлежащем учёте, было приведено довоенное время. Под Пиотровским – отцом зашаталось кресло. При ревизии в Эрмитаже обнаружили комнату, утрамбованную под завязку предметами из золота, других ценных металлов. Обнаруженные «в закромах» изделия не проходили по музейным книгам учёта. Решение обкома было следующим: «Укрепить руководство». Формулировка предполагала смену руководства.

Министерству культуры предлагалось провести тотальную ревизию ценностей, содержащихся в кладовых и выставочных залах музея.

Неформальное объяснение музейному хаосу было следующим: среди музейных экспонатов много трофейных произведений искусства, вывезенных из Европы во время и после окончания Великой Отечественной войны. Военные трофеи на должный учёт поставлены не были по понятным причинам.

Аргумент был серьезным. Но сколько экспонатов из музеев Советского Союза и России переместилось в антикварные лавки Запада на фоне этой мутной темы?

На волне массового выезда в 70-е годы прошлого века евреев из Советского Союза, родину покинуло около 40 человек, местом работы которых в трудовых книжках значилось «смотрители золотых кладовых Эрмитажа».

На все мои попытки прояснить ситуацию я получал стандартный ответ: «Режимом сохранности ценностей в Эрмитаже занимается КГБ СССР». Круг замкнулся, ведь выезд евреев из Советского Союза также курировали чекисты.

Милиция в одном из главных музеев страны появлялась только тогда, когда на наш стол ложилось заявление о хищении музейных ценностей. А это было крайне редко.

Рассмотрение вопроса сохранности ценностей в кладовых Эрмитажа на обкоме привело к ревизии. Но специалисты министерства культуры проработали в ведомстве Пиотровского только три месяца. Ревизоры выявили системные нарушения при учёте ценностей. Но работа комиссии быстро сошла на нет.

Не я сказал, что: «Социализм – это, прежде всего, учёт». Объективные данные свидетельствовали, что большая часть экспонатов Эрмитажа так и не была должным образом учтена.

Предметы искусства в Союз поступали и частным образом. Один мой знакомый – в войну полковой разведчик – рассказал следующую историю. В 45-году фронтовику пришлось квартировать в одном из особняков под Дрезденом. Владелец – эсесовский чин был заядлым филателистом. Разведчик дал «слабину», и за ночь пинцетом вытащил из альбомов хозяина много уникальных марок. Сложил в конверт, и вывез ценности в СССР. Перемещённые художественные ценности распределяли по хранилищам, в большинстве случаев без строгого учёта. Инвентаризацию проводить боялись, потому что пришлось бы официально отвечать: откуда, когда и на каком основании предметы искусства были доставлены в Советский Союз? Межгосударственных соглашений, регулирующих тогда эту сферу, не существовало. Нахождение большинства предметов в запасниках музеев Советского Союза официально отрицалось.

При подобных обстоятельствах поле для хищений культурных ценностей было большое. Этим обстоятельством и пользовались преступники. В нашем случае под прикрытием общественной организации.

Важным источником пополнения рынка произведений искусств были и частные коллекции. Тому же полковому разведчику, который в Германии провёл «экспроприацию», продать пару-тройку марок было делом плёвым. Деньгами советские люди были не избалованы, а материальные запросы с каждым годом росли.

В собственности советских граждан не было ни фабрик, ни заводов, ни обширных земельных наделов. Зато были коллекционеры, которые могли похвастаться картинами, редкими фолиантами книг, ценность которых составляла миллионы и была сопоставима с недвижимостью.

У «коллекционера» Бондаренко не было специализации. Он был всеяден. Список изъятых у него правоохранительными органами художественных предметов был разнообразен. Преподнести в качестве презента полковнику милиции небольшой бриллиант для Бондаренко труда не составляло.

Бондаренко – был нужен всем. И тем, кто хотел продать случайную для него картину, и тем, кто мечтал о бриллиантах. В конце 80-х годов прошлого века среди тех, кто грезил предметами старины, были и руководители государства, и их ближайшие родственники.

Спекулянта Бондаренко «задокументировали» по полной программе, уголовное дело довели до суда. Дождались и обвинительного приговора суда первой инстанции. С полной конфискацией всего, что «нажито было непосильным трудом».

После этого началось нечто! Коллекционеры Москвы, Ленинграда и Киева объединились в порыве не допустить вступление приговора в законную силу. Наверняка к Бондаренко они не испытывали особых чувств, боялись за себя. Обвинительный приговор получался

прецедентным. И хотя советское право исключало уголовную ответственность по аналогии, нечистые на руку дельцы смекнули быстро: дело Бондаренко - лишь первая ласточка. За ним «в места не столь отдалённые» могут последовать многие.

Но это полбеда. Любителей прекрасного пугала конфискация художественных ценностей. Коллекционерами было написано письмо, которое им удалось вручить Раисе Максимовне Горбачёвой – первой леди Советского Союза. По неподтверждённой информации оперативников из Москвы послание было сопровождено уникальным ожерельем, коллекцией нэцкэ, другими раритетами.

Итогом «переписки» стало заявление в ЦК КПСС: «Милиционеры Ленинграда разворовали уникальную коллекцию предметов старины и драгоценностей, которая принадлежала достопочтейнейшему Бондаренко».

Переиграть ситуацию был назначен член Политбюро ЦК КПСС Владимир Лукьянов, курировавший силовиков. За подписью члена Политбюро министру внутренних дел ушла резолюция: «Разобраться и привлечь к ответственности виновных». Не разобраться и доложить, а «привлечь к ответственности». Бондаренко преступником уже не считался. Роли подследственных «переписали» на моих подчинённых.

В Ленинград направили бригаду в составе более тридцати оперативников и следователей из Москвы во главе со старшим следователем по особо важным делам Прошкиным. Умный мужик, который работал по «заказным» от руководства страны уголовным делам. Следствие длилось полтора года. Несколько моих подчинённых арестовали, иные, в том числе и я, проходили по делу в качестве свидетелей.

Допросы длились по несколько часов. Мне пришлось, например, отвечать на следующий вопрос Прошкина:

- Геннадий Сергеевич, почему Бондаренко было вменены янтарные инклюзы?

Объяснил москвичу, что стоимость большинства драгоценностей, изъятых у Бондаренко, была равна нескольким миллионам долларов США.оборот янтаря в Советском Союзе был строго регламентирован. Продажа «даров природы» с рук в Калининграде преследовалась в уголовном порядке, а с Бондаренко, по логике москвичей, взятки гладки. Много времени в ходе допросов ушло на версии относительно того, откуда у Бондаренко взялись деньги на создание коллекции. Но все они до одной были криминальные. А по - другому тогда и быть не могло.

Старший следователь по особо важным делам зашёл с другой стороны: стал обхаживать кабинеты руководителей Ленинградского горкома и обкома КПСС. К чести моих бывших коллег по партийной работе, никто Управление «не сдал».

Но из песни слов не выбросишь. Некоторые мои подчинённые оплошали. У одного из оперативников УБХСС ГУВД при обыске нашли несколько необлагороженных полудрагоценных камней. Предметы проходили при изъятии ценностей у Бондаренко. Камни были опознаны как часть изъятой у коллекционера коллекции.

До сих пор не понимаю, зачем камни понадобились оперативнику. Не иначе как подчинённый хотел использовать их в качестве груза при квашенье капусты. Но вокруг этого и других проколов сотрудников Управления москвичами было устроено шоу.

Профессиональные моменты ушли на десятый план. У бригады из Москвы была иная задача. Итог известен: Бондаренко был оправдан, все изъятые у него ценности вернули с извинениями. Никто из моих подчинённых не был привлечён к уголовной ответственности, например, за превышение должностных полномочий. Отдел УБХСС, который занимался антиквариатом, расформировали. И не только в Ленинграде, но и в Москве. Родина лишалась последней защиты своих музеев.

Точка в криминальной истории коллекционера Бондаренко тогда поставлена не была. Вспомнил о данном уголовном деле в связи с расследованием нашим Управлением другого нашумевшего дела. Ещё до моей службы в УБХСС в правоохранительные органы обратилась сама дирекция Эрмитажа. Музей отправил за рубеж выставку уникальных

почтовых марок. Филателистическая коллекция благополучно экспонировалась, вернулась в Москву и... исчезла. В Ленинград марки не вернулись.

По заявлению дирекции музея было возбуждено уголовное дело. наших сотрудников откомандировали в Москву для проведения следственных действий в профильном министерстве. В МВД оперативникам Управления дали от ворот поворот. Дело закрыли, несмотря на то, что ценности в музей возвращены не были, а преступники не изобличены. Прошли годы. После путча 1993 года на квартирах у путчистов были проведены обыски. И о чудо, по информации сотрудников центрального аппарата МВД, у члена Политбюро ЦК КПСС Владимира Лукьянова, того, который дал указание союзному министру МВД наказывать сотрудников ленинградского УБХСС по антикварному делу Бондаренко, была обнаружена часть утраченной коллекции марок музея.

Как марки оказались у Лукьянова, судить не берусь. На мой взгляд, в качестве отступного для того, чтобы развалить уголовное дело о хищении коллекции Эрмитажа. Лукьянов в тот период слыл известным коллекционером почтовых марок.

ВЗЯТКА ПОШЛА В МАССЫ

В конце 80-ых не было единства между руководством УБХСС. Кто кому противостоял?

С одной стороны я, пришедший на должность заместителя Управления по партийной рекомендации. С другой стороны – большинство руководителей (и непосредственно мой начальник) были переведены в Управление из КГБ. Получилась гремучая смесь.

Меня никто не опекал, «не вёл», я набирался ума-разума от своих же оперативников на примере конкретных уголовных дел. Юридическое образование в тот период времени среди руководителей Управления было только у меня, как и личные контакты среди правоохранительных органов Ленинграда и области.

В чём обозначились противоречия? Выходцы из КГБ ориентировались в своей работе на количественные показатели. Статистика тогда была такая. Каждый оперативный сотрудник должен был за год возбудить семь - девять уголовных дел, из них пара – по особо тяжким преступлениям, например, взятка. Бытовала следующая установка: кто не осилил «план», тот... сачкует.

Я же начал задавать вопрос: «Какое влияние карательная деятельность нашего Управления оказывает на сохранение социалистической собственности?» Анализ показал, что оперативные сотрудники в районных подразделениях проявляли прыть больше в сфере торговли и общественного питания.

В 1987 году Управление по борьбе с хищениями социалистической собственности Ленинграда по собственной инициативе систематизировало осведомлённость своих оперативных сотрудников о лицах, извлекающих нетрудовые доходы с использованием служебного положения. Результаты были доведены до сведения руководителей ГУВД Леноблгорисполкома, ГУБХСС МВД СССР, Ленинградского обкома КПСС.

Выводы были неутешительны: к уголовной ответственности привлекалось не более 1% потенциальных взяточников, вымогателей. Другими словами, карательная практика тех лет не создавала расхитителям сколь-нибудь реальной опасности, не делала их преступный промысел слишком рискованным.

Вместе с тем, взяточничество приняло массовый характер.

Одной из самых коррумпированных была сфера здравоохранения. Устройство ребёнка в садик оценивалось в 50 руб., госпитализация в больницу – от 100 до 2000 руб., производство операции в больнице – 100-200 руб., в НИИ – до 2000 руб.

Консультация профессора доходила до 25-50 руб., выписка фиктивного больничного листа – 5 руб. за один день. Лечение зубов под наркозом – 15 руб. за один зуб, без наркоза – 5 руб. Установка одного протеза зуба из фарфора – 100 руб. за зуб.

Не отставали взяточники и в сфере общественного питания. Расценки были следующими. За устройство на работу буфетчиком необходимо было выложить от 500 до 1000 рублей.

Кроме того, навёрх ежемесячно «отстёгивалось» заведующим производством – до 400 руб., от буфетчиков кафе – до 100 руб. Буфетчикам винных и пивных «погребов» приходилось выкладывать в два раза больше.

Размеры нетрудовых доходов среди директоров ресторанов оценивались от 1500 до 6000 руб., директоров столовых – 500-1500 руб., директоров торгов – 1000-3000 руб., директоров магазинов – 400-800 руб., продавцов – от 50 до 200 руб. и т.д.

Но некоторые сферы жизни города и области выпали из ведомственного контроля. Хотя оперативная информация говорила о криминализации этих отраслей.

Для того чтобы получить информацию, которая в дальнейшем могла стать поводом для возбуждения уголовного дела, необходимо было работать с агентурой. На уровне магазина, небольшого подразделения недостатка в осведомителях не было. Трудности возникли с получением информации в крупных трестах, управлениях, в местах, где шли расчёты валютой, или её заменителями (чеками, бонами и т.д.).

Отсутствие оперативной информации о злоупотреблениях в целом ряде сфер общественной жизни, высших эшелонах власти было следствием не только и не столько низкого профессионализма моих подчинённых. Сказался субъективный фактор: некоторые руководители районного звена УБХСС оказались «прикормленными». У кого-то в «подведомственных» структурах работали родственники, кто-то не брезговал подношениями. Получилось, что оперативные сотрудники не опекали, а охраняли, как позже назовут «крышевали», отдельные направления. Начал разворачивать работу Управления в другую сторону.

СЛЕДСТВЕННЫЙ ИЗОЛЯТОР – «ЗАПИСЬ» В ТРУДОВОЙ КНИЖКЕ

Получали ли осведомители за свою работу деньги? Не всегда. Форма поощрения была иной. Любая профессиональная среда конфликтна сама по себе. Большинство информаторов работали без денежного вознаграждения со стороны государства, но за... интерес. Они рассчитывали на помощь правоохранительных органов в борьбе с конкурентами.

Ряды осведомителей пополняли и те, кто в той или иной мере был не чист перед законом. Грехи лучше всяких уговоров заставляли работать на Управление. Некоторые настолько входили в раж, что просили, нет, требовали продолжения сотрудничества.

На платной основе в Управлении работали бывшие сотрудники, вышедшие на пенсию. В подчинении резидентов были целые «кусты» агентуры. На агентов заводились личные дела, с присвоением псевдонимов.

Была и небольшая группа так называемых профессионалов-осведомителей, которые жили по разработанной в Управлении легенде: по поддельным документам, с придуманной биографией. Профи работали и в следственных изоляторах. От них оперативники получали самую ценную информацию. Достаточно было только «упаковать клиента» в камеру. Находясь на свободе, большинство обвинённых в преступлении руководителей могли разрушить любую свидетельскую базу в считанные дни. Арест – значительно уменьшал, если не лишал, возможности подозреваемых на противодействие следствию. Но «клиента» необходимо было сопровождать и в следственном изоляторе.

Камера для наших профи – осведомителей была местом работы. Работы, кстати, очень тяжёлой и специфической. Осведомители на пенсию с этих должностей уходили.

Не каждый человек может жить двойной жизнью хотя бы день. Наши сотрудники (а среди них были и женщины) пребывали в таком режиме годами. Отпуск камерным агентам предоставлялся в соответствии с трудовым законодательством. Осведомители были виртуозами, могли дать фору любому психологу или актёру. Вознаграждение за свою работу получали как обычные оперативные сотрудники. Получается, что работали скорее за идею, ради интереса.

Осведомители из следственного изолятора шли и в места отбывания наказания. В биографии некоторых агентов были годы лишения свободы за совершение тех или иных

преступлений, для них тюрьма без всякого преувеличения была родным домом. Изолятор некоторые уникалы предпочитали свободе.

Какова главная задача камерного агента? Внештатный сотрудник должен был психологически подготовить сокамерника к даче признательных показаний.

После того, как я начал перенацеливать своих подчинённых на работу в других отраслях, начали «падать показатели» по возбуждению уголовных дел, доведению их до суда, по обвинительным приговорам. Эта ситуация и стало поводом для конфликта с начальством. Я знал реальное положение в сфере производства алкогольной продукции, строительной отрасли. Оперативная информация говорила о том, что злоупотребления приняли системный характер.

КАРТИНА МАСЛОМ

Объясню всю сложность моего положения на примере сферы общественного питания. Распределение товаров в те времена происходило по разнарядке, так называемым фондам. То, что на прилавках магазинов в Ленинграде по сравнению с провинцией было изобилие, объяснялось не только статусом второй столицы.

Городской отдел торговли наладил «системную» работу с Москвой, с профильным министерством. А когда Управление начало подбираться к руководству отдела с обвинениями в получении и – главное – даче взяток, «торговля» побежала в Смольный с жалобами: «Водолеев организует вторую блокаду Ленинграда!».

В обкоме чиновники от торговли нашли заинтересованных слушателей. Смольный не мог допустить того, чтобы на столе ленинградцев оказывалось меньше продуктов питания, чем у жителей областных городов. Партийное руководство понимало, что постановление ЦК КПСС о бесперебойном снабжении Ленинграда продовольствием можно организовать хоть завтра. Но сомневалось в том, что партийный текст будет материализован в тонны мяса, масла и т.д., без денежных подношений в столицу. Рисковать относительным благополучием ленинградцев – даже во имя законности - партийное руководство не спешило.

За «помощь в решении вопроса» деньги в обком, ЦК партии не передавались. Взятки за дополнительные фонды, а также за поступления продовольствия в первом, а не четвёртом квартале года, передавались в министерство.

Руководством Смольного была поставлена задача: не допустить срыва «технологической цепочки» сотрудниками УБХСС. Прямого приказа свернуть работу мне никто дать не решился, но посоветовали при случае «работать “без топора”, профессионально». А кто застрахован от ошибок в оперативной работе? Никто. По этой причине приходилось семь раз подумать, прежде чем один раз согласовать вопрос возбуждения уголовного дела против руководителей высшего звена.

Грешили связями с торговым людом и некоторые мои подчинённые. Очевидно, что в ущерб службе.

Конец 80-х – начало 90-х годов прошлого века – трудные времена. Так что подкормиться за счёт опекаемых было делом распространённым. Что заканчивалось «обменом услуг». Приходилось решать и эту проблему. Как? Начал с самого себя. Никакими соблазнами со стороны я принципиально не пользовался. Семья меня в этом поддерживала. Когда женился, сказал супруге: «Родная, деньги ко мне не идут, и богатой я тебя не сделаю. Постараюсь твоя жизнь сделать интересной». За понимание благодарен жене безмерно. К сожалению, и это обещание в полной мере выполнить не удалось. Но это уже другая история.

Писк 80-х годов – видеомэгафон – посчастливилось купить в заграничной командировке в Японии, мебель у нас в квартире была и осталась обычной, сделанной в Советском Союзе.

Своё служебное положение, старые партийные связи, использовал, лишь тогда, когда необходимо было достать билеты на театральные премьеры. В моём распоряжении была

театральная касса обкома. Наш с женой любимый театр – Ленсовета времён Игоря Владимировича и Алисы Фрейндлих.

Сотрудники УБХСС ГУВД Ленинграда – Санкт-Петербурга были не только благодарными зрителями спектаклей, выставок, концертов ведущих отечественных театральных коллективов и исполнителей. Периодически мастера культуры обращались к нам за помощью.

Весьма необычной для Управления стала просьба народного художника СССР, академика Российской академии художеств, лауреата Государственной премии РФ Ильи Глазунова. Художник обратился в УБХСС во время выставки собственных работ в Манеже. Работы мастера вызвали огромный интерес публики. Манеж не мог принять всех желающих.

Ажиотажем вокруг выставки и воспользовались нечистые на руку дельцы, которых Илья Сергеевич привлёк к организации акции. Молодые люди наладили производство и продажу... неучтённых билетов. Но обратился в УБХСС художник к шапочному разбору – в последние дни работы выставки, когда «задокументировать» мошенничество было невозможно.

Деньги от продажи неучтённых билетов были поделены между преступниками, вывезены из города. Это было время начала кооперативного движения, когда на первых в стране ксероксах печатали деньги. Напечатать «левые» билеты большого труда не составляло. Мэтр был поражён тем, с какой наглостью его обставили сопляки. А когда художник понял, что к чему, поезд ушёл.

В качестве благодарности за помощь, которую мы вовремя так и не сумели оказать, художник дважды выступил перед сотрудниками Управления с лекциями о современном искусстве. До сих пор у меня хранятся два буклета репродукций Ильи Глазунова с автографом.

Времена тогда были революционные: информационный поток сметал на своём пути, казалось бы, устоявшиеся десятилетиями стереотипы. А сотрудникам Управления необходимо было держать нос по ветру.

Гостями актового зала УБХСС были академик и пропагандист трезвого образа жизни Фёдор Углов, руководитель «Памяти» Дмитрий Васильев.

ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ БАРРИКАД

В 1986 году с должности заместителя заведующего отделом административных органов Ленинградского горкома КПСС я был направлен заместителем к начальнику УБХСС ГУВД Ленинграда и области полковнику Ратковскому. Другие два зама были из КГБ, из «андроповского набора», идею которого я и предложил, и которая была реализована через ЦК КПСС.

Лучших сотрудников Комитет оставил себе, в МВД, как оказалось, командировали тех, кто по деловым и личным качествам не всегда устраивал их самих. На мой взгляд, лишь пять из двадцатипяти комитетских были приличными людьми и толковыми оперативниками.

На новом месте большинство чекистов (спустя какое-то время) показали своё настоящее лицо. Вести стали себя отвязано не потому, что были «безбашенными». Скорее, наоборот, «прикомандированные» были очень осторожны, если не сказать трусливы. Но прикрытие «конторы» позволяло им чувствовать себя безнаказанно. «Андроповский набор» в питерское ГУВД – самый большой мой кадровый партийный просчёт...

В последние недели моей работы в горкоме, я встретился с заместителем УКГБ по Ленинграду и области по кадровым вопросам генералом Корсаковым, искренне поблагодарил его за оперативность в подборе кадров для МВД. Собеседник ухмыльнулся: «У нас остались не хуже».

Этот разговор я запомнил, но не придавал значение. Намёк понял лишь тогда, когда непосредственно столкнулся с кадрами КГБ в милиции.

До перехода в МВД я твёрдо был убеждён в том, что офицеры КГБ – это истинные солдаты партии. Год совместной работы опустил меня на грешную землю. За считанные месяцы я полностью переоценил своё отношение к комитетским и к системе, которая «шлифовала», продвигала этих людей. Я был глубоко разочарован. Моё состояние можно назвать одним словом – потрясение. Из семи лет, которые я служил в УБХСС, шесть ушло на противостояние этим людям.

С первого дня моего появления в Управлении отношения с чекистами не сложились. С годами мы стали непримиримыми оппонентами, находились часто в состоянии войны. Демонстративно перестали замечать друг друга, с иными - здороваться.

Я делал всё для того, чтобы убрать этих людей со службы. На моей стороне было подавляющее большинство сотрудников Управления.

Суть конфликта была в следующем. С приходом эры коммерциализации у сотрудников правоохранительных органов появилось много соблазнов. Мои оппоненты быстро сориентировались, переориентировали государственную службу в сторону личного интереса, использовали немалые возможности своего положения для обогащения себя и своих знакомых.

На наиболее денежные, с точки зрения личной выгоды, направления работы Управления, ставили доверенных людей. Перенаправить денежные потоки в личный карман было делом техники.

Я был категорически против коммерциализации УБХСС. На этом наши пути-дорожки разошлись.

Меня возмутило стремление чекистов использовать своё служебное положение в личных, корыстных целях. Неформальная информация ко мне поступала широким потоком. Мои оппоненты действовали по следующей схеме: приближённым руководителям нижестоящих подразделений УБХСС спускали «план» поставки наверх зарубежной бытовой техники и т.д.

Районы, на территории которых находились крупные универсамы, данью обкладывались в первую очередь. Директора торговых точек не могли отказать районным руководителям УБХСС в просьбе передать от партии пару финских холодильников, видеоманитрофонов и т.д.

Но была и профессиональная составляющая конфликта. Представители КГБ были «натасканы» на одно, а работа в МВД требовала другого. Переучиваться никто не захотел. Для понимания сути конфликта приведу лишь одну цифру. В производстве следователя ГУВД одновременно было до 30- 40 уголовных дел. В месяц до суда доводилось 10-15 дел. Такая нагрузка следователю КГБ даже не снилась. А ведь оперативный состав УБХСС работал на своих следователей также с полной нагрузкой.

В любом подразделении МВД поток заявлений от граждан, которые необходимо принять, «отработать» и т.д. был на порядок выше, чем в КГБ.

Меня иногда упрекают в том, что я также был вмонтирован в систему МВД с партийной стороны. Поставлю точку над «I»: нагрузка на сотрудника отдела административных органов Ленинградского горкома КПСС была колоссальной. Работу в МВД я воспринял, конечно, не как курорт, но ...Темп работы в МВД меня не удивил и не ошарашил, перегрузки ведомства мне были привычны.

Мой рабочий день в УБХСС вбирал в себя тридцать звонков по телефону от меня. Приблизительно сколько же людей были заинтересованы в моём общении. В день я принимал до 15 посетителей. Как правило, сотрудники обращались ко мне за санкциями: на возбуждение уголовных дел, по оперативным вопросам и т.д. В неделю проводил или участвовал в двух-трёх совещаниях.

Другой вопрос, что поменялся характер общения. Из деликатных, щадящих, корректных отношений в горкоме, пришлось окунуться в милицейскую среду, где бытовала совершенно другая культура. В любой момент тебя могли подставить по службе, при этом смотреть в глаза, как ни в чём не бывало. Не возбранялось коллегу по работе ввести в

заблуждение. К работе в постоянном напряжении по иным поводам пришлось привыкать долго и мучительно.

Нарастающий поток наличных денег в стране постепенно испортил ситуацию. Многие, «уважающие себя» сотрудники милиции начали практиковать неизвестное доселе «увлечение» - крышевание. А поскольку новый «бизнес» и криминалитет конфликтовали между собой не за жизнь, а насмерть за сферы влияния «ментовская крыша» не могла остаться в стороне. Противоречия между «силовыми» ведомствами существовали всегда. Но при Советском Союзе ситуацию, когда за шкурный интерес одна государственная структура могла вступить в конфликт с другим силовым ведомством, представить себе было невозможно. К началу 90-ых годов прошлого века произошла перезагрузка отношений.

Телевизионный сериал «Ментовские войны», авторов которого консультировал бывший начальник Санкт- Петербургского РУПОБа Сергей Сидоренко, наиболее достоверно передаёт суть вопроса. Впрочем, реальность всегда хуже телевизионной картинки.

Считаю, что свою «войну» за здоровые отношения в УБХСС я не проиграл. Собственную оплошность за «чекистский призыв» перед МВД я частично загладил.

Без поддержки единомышленников ничего бы не получилось. Помогали не только сотрудники МВД, но и, негласно, КГБ. В «конторе» видели, чем занимаются их полпреды. «Казнить» своих не решались, действовали через руководство ГУВД – «подбрасывали» информацию.

Всех откомандированных в своё время из Комитета в милицию удалось вернуть обратно.

В это время - с мая 1989 по июль 1991 года - начальником Главка был Геннадий Вошинин, мой бывший партийный руководитель – человек в высшей степени порядочный. В его лице я получил такую поддержку, от которой мои оппоненты «расклеились». На «открытых» площадках воевать со мной никто тогда не решился, козни плели за моей спиной.

Я и мои сторонники не дали особо развернуться данной публике. Многие оппоненты вынуждены были уйти со службы, а я в 1992 году был назначен на должность начальника УБХСС. Процессы разложения Управления начались, но я всячески препятствовал этому. Могу ответственно заявить, что до 1993-го – года моего ухода из Управления – региональное УБХСС работало в интересах государства.

«СВОИ РЕБЯТА»

В книге Андрея Константинова и К «Коррупцированный Петербург» начальнику УБХСС ГУВД Ленинграда и области с 1989 по 1991 год Евгению Олейнику уделена целая глава «Карьера куратора».

В октябре 1994 года УБХСС по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, который Олейник всего лишь два года назад руководил, возбудило уголовное дело по факту хищения государственных средств на 296 млн. руб. Оперативники тогда установили, что двумя годами ранее в результате некоторых схем (фальшивые кредитные авизо) питерская фирма «Комэкс» получила на свой расчётный счёт миллионы.

На допросах главный бухгалтер акционерного общества Татьяна Борникова сообщила, что вся документация, связанная со злополучными авизо, готовилась лично Олейником. Допросить генерального директора АОЗТ «Комэкса», хотя бы в качестве свидетеля, не удалось. Евгений Олейник, а именно его подпись красовалась под документами, так зашифровался, что стал недоступен для правоохранительных органов.

«Всплыл» комитетчик только в середине 1996 года, когда 18 июня ... был назначен губернатором Владимиром Яковлевым на должность руководителя отдела административных органов администрации Санкт-Петербурга. Автор ещё вернётся к этой истории.

Уголовное дело в отношении «Комэкса» по факту хищения государственных средств – после второго возвращения Олейника во власть – забрала к своему производству прокуратура СПб. Результат – следствие заглохло.

Собственно и само увольнение Олейника с должности главы УБХСС сопровождалось криминалом. Считается доказанным фактом, что в 1991 году главный борец с

расхитителями государственной собственности сумел в обход общей очереди приобрести в универмаге «Дом ленинградской торговли» по пресловутым чекам «Урожай» остродефицитные в то время видеомагнитофоны и холодильники. Против директора универсама было возбуждено даже уголовное дело. Олейник отделался лишь испугом: после разговора с начальником ГУВД Аркадием Крамаревым чекист добровольно ушёл в отставку со своей должности и благополучно вернулся в свое родное ведомство.

Интересен и приход Евгения Олейника в команду Владимира Яковлева. По одной из версий, чекист угодил будущему губернатору тем, что ... раскрыл покушение на его жизнь. К тому времени Евгений Олейник обеспечивал личную безопасность претендента на высокий пост.

Шуму покушение, которого не было, тогда наделало много. О своей непричастности к инциденту поспешила заявить даже супруга тогдашнего мэра Людмила Нарусова.

В официальной биографии Олейника было записано: «В 1992 году по выслуге лет Евгений Олейник ушел в запас и начал работать заместителем директора на заводе замочно-скобяных изделий. С 1994 года до назначения в Петербургскую администрацию работал заместителем директора по общим вопросам фирмы «Технология». Женат. Имеет взрослого сына. По должностным обязанностям осуществляет взаимодействие с правоохранительными, административными органами и органами военного управления в Петербурге». Само собой о фальшивых авизо ни слова.

Конец у Олейника был печален. С «государственной» службой пришлось завязать. А в 2003 году 54-х летний чекист вместе со своим 28-летним сыном погиб на 123 км шоссе «Петербург- Луга» в дорожно-транспортной аварии. Автомобиль «Тойота Лендкрузер», в которой находились Олейник и его сын Александр, пошёл на обгон шедшей впереди машины.

По словам сотрудников ГИБДД, из-за обледенелого дорожного покрытия «Тойота», выехав на встречную полосу, врезалась в лесовоз «Урал - 375» с прицепом. По имеющимся данным, за рулём оформленной на жену «Тойоты» 1997-го года выпуска сидел Олейник – старший.

Сотрудники КГБ, даже вышедшие на пенсию, далеко от своей конторы «не отползают». Через «пенсионеров» контора решает многие задачи: и служебные, а ещё больше коммерческие. На жаргоне ЦРУ пенсионеры ведомства – «свои ребята».

Де-юре никакими официальными отношениями с конторой «свои ребята» не связаны. Но это идеальный «материал» для того, чтобы влиять на ситуации. Ни для кого не секрет, что подавляющее большинство помощников депутатов Государственной думы РФ являются «свои ребята». В случае провала грязной комбинации контора - для сохранения чести мундира - может откреститься от пенсионеров.

Прав был погибший в авиакатастрофе Президент Польши Лех Качинский, когда утверждал, что без спецслужб мир был бы лучше. Но без них государства не могут обойтись. Необходимо за спецслужбами наладить присмотр. Это одна из первейших задач государственного аппарата. В противном случае, эти ребята начинают работать преимущественно не на государство, а на себя. Корпоративные цели ставятся выше государственных.

Сейчас, на мой взгляд, личные интересы для действующих сотрудников ФСБ являются приоритетными. А они (интересы) не всегда совпадают с национальными и общественными задачами.

В Советском Союзе контроля со стороны горкома за деятельностью регионального управления КГБ также не было. Пригляд осуществлялся со стороны Ленинградского обкома партии. Ряд ведущих должностей в управлениях КГБ областей занимали бывшие партийные руководители, секретари обкомов и горкомов. Такое кадровое проникновения было достаточно эффективной формой партийного влияния и контроля за деятельностью спецслужбы.

Например, начальником Управления КГБ - в бытность первым секретарём Ленинградского обкома КПСС - Григория Романова был Даниил Носырев, член Ленинградского обкома КПСС. Считается, что Носырев получил назначение в Ленинград в результате покушения некоего Ильина на Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева.

В отставку же Носырев был отправлен «как человек» Романова. Примечательно, что с 1980 по 1987 годы под началом Носырева служил небезызвестный генерал-майор Калугин.

Руководители территориального главка МВД, как правило, входили в состав бюро горкома. То есть на ранг ниже своих «коллег» из КГБ.

В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

Но условия работы кардинально изменились. Оперативные действия, которые проводили сотрудники Управления, стали частенько заканчивались вооружённым сопротивлением преступников. Ранее применение оружия обвиняемыми по статьям УК «взятка», «мошенничество» и т.д., было исключением из правил. В начале 90-х годов прошлого века стрельба стала почти обычным делом.

Я обратился к Геннадию Петровичу Воцинину за разрешением на ношение оружия сотрудникам Управления. Мера по тем временам было беспрецедентная.

В России зарождался новый класс собственников.

Откуда появились у нуворишей первые миллионы, мы, конечно, знали. То, что без криминала при первичном обогащении не обошлось, для нас было очевидно. В точном соответствии знаменитому тезису Ильфа и Петрова о происхождении крупных состояний.

Первые официальные миллионеры России конца прошлого века начали диктовать моду на персональную охрану, ряды которой зачастую пополняли уволенные со службы сотрудники правоохранительных органов; на применение по поводу и без повода оружия; на массовый подкуп сотрудников милиции и т.д.

Необходимо было принимать экстренные меры для того, чтобы адаптироваться к новым условиям. А тут ещё «посыпались» традиционные для Управления составы преступлений.

При социализме Управление было сориентировано на охрану от хищений социалистической собственности. Нувориши начали переписывать государственное имущество на себя, тем самым выводили собственность из под нашей защиты.

Когда в начале 90-х годов прошлого века предметом расследований УБХСС ГУВД становились хищения на совместных предприятиях, где в одном флаконе «смешали» государственную и частную собственность, прокуратура отказывалась возбуждать уголовные дела. Новых нормативных актов, регулирующих данные вопросы, не было, как и поддержки от руководства страны, города.

Руководство УБХСС, а закалку сотрудники прошли при социализме, новые процессы передела собственности в том виде, в котором они проводились в стране, восприняли крайне негативно. Моя оценка явлений той поры за прошедшие двадцать лет изменений не претерпела.

В сферах деятельности, где не создаются материальные ценности, до сих пор уместно употребление такого популярного в 80-е годы прошлого века слово, как «спекуляция». А как по-другому можно назвать ситуацию, где за считанные минуты рождаются или многомиллионные состояния, или ничем не подкреплённые финансовые «пузыри».

Для меня слово «спекуляция» с годами не потеряло первоначального, апробированного социализмом, смысла, осталось таким же матерным, грубым по отношению к конкретным действиям отдельных людей. Спекулянт, мародёр – делец, который ведёт свой бизнес по принципу «купи-продай» что только возможно, не вкладывая в цену товара своим трудом ни рубля, завышает стоимость без всяких на то оснований. На мой взгляд, спекулянты – самые бессовестные люди.

Новому поколению россиян трудно объяснить, что такое социализм. Я же при социализме вырос, жил, достиг карьерного роста. Для меня социализм был и остаётся самой прогрессивной моделью социального устройства общества. Социализм в моём понимании не должен отрицать частной собственности, в том числе, и на средства производства. Но концентрация всех богатств в руках кучки олигархов недопустима.

Движущим локомотивом такого социального государства должен стать малый и средний бизнес. С 1962 по 1964 года я проходил срочную службу в Группе советских войск в Германии. Дослужился до сержанта в подразделении связи.

В Германской Демократической Республике никто не запрещал магазины, находящиеся в частной собственности. Процветали сельскохозяйственные кооперативы. О мечте солдата-срочника – визите в частное кафе – я уже и не говорю.

Частник относился к солдату в стоптанных кирзовых сапогах как к желанному покупателю. Готовы были выполнить любой каприз... за наши деньги. На 17 марок, которые я получал в то время в виде денежного довольствия, я мог спокойно сходить в кафе три раза. С тех самых пор я уважаю человека труда, который сам что-то производит, доит корову, добывает уголь, печёт хлеб.

В отличие от ГДР, где общественное питание и торговля держались в основном на частном бизнесе, в Советском Союзе данная отрасль полностью регулировалась государством. И к концу 80-х годов прошлого века стала самой коррумпированной.

Наш «контингент» всё-таки жил под дамокловым мечём конфискации. Анализ, который Управление провело в конце 80-х годов прошлого века, показал, что в регионе расхищалось до 5% от стоимости валового продукта произведённого в Ленинграде и области. Ныне подобную цифру хищений рассматривали бы как благо.

Но страх перед обвинительным приговором Фемиды не был тотальным. Резкого снижения уровня преступности по экономическим статьям не происходило. Матёрые преступники быстро смекнули, что у ведомства проблемы с кадрами. Взятчники, которые курировали целые отрасли, просчитали, что риск быть привлечённым к уголовной ответственности не велик. Из-за отсутствия необходимого количества следователей и оперативных сотрудников Управление не могло себе позволить системный контроль.

Аналитику под сукно не положили, а довели до сведения партийного руководства, МВД. Просили увеличить следственный аппарат Управления.

В те времена к уголовной ответственности привлекали не более одного процента от общего числа взяточников. Наработок по данной статье УК было значительно больше. Повторюсь: из-за отсутствия достаточного количества следователей работа в этом важнейшем из направлений правоохранительной работы не то чтобы буксовала, но могла быть более эффективной. По нашим расчётам, к уголовной ответственности можно было бы привлекать не менее 5% тех же взяточников. Для создания эффекта неотвратимости наказания. Этого было достаточно для того, чтобы «держать ситуацию» под контролем.

На стыке эпох я рассуждал как прагматик и оптимист, считал, что подобный подход к сохранности государственной - тогда – социалистической - собственности должен быть у всех. Для меня вопрос был принципиальным. Ждал ответной реакции от своего начальства, руководителей Ленинграда – Санкт-Петербурга. Ответа жду до сих пор.

В каждом обществе есть свои преступные кланы. В некотором роде достояние государства, если они знают своё место. В Советском Союзе преступность в сфере экономики занимала свою нишу, не более того.

Сейчас для этой публики открыты все пути-дороги: к деньгам, к славе, к власти. Начиная с начала 90-х годов прошлого века, эти упыри кусок за куском «проглотили» то, что ещё вчера было достоянием страны. А придя к власти, перестроили под себя и руководство силовых ведомств.

Эта публика теперь может нанять себе не только охрану, но и создать собственную службу безопасности. В обязанности последней входит не только охрана «объекта», но и ведение разведки, контрразведки, взаимодействие с правоохранительными органами.

В МВД советской закваски было много профессионалов, для которых слова «честь», «совесть» и «долг» не были пустым звуком. Им и указали на дверь в первую очередь.

В Управлении, которым я руководил, ни пьянок, ни панибратства, ни кумовства не было. Если и выпивали, то тихо, так чтобы начальство не видело.

Многие сотрудники правоохранительных органов и спецслужб, уволенные со службы, стали востребованы нуворишами. Бывшие милиционеры знали агентурную работу, в запасе у них были наработанные годами связи с представителями силовых ведомств, знание технологии работы спецслужб, в том числе и порядок хранения и применения оружия.

НА «ПЕРЕПРАВЕ»

Моё увольнение из органов внутренних дел в некоторой степени было закономерным. Оно произошло на стыке эпох.

В начале 90-х годов прошлого века общественные отношения начали заполняться новым содержанием, работа всех государственных учреждений перестраивалась. Применительно к работе Управления, которое я возглавлял, изменения были революционными.

Появилось расширенное толкование собственности. Ведь для чего было создано Управление по борьбе с хищениями социалистической собственности? Ответ содержался в самом названии – защита, прежде всего, социалистической государственной собственности.

Всё чаще начали говорить о частной собственности. И не просто говорить. Новые нормативные акты разрешали физическим лицам владеть заводами, скважинами, пароходами и т.д.

Начало 90-х годов ознаменовалось невиданным параличом государственной власти. Могу судить по своему Управлению. Понятие собственности начали толковать иначе, а нормативная база, которой руководствовались мои подчинённые, осталась «социалистической». Следствием этого стали возникшие коллизии. Старые нормы закона применять уже было невозможно. К тому же перестройка психологии сотрудников Управления требовала времени.

С одной стороны правоохранительные органы регистрировали значительный рост преступности, в том числе и в экономической сфере. С другой стороны в милицию увеличился поток обращений от руководителей. Жить по понятиям для них было неприемлемо. Люди требовали исполнения закона.

Первым пробным камнем проверки Управления на прочность стали... кооперативы. И не сами по себе как таковые. Вопросы у нас стали возникать лишь тогда, когда директора заводов и т.д. начали организовывать «карманные» кооперативы при государственных предприятиях. Вновь образованные юридические лица начали регистрироваться на многочисленных родственников руководителей.

Через кооперативы начали «прокачивать» бюджетные средства. В игру «как заработать первый миллион» включились даже руководители оборонных предприятий. С помощью кооперативов появилось большое количество наличных средств. Эти «живые» деньги начали нарастать, как снежный ком. Ранее основные «клиенты» Управления работали преимущественно с безналичными деньгами. Наличка была только в торговле и общественном питании.

Управление стало «влезать» в дела кооперативов по наработанным годами схемам, и сразу «получило по рукам» от прокуратуры. В возбуждённых ведомством делах не оказывалось составов преступлений, а именно хищения социалистической собственности. Воровство кооперативных денег, как правило, заимствованных из государственных средств, было чем-то другим.

Нечто подобное произошло и с военной торговлей, которую Управление также «курировало» с конца 80-х годов прошлого века.

Уголовных дел по военторговским делам было возбуждено много. Но доводить до суда такую категорию дел по подведомственности должны были органы военной прокуратуры. Большинство же дел в военной прокуратуре были положены под сукно, то есть прекращены. Основания нашли быстро.

После того, как мои подчинённые проработали по делам военной торговли в холостую в течение полугода, я решил: «Из армии “уходим”».

Наша активность, пускай часто и безрезультатная, если за точку отсчёта брать количество дел, по которым был вынесен обвинительный приговор, не прошла даром. Я бы назвал нашу работу ещё профилактической. Многие руководители государственных предприятий умерили свои аппетиты по расхищению государственной собственности.

С правовых коллизий и началась разбалансировка системы. Над нашими возражениями о том, что речь идёт о хищении пускай и не социалистической, но всё же государственной собственности, в прокуратуре начали откровенно посмеиваться. Несмотря на это, некоторые уголовные дела всё же были доведены до суда. Ценой конфликта.

Много вопросов в Управлении было к руководству Балтийского морского пароходства. В начале 90-х годов прошлого века в БМП стали растаскивать всё, что «плохо лежало»: от пароходов до собственности за рубежом. Совместно с Комитетом государственной безопасности было возбуждено несколько уголовных дел. Но руководство БМП упредило нас, вышло на руководство северной столицы. Последовал «окрик»: «Не смей!»

Совместные действия Управления с региональным КГБ в отношении хищений в БМП – редкий пример сотрудничества с чекистами. Трений было больше. Ряд сотрудники КГБ и МВД быстро переориентировались – начали осваивать экономические ниши. В том числе и через родных и близких.

Почувствовали вкус к шальным деньгам и нашем Управлении.

Службы безопасности коммерческих банков возглавляли бывшие сотрудники или МВД, или КГБ. Это тоже было зоной конфликта, ибо интересы у нас теперь были прямо противоположные.

В начале 90-х годов прошлого века в Управлении были зарегистрированы первые случаи нападения на наших сотрудников с нанесением следователям, оперативным сотрудникам тяжких телесных повреждений. Эти ЧП мы связывали с тем, что преступность «завербовала» к себе на службу наших бывших коллег.

Неожиданным для нас стал и телефонный прессинг с угрозами жизни, здоровью конкретных моих подчинённых, их родным и близким. Ранее такого не было.

Необходимо было принимать срочные меры. Был поставлен вопрос перед начальником Главка о ношении моими (а равно и других Управлений ГУВД) подчинёнными оружия на постоянной основе. До этого пистолеты могли получить только при выезде на операцию.

Аргументы были приняты и оперативные сотрудники Управления получили право на постоянное ношение оружия.

Но я переоценил значение данного факта. Должна была сработать информация о том, что УБХСС вооружено. Сам факт наличия пистолета (а значит возможность адекватного ответа) у милиционера должен был отпугнуть особо буйные головы.

Но необходимой практики обращения с оружием у моих подчинённых в отличие от спецов уголовного розыска не было. Правила применения оружия сотрудниками правоохранительных органов были строго регламентированы, начиная с первого предупредительного выстрела. Особые правила действовали в случаях применения оружия в местах массового скопления людей. Любой выстрел оперативника, который повлёк за собой смерть или ранение человека, автоматически означал возбуждение против него уголовного дела. А если прокуратура приходила к выводу о том, что оружие применено неправомерно, необходимо было ожидать уголовной ответственности. И пошло-поехало.

Подчинённые стали терять оружие. Пару раз дошло до стрельбы в состоянии алкогольного опьянения. Несколько сотрудников были под подозрением, что оружие, полученное на службе, продали налево.

Но назад ходу не дали. С тех пор оружие у оперативного состава постоянно было при себе.

Я как руководитель Управления оружие имел всегда. Постоянно.

КОНТОРА НЕ СПИШЕТ

В СССР в промышленности подавляющее большинство денежных расчётов проводилось в безналичной форме. В общественном питании услуги оплачивались живыми деньгами. Система общественного питания и торговли времён социализма не выдерживала критики. Объясню это на примере фруктовых и овощных баз Ленинграда.

Каждая или почти каждая проверка, которую проводили при контрольной приемке импортных фруктов сотрудники Управления, заканчивалась составлением акта об излишках. В каждом вагоне была лишняя продукция: тонна – две.

Но если приём товара происходил под наблюдением «опытной» ведомственной комиссии – без сотрудников Управления, всегда фиксировалась недостача. На ту же тонну - две. Реализация «недостачи» приносила руководству баз, торговле огромные левые доходы.

На этом распределение «добавленной собственности» не заканчивалось. Часть вырученных от реализации левой продукции денег, отправлялась в министерства. Союзные ведомства подкармливали хотя бы в силу того, что именно в Москве сочинялись инструкции по «усушке». Фруктовые и овощные базы оперировали тысячами тонн продукции, и, казалось бы, незначительная сумма в 3%, которая могла быть списана в законном порядке на «утруску» в конце концов, трансформировалась в десятки тонн неучтённой продукции и миллионы наличных денег, вырученных от её реализации.

Ключевое звено в этой цепочке – инструкции – Управление вычислило сразу. Союзное министерство мы бомбардировали актами, требованиями, анализом, просьбами, конечной целью которых была корректировка руководящих документов.

Но в Москве на защите инструкций стояли «до последнего патрона». Потому, что понимали, что в «усушке и утруске» заложена доля прибыли конкретных чиновников. Вырубить сук, на котором держалась система откатов, нам не удалось.

Настоящая работа по защите социалистической собственности велась в Советском Союзе не везде. Лидерами были северо-западные регионы, прибалтийские республики, Белоруссия. На юге преобладало не уголовное право, а право кланов, родства, кумовства и т.д.

Ахиллесовой пятой Управления конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века, как упоминалось ранее, был дефицит следователей, которые могли трансформировать огромный поток наших наработок в уголовные дела. Примерно около 70% оперативной информации, собственных расследований по этой причине так и не дошли до следствия и суда.

Вопрос об увеличении количества следователей ставился перед руководством ГУВД неоднократно, но «добро» так и не было получено. В те годы никто из высшего руководства не посчитал, что государственная собственность нуждается в усиленной защите.

В начале 90-х годов прошлого века Управление, несмотря ни на что, усердием следователей доводило до суда 250-300 уголовных дел по взяткам. А могло бы без особого напряжения – 500!

Всего же в год более 800 оперативных сотрудников ведомства выдавало «нагора» 6-7 тыс. дел. Но обвинительных приговоров могло бы быть более 14 тыс.!

Разговор об эффективности работы службы был поставлен мной ещё в конце 80-х годов прошлого века. Статистика 1988 года говорила о том, что на заработную плату Управление себе зарабатывало. Фонд оплаты труда наших сотрудников составлял в те годы около 2,5 млн рублей. Такая же сумма перечислялась в доход государству от конфискованного имущества по уголовным делам, которые мы доводили до обвинительных приговоров суда.

Конец 80-х – начало 90-х годов прошлого века – ещё и период быстрого вооружения организованной преступности. Появился спрос, а значит и возник рынок купли-продажи боеприпасов, взрывчатки, автоматов, пистолетов и т.д.

Арсенал преступных формирований пополнялся отнюдь не за счёт утерь личного оружия сотрудниками МВД. Такие случаи были единичны. На поток была поставлена продажа оружия с армейских складов. Спрос был удовлетворён.

К концу существования Советского Союза армейские склады были под завязку заполнены оружием и боеприпасами. Годами наличие автоматов, пистолетов и т.д. на многих армейских складах никто серьёзно не проверял. А если и работала внутриверочная комиссия, то счёт шёл на ящики. Учёт без контроля привёл к возможности массовых хищений.

Расследование уголовных дел, связанных с хищением оружия, взрывчатки для УБХСС ГУВД не было профильным. Это была вотчина сотрудников уголовного розыска, спецслужб. Оперативники Управления обрабатывали лишь вспомогательные версии. Но даже отрывочный характер информации, которая поступала в наше распоряжение, показывал: армейское оружие воруют... вагонами.

Региональное Управление по борьбе с хищениями социалистической собственности оказало содействие КГБ в расследовании уголовного дела по факту хищения целого эшелона боеприпасов в ЛенВО. Конечным пунктом преступной цепочки стал Нагорный Карабах – фронтальная территория того времени. Под подозрение попали военнослужащие в больших званиях и должностях. Тогда была разрешена продажа охотничьего оружия и боеприпасов через сеть специализированных магазинов. Поставки боеприпасов для охотничьего оружия в отдельные магазины исчислялись вагонами. Что и привлекло наше внимание.

Тогда уголовное дело с нашей помощью было доведено до суда сотрудниками военной контрразведки, с обвинительным приговором для ряда армейских генералов и полковников. Но и последующим разгоном всего отдела, который этим занимался.

ВЫПАЛ ИЗ ОБОЙМЫ

В связи с выполнением своих профессиональных обязанностей я не ощущал страха за свою жизнь. Хотя времена наступили не простые. Криминализация общества выросла в разы. Появились люди, для которых убить ближнего стало обычным делом.

Представители преступного сообщества с угрозами или посулами в мой адрес не обращались. В Ленинграде у меня сложилась устойчивая репутация человека с принципами. По городу я перемещался городским транспортом, в основном на метро. Хотя служебная машина в моём распоряжении была.

Форму полковника милиции надевал лишь на официальные совещания, для поездок по служебным делам в Москву, по праздникам. Так что полковничьи погоны в общественном транспорте никого не смущал.

К слову сказать, заказал себе и парадный мундир. Думал так: а вдруг будет объявлен смотр в парадной форме одежды, а у начальника Управления – недокомплект обмундирования. Парадный китель, кроме примерки, так и не удалось поносить ни разу.

Не успели сшить и папаху. На рубеже эпох плановая социалистическая экономика не успела перестроиться на рыночные отношения. Получилось как в том анекдоте. «Идёт по

коридору в ЦК КПСС тогдашний министр обороны Андрей Гречко, а навстречу ему – Первый секретарь ЦК КПСС Грузии. Между ними состоялся следующий диалог.

- Товарищ Первый секретарь, у меня к вам претензия. Многие мои подчинённые-полковники вынуждены ходить без папах, потому что вы не выполняете план по поставкам каракулевых шкурок.

- Товарищ, министр обороны Советского Союза, – отвечает ему партийный секретарь, – дело в том, что ваши полковники растут быстрее, чем мои бараны».

Будем считать, что и в моём случае сохранили жизнь животному.

Вынужденное увольнение с должности воспринял тяжело, но без истерик. Возраст у меня был далеко не пенсионный. С МВД меня «ушли» по возрасту, но нереализованный запас борьбы с экономической преступностью остался.

В новой системе координат я стал неуютен многим. Как человек, с которым нельзя договориться. Ведь приказывать мне боялись. К приказу, который был оформлен документально, можно было в любой момент вернуться по разным поводам.

Из сложившейся системы новых отношений в государственных органах власти я выпал окончательно. Моё увольнение со службы лишь де-юре подтвердило эту данность.

По причине моей неуступчивости, нежелании позволить путать свой и государственный карманы я был не любим многими. А некоторые так и просто ненавидели меня.

За семь лет моей работы в УБХСС ГУВД Ленинграда – Санкт-Петербурга мне ни разу не предложили взятки. Знали, что бесполезно. Хотя вопрос: «Как всучить Водолееву деньги?» – не раз и не два зондировался заинтересованными людьми на уровне моих подчинённых. Проводилась так называемая «разведка боем».

И тогда и сейчас в определённых кругах всегда было хорошо известно: кто из руководителей «решает» вопросы за деньги, а кто – нет. Разница состоит лишь в цифрах, которые прописаны в ценнике. Достаточно дать слабину хоть раз, и это станет известно всем заинтересованным лицам. К взяточнику сразу подтягивается народ, который привык решать вопросы за деньги.

Но если чиновник не берёт взятки – ситуация та же. Об этом знают все.

Со своей стороны я предпринимал некоторые меры предосторожности. На посещение ресторанов в тот период мною было наложено табу. Чтобы не было поводов для неформального знакомства. Максимально ограничил себя и в контактах с незнакомыми людьми, расширении круга друзей.

Ограничения были предписаны мне работой, которой я занимался в МВД, руководящей должностью, которую занимал.

Свободное время проводил на даче, которая досталась мне в «наследство» по партийной линии. Дача имела статус служебной. При переводе на службу в МВД договорился о сохранении этой служебной привилегии.

С «партийной» дачей расстался добровольно, в начале 90-х годов прошлого века. Получил участок в пять соток в «милицейском» садоводстве, расположенном на Приозерском направлении Ленинградской области, построился, там живу и в настоящее время.

НЕСКОЛЬКО СЕКУНД

В условиях натянутых отношений с городскими властями, прокуратурой, руководством региональных МВД и КГБ Управление начало выстраивать отношения со средствами массовой информации. Особо плодотворными были контакты с Александром Невзоровым. Информация Управления часто использовалась в его популярной в те годы передаче «600 секунд».

Наша попытка опереться в своей работе на силу правды, средства массовой информации вызывала крайне болезненную, раздражённую реакцию у городских властей.

Рабочий день руководителя регионального ГУВД часто начинался со звонка мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака, который пытался приструнить нас. Поводом становился телевизионный сюжет, показанный накануне вечером по питерскому каналу. Главные

действующие лица – сотрудники городской администрации. И каждый из них понимал, что утечка могла произойти лишь из компетентных источников, а именно через наше Управление. Тем более, я никогда не скрывал того, что та или иная информация стала достоянием гласности при нашем участии.

Работа Управления стала доступной для СМИ. Одна из причин открытости – постоянный конфликт с органами прокуратуры и т.д. Прокуратура в те годы стала выступать в качестве своеобразного шлагбаума на пути борьбы с хищениями государственной собственности. Количество уголовных дел, по которым суды объявляли обвинительные приговоры, резко пошло на убыль. При этом сотрудники Управления работали на совесть. Нам было важно, чтобы люди знали об этом. Огласка о нашей работе через СМИ позволяла заявить о том, что «слухи о нашей кончине» преувеличены, Управление остаётся реальной силой, несмотря на все революции и общественные катаклизмы.

Двадцать лет назад печатному слову верили. В обществе укреплялась вера в то, что справедливость всё же существует. Вор, пускай и не выслушивал приговор суда, получал публичное осуждение своих действий, клеймо.

Ежедневную телевизионную программу Александра Невзорова «600 секунд» в начале 90-х годов прошлого века смотрела вся страна.

Для нас телевизионные сюжеты в программе новостей стали своеобразным оберегом. «Молодцы ваши ребята из УБХСС, работают! Смотрел вчера “600 секунд”», – этими словами неоднократно начинал разговор с начальником регионального Главка федеральный министр МВД. Для руководителя Главного Управления МВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области – это был сигнал.

С другой стороны были настоятельные требования Анатолия Собчака гнать Водолеева в шею. Аркадий Крамарев – начальник ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области тех лет – находился в двойственном положении. Он прекрасно понимал, что меня и большинство моих заместителей перестроить на новый лад невозможно. Но как уволить по заказу Смольного начальника УБХСС по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, который на хорошем счету у министра? Кадровый вопрос по увольнению полковника всё равно решался в Москве.

Спасением для Крамарева из щекотливой ситуации стал новый приказ МВД, согласно которому увольнение полковника МВД с должности могло произойти в связи с достижением 50 лет. Ранее такое было возможно только с 55-летнего возраста. Слово «могло» имело ключевое для меня значение. Срок службы могли и продлить, даже по достижению предельного возраста. Каждый год «попавший» под статью потенциальный пенсионер должен был писать рапорт на продление контракта. В моём случае последнее слово оставалось за Аркадием Крамаревым.

В целом руководитель ГУВД относился ко мне хорошо. Но со стороны Смольного Крамареву за Водолеева доставалось на орехи. Однажды ко мне пришёл ... человек и сказал: «Рапорт о продлении срока службы не пиши. Продлевать контракт – даже на год – никто не будет».

Переговорщика – чиновника по особым поручениям – я знал по работе в МВД (это был даже не офицер-кадровик), но в ходе нашего разговора он ни разу не сказал, что действует по поручению начальника. Предупреждение поступило доверительно, по-товарищески, не зло. При этом была дана гарантия, что уволят меня «по-хорошему».

Обычно в Главке после такой весточки увольнение полковники растягивали на полгода, если не больше. За шесть месяцев необходимо было успеть полечиться в ведомственном госпитале, отгулять плановый отпуск и т.д.

Я не стал мелочиться. Заместителю ГУВД по кадрам сообщил о том, что пишу рапорт об убытии в очередной отпуск, а от госпитализации, в результате которой многие мои коллеги «обрастали» инвалидностями, отказываюсь. В Главке «перекрестились».

По своему увольнению из органов МВД к руководству претензий не имею. Шокировало другое: в 50 с небольшим лет я оказался не востребованным на государственной службе. А силы и желание поработать были.

ПОД ГРУЗОМ

Я убеждён, что моё скорое увольнение со службы было инициировано Смольным. Причин было много, одна из них продовольственная тема, которую со стороны правоохранительных органов «педалировало» возглавляемое мною Управление.

Начало 90-х годов совпало с пиком гуманитарной помощи в северную столицу. Особенно крупные поставки были из Германии. У армейского продовольственного резерва Бундесвера истек срок годности. Россия оказалась в списке получателей. Гуманитарный груз по условиям соглашения поставлялся в Санкт-Петербург бесплатно. Бундесверу данная акция была весьма выгодна. Утилизация одной упаковки (около 10 кг) продуктов обходилась бюджету Германии в 128 марок, что значительно ниже стоимости доставки груза в Россию.

Германия начала оказывать гуманитарную помощь городу на Неве, который в Великую Отечественную войну фашисты взяли в клещи блокады. В руководстве тогдашнего Санкт-Петербурга подобные гримасы истории никого не смущали.

Позже стали известны подробности. По оперативным данным нашего Управления до 90% данной гуманитарной помощи, в Санкт-Петербурге реализовывалась ... за деньги. А когда Управление начало перекрывать каналы, гуманитарные грузы перенацелили на Прибалтику, Кавказ и т.д.

С российской стороны гуманитарный поток в Санкт-Петербург курировала жена Анатолия Пониделко – будущего начальника ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Большая часть благотворительных грузов складировалась на складах Высшего военно-командного училища внутренних войск МВД РФ, где будущий генерал занимал кресло заместителя начальника. Гуманитарная помощь реализовывалась по рыночной цене. Организаторы акции «Благотворительная помощь» заработали на этом баснословные деньги.

Один из материалов для возбуждения уголовного дела мною был доложен руководству. Итогом ознакомления стало предупреждение: «У тебя, что нет других дел, как своих полковников сажать?». На деле поставили крест, вместо того, чтобы привлечь к уголовной ответственности не только полковника, но и одного из руководителей Смольного.

Семейной паре в этом деле была отведена второстепенная роль. О поставках благотворительных грузов в Санкт-Петербург договаривались не они. Транспортировкой списанного из бундесвера имущества семейная чета также не занималась. А уж тем более распределяли грузы по конкретным адресам другие люди.

Поставки шли эшелонами. Грузы были разные, но тем или иным образом, связанные с бундесвером. Сначала были «солдатские пайки», потом – мясо глубокой заморозки. Один из холодильников, расположенный в порту, был забит до отказа – 2,5 тыс. тонн.

По условию немецкой стороной благотворительную помощь в России не имели права продавать. По бумагам груз раздавался, на самом же деле – реализовывался за деньги. Только не в Санкт-Петербурге, а на Кавказе, в Прибалтике и т.д.

Чуть позже в качестве «гуманитарной» помощи, в Санкт-Петербург начали поставлять бытовую технику, ту, которую на Западе не могли сбыть. У нас – на безрыбье – техника пользовалась повышенным спросом.

«Гуманитарные грузы» распределялись по торговым точкам, которые контролировали родственники наших тогдашних вельмож. В том числе и с генеральскими погонами МВД. Об этом я узнал тогда, когда на мой стол легли материалы проверок на возбуждение уголовных дел.

В МВД я был переведён по партийной разрядке, партийному «призыву». Во время увольнения меня свободно могли лишить пенсионера, исключив из трудового стажа годы партийной работы. Тема в начале 90-х годов прошлого века была весьма актуальной. Было заметно, что неприязнь ко мне со стороны руководства регионального МВД и Санкт-Петербурга, автоматически переносилась на моих подчинённых. Это было ещё одной причиной для того, чтобы уволиться из МВД.

НА ЗАПАСНОМ ПУТИ

Первые годы после своего увольнения из органов я «не остыл», стоял рядом с Управлением. С приходом к руководству ГУВД Юрия Лоскутова мне с единомышленниками удалось поставить во главе Управления - тогда уже по борьбе с экономическими преступлениями - моих бывших подчинённых. Этим людям я доверял в силу их высоких человеческих и профессиональных качеств.

Новое руководство Управления не пренебрегало моими старыми связями, профессиональными навыками, опытом. На мою фамилию был выписан постоянный пропуск в Управление, что предоставило мне возможность в любое время дня и ночи беспрепятственно посещать бывших коллег. Я мог обратиться в любое районное управление милиции. Из обоймы я не выпал.

На середину 90-х годов прошлого века приходится пик активности моей работы по уголовному делу мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака. Мои знания были востребованы следственной бригадой, направленной в северную столицу из Москвы.

С Собчаком у меня были нелады ещё в бытность мою начальником Управления. Многие люди из его ближайшего окружения попали милиции на крючок. «Под колпаком» службы были молодые шустрые ребята, жизнью не битые, которые хотели всего «здесь и сейчас». Как голодные караси набрасываются на краюху хлеба, так и вновь испечённая «элита» начала подбираться к тому, что, по их мнению, плохо лежало. А это, считай, вся государственная собственность.

От уголовного преследования новую «элиту» спасало то, что следователей и оперативников Управления на всех не хватило. Криминальных эпизодов было много.

Проблемы у нарождающейся «элиты» были и с профессиональными качествами. Опыта руководящий работы (карьерного роста от станка до директора крупного предприятия или отрасли) не было. Ситуация сложилась почти сродни тому, если бы детей посадили за пульт управления атомной станцией. Это было бы смешно, если бы не так горько.

Управление большого мегаполиса было развалено в считанные месяцы.

ГУВД начало принимать меры. Администрации Санкт-Петербурга это не понравилось. Попытки Управления прекратить противозаконную деятельность чиновников стали рассматриваться, ни много ни мало, как выпад против нового института власти, а то и всего режима.

Первые годы противостояния мне оказывал поддержку прокурор города Дмитрий Верёвкин, очень приличный человек и настоящий профессионал. Мне было на кого опереться.

Раньше чиновники остерегались не только милиции. Иногда больше боялись обращений граждан в партийные органы. При социализме была создана система контроля друг за другом. Не потому что люди были принципиальней, лучше, если хотите. Таковы были условия.

С начала 90-х годов прошлого века в системе государственного управления доминирует правило: «Я – начальник, что хочешь, то и ворочу».

Осторожничали лишь, представители старого бюрократического аппарата, которые тем или иным образом, были вмонтированы в новую систему. Потом и они привыкли воровать более масштабно.

Процесс было не остановить. Но добавить страха пытались.

В те годы было не вполне понятно, куда движется Россия, во главе которой волей судьбы оказался бывший партийный номенклатурный деятель. Рядом с ним также находились бывшие партийные выдвиженцы. Мы надеялись, что к нашей информации прислушаются, ведь МВД ещё не было реформировано, а система правоохранительных органов разбалансирована. На аналогичной позиции – защиты государственной собственности – стояли и мои коллеги из других регионов России.

Анатолий Собчак, безусловно, претендовал на роль трибуна. Никто бы и никогда не обратил внимание на его вольные, скажем так, действия по расходованию бюджетных средств, криминальные схемы с жилым фондом и т.д. Мэр Санкт-Петербурга на фоне всеобщей распродажи государственной собственности оптом и в розницу во всей стране ничем особым не выделялся. Было одно «но». С этим «но» на стыке 1995-1996 годов в Питер и приехала следственная бригада. Я оказался востребованным, так, что информацию знаю из первых уст.

Интерес москвичей был связан с предстоящими в 1996 году президентскими выборами. Меня ввели в курс дела: по оперативной информации спецслужб Анатолий Собчак – реальный кандидат на победу на выборах. К креслу президента мэра Санкт-Петербурга подвигали лидеры ряда западных стран. Наиболее часто при этом упоминалась фамилия президента Франции Ширака. Запад должен был и финансировать кампанию по избранию Собчака в президенты РФ.

Москва считала, что мэр Санкт-Петербурга не только дал своё согласие, но в ряде частных выступлений весьма нелестно высказался в адрес Бориса Ельцина.

Федералы искали на Анатолия Собчака компромат. А его было предостаточно, в том числе и по линии Управления по борьбе с экономическими преступлениями. На стол представителям спецслужб легли две страницы убористого текста. «Достаточно», – сказали москвичи.

«Под Собчака» была создана оперативно-следственная бригада под началом Генеральной прокуратуры РФ. Привлекли также ФСБ и МВД. А дальше началась работа: адреса, которые необходимо было проверить, лица, которые могли дать показания и т.д.

Анатолий Собчак как мэр северной столицы контролировал избирательный процесс. Но когда в Санкт-Петербурге начала работать оперативно-следственная бригада, мэру стало неуютно.

Москвичи занимались не только криминальными связями Анатолия Собчака. Часть федералов курировала выборы мэра Санкт-Петербурга. Итоги тех региональных смотрин известны: Анатолий Собчак проиграл Владимиру Яковлеву.

Моё первое впечатление об Анатолии Собчаке осталось неизменным с тех пор. На мой взгляд, придя к управлению таким большим мегаполисом, как Санкт-Петербург, он в большей степени действовал, как разрушитель. Трудно себе представить последствия того, что было бы, окажись Собчак во главе России.

В моей памяти он остался человеком корыстным, отдающим налево и направо государственную собственность, во многих случаях вопреки интересам России. Если бы ряд сделок были проведены Собчаком во времена Советского Союза, то его как градоначальника не только бы исключили из партийных рядов, но и привлекли к уголовной ответственности по самым серьезным статьям УК.

Собчак разрушал всё, к чему он прикасался. На мой взгляд, он действовал в большинстве случаев в интересах не большого мегаполиса, а отдельных лиц, групп влияния. В том числе и зарубежных.

Пример из собственного опыта. После увольнения из МВД, я в течение нескольких лет (в период руководства Анатолия Собчака Санкт-Петербургом) возглавлял юридический отдел городского метрополитена.

Нам стоило огромного труда отбиться от приватизации метрополитена Санкт-Петербурга. В России тогда ещё не был оформлен класс собственников как таковой. А в городе трёх

революций предлагали новый эксперимент, на этот раз транспортный. О социальной роли метро чиновники и слышать не хотели.

Собчак открыто лоббировал продвижение на российский рынок одной известной французской фирмы, тесно связанной с их военно-промышленным комплексом. Французы должны были полностью перевооружить электроникой метрополитен северной столицы на весьма невыгодных для нас условиях. В Смольном тех лет не было понимания того, что метрополитен Санкт-Петербурга не только и не столько бизнес-проект, но важнейшая часть министерства путей сообщений, ключевой объект гражданской обороны. «Карту защиты Санкт-Петербурга на случай войны» чиновники города, ведомые мэром, добровольно хотели передать фирме с весьма сомнительной биографией и такими же целями.

И таких горячих точек на карте Санкт-Петербурга тех лет было превеликое множество.

Два года я работал в государственном учреждении, и два года метрополитен был в качестве осаждённой крепости. Каких только заходов к нам не делали!

Давление на руководство метрополитена было беспрецедентным. Наши так называемые партнёры прикрывались общеевропейской практикой. Денежные санкции, подписи мы договор, были предусмотрены за каждую промашку российской стороны. Спорные ситуации предлагалось урегулировать только через Стокгольмский суд по экономическим спорам, где дневной гонорар адвоката был тогда на уровне 500 американских долларов. А у нашего предприятия не было даже валютного счёта.

Французов в качестве деловых партнёров нам «сватали» чиновники городской администрации. Многие из окружения Собчака зачастили в Париж. Смольный для себя решил, что соглашение необходимо подписывать на условиях французской фирмы.

Мы представили возражения на трёх листах. «Переступить» через руководителя Санкт-Петербургского метрополитена и меня, как начальника юридического отдела, городские власти не решились. А сломить наше сопротивление им не удалось. Хотя я вскоре после тех памятных событий перестал работать в метрополитене.

Неоспоримый факт – современная Россия до сих пор эксплуатирует то, что было создано при Советском Союзе. Время нахождения у власти в северной столице Анатолия Собчака – было периодом дестабилизации старой системы. Команда мэра была исключительно разрушительной. Государственную собственность в буквальном смысле этого слова рвали на клочья. Для этого требовались считанные месяцы.

Но для того, чтобы синхронизировать работу городских служб, финансов, транспорта, здравоохранения, образования, необходимы десятилетия. Это большой организационный труд. Изо дня в день.

ЮРИЙ ШУТОВ

На мой взгляд, лучше Юрия Шутова в его известных книгах тот период нашей истории никто не охарактеризовал. Меня часто спрашивают о возможности использования оценок столь неоднозначной личности. А почему бы и нет?

Никто и никогда не опроверг факты, изложенные в мемуарах Шутова «Собчачье сердце, или записки помощника ходившего во власть» и «Собчачья прохиндиада, или Как всех обокрали» о Собчаке и его команде.

Юрий Шутов понимал, с кем он имеет дело. И за каждым его печатным словом стоят факты. Малейший уход в сторону от истины, стоил бы Шутову обвинительного приговора в суде по ст. «Клевета». Это раз.

Во-вторых, книги Шутова – это далеко не полный перечень злоупотреблений правящего клана того периода.

Имел ли право Юрий Шутов на публикации? Безусловно. Помню его по совместной партийной работе в Смольнинском райкоме партии Ленинграда. Я – заведующий организационным отделом, Шутов – заместитель секретаря парткома Управления

материально-технического снабжения, мощнейшей на тот период времени структуры. Человек весьма талантливый, запредельной энергетики. Правда, с замашками сильного авантюриста.

Я всеми силами сдерживал его «энергию», которая всегда была через край. Мои знакомые медики поясняли мне, что такую бешеную энергетику можно наблюдать лишь у больных шизофренией, но больные не контролируют её расход.

У Шутова эта особенность организма была от природы. В этом отношении он был уникалом. Его кипучей харизмы могло хватить на четверых, если не больше, чиновников. Равных ему по работоспособности, до и после я не встречал.

Время от времени его бросало в крайности. При этом Шутов был вразумляем, адекватен.

К нему отношусь с доверием ещё по одной причине. При том, что он оказался весьма хватким бизнесменом, человеком, которому понравилось быть собственником, он сохранил в себе порядочность. Всегда выполнял свои обещания.

Шутов был мужественным человеком. Если сделал что-то не так, то никогда не прятался за чужие спины. Он вёл себя, как мужчина, как воин. Это не могло не импонировать. С годами Шутов не изменился.

Чёрной страницей его биографии является приговор суда. Перечень обвинений Шутову и Ко в организации преступного сообщества, убийствах и т.д. достаточно внушительный. Но, как юрист, как практик, я знаю и другое.

Ещё в советские времена делались попытки фальсифицировать уголовные дела, и на одну преступную группировку «повесить» ряд нераскрытых «родственных» преступлений. Но тогда такой подход был исключением из общего правила.

Куда-то всё подевалось, когда ряды МВД покинули настоящие профессионалы. Уволились со службы под давлением. Кто-то не смог стряпать заказные дела, кто-то – отказался «крышевать».

Пришло новое поколение сотрудников, которое в профессиональном плане значительно уступало своим предшественникам. Зато было весьма последовательным в выполнении заказов сверху. В работе они ни в чём себе не отказывали: в том числе и в попытке выдать желаемое за действительное. Практика списывания на конкретных персонажей чужих грехов была истребована сверху.

По вышеизложенным основаниям я не верю всему тому, что приписали Юрию Шутову.

Никогда я не замечал того, что ради корысти Шутов сможет не то что перейти дорогу ближнему, но стать душегубом.

С другой стороны я допускаю, что «эпоха» наложила на действия Шутова определённый отпечаток. Передел государственной собственности шёл, как известно, со стрельбой. Доминировало правило: прав тот, кто стреляет первым. Нет уверенности в том, что служба безопасности его структуры не переступила черту в попытке выбить долги и т.д. Но сам он никого не убивал.

Необходимо учитывать другое. Разборки со стрельбой тогда были нормой, а не исключением.

Моя оценка «уголовного дела» Юрия Шутова основывается не только на опыте личного с ним знакомства. Я в некоторой степени знаком с материалами «уголовного дела».

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО АНАТОЛИЯ СОБЧАКА

И если по «уголовному делу» Юрия Шутова у меня существуют вопросы, то по уголовному делу Анатолия Собчака – сомнений нет. От первой до последней буквы обвинение бывшего мэра Санкт-Петербурга в нарушении закона – правда.

Так получилось, что в этот период я был близок к старшему оперативному уполномоченному Управления Олегу Калининскому. Так, что информацией располагал из первых уст непосредственно прикомандированного к оперативно- следственной бригаде Генпрокуратуры России.

От себя добавлю, что для человека в должности руководителя Санкт-Петербурга криминальное квартирное дело было «мелковатым». Но обвинение было во взяточничестве.

Постановление о привлечении Анатолия Собчака в качестве обвиняемого начиналось словами: «В июле - августе 1994 года он, злоупотребляя своими должностными полномочиями, действуя умышленно из корыстной заинтересованности, выразившейся в расчёте улучшить свои жилищные условия путём соединения собственной квартиры в Санкт-Петербурге по набережной реки Мойки, дом 31, кв. 8 со смежной, расположенной в том же доме, коммунальной квартирой №17, вступил в преступный сговор с близкой знакомой его семьи, – заместителем директора фирмы «МАТЭП»- СПб Кирилловой Н., направленный на хищение квартиры из вверенного ему по службе государственного жилищного фонда СПб, в целях увеличения своей жилплощади за счёт расселения в эту квартиру жильцов из вышеуказанной коммунальной квартиры».

В данном уголовном деле всё было документировано. Доказательства виновности Анатолия Собчака были, как говорят, стопроцентные.

Для того чтобы расселить - для увеличения собственной - коммунальную квартиру на пять семей №17 была придумана следующая схема. В частности был использован некий В. Сергеев, бывший личным водителем Н. Кириловой. На водителя начала оформляться однокомнатная квартира, находившаяся в собственности СПб, по ул. Марата, д. 48. Для этого Собчак, как посчитало следствие «злоупотребляя служебным положением», дал указание подчинённым о подготовке проекта незаконного распоряжения мэра по продаже этой квартиры по балансовой стоимости.

В качестве обоснования решения о продаже водителю квартиры в собственность, Собчак в своём распоряжении сослался на «Временное положение о продаже квартир государственного жилищного фонда Санкт-Петербурга», согласно которому преимущественное право продажи государственного жилья по льготным ценам не ниже его себестоимости получали граждане, состоящие на учёте по улучшению жилищных условий, а также выдающиеся деятели науки и культуры, и лица, имеющие особые достижения в спорте или заслуги перед государством и обществом, в случаях, установленных распоряжением мэра, то есть находящиеся в его исключительном ведении и оперативном управлении. Сергеев под эту категорию граждан не попадал. Следствие позже обнаружит, что за Сергеевым была закреплена квартира в Пушкине.

Но в конце длинной цепочки расселения именно водитель заместителя директора фирмы «МАТЭП» с заработной платой в 1994 году 200 американских долларов и стал владельцем квартиры №17.

О том, в какую сумму обошлась городу операция по улучшению жилищных условиях Анатолия Собчака в середине 1994 года можно говорить только приблизительно. Для расселения коммунальной квартиры №17 - всего восемь человек - потребовалось предоставить две двухкомнатные и две однокомнатные квартиры. Для освобождения которых их прежним владельцам также пришлось выделять жилплощадь.

С расселением коммуналки не заладилось. Две старушки отказались выезжать. Тогда за дело взялась некая Л. Харченко, основным местом работы которой считалась должность помощника мэра Санкт-Петербурга по жилищным вопросам. Во время встречи с одной из несговорчивых старушек, в ход пошли угрозы. По странному совпадению на старушку было совершено нападение.

Питер тех лет активно обсуждал ремонт, который в квартире №17 начал проводиться после расселения. Вот что писал собственный корреспондент «Советской России» Сергей Иванов: «...в чердачном помещении (от авт. - квартиры №17) оборудована сауна, куда ведёт винтовая лестница из квартиры Собчака. А в самой квартире №17 в процессе ремонта была даже разломана туалетная комната, и если там действительно собирался проживать её номинальный владелец Сергеев, то остаётся предположить, что отхожим местом он по-соседски намеревался пользоваться в квартире мэра».

Уголовное дело о расширении собственной квартиры за счёт жилой площади, принадлежащей Санкт-Петербургу, говорит об Анатолии Собчаке, как о крохоборе. Он сформировался таким, и не смог быть другим, когда даже круто поднялся вверх по служебной лестнице.

Дело шло к аресту Анатолия Собчака, но бывший к тому времени мэр Санкт-Петербурга слёг с болезнью сердца в Военно-медицинскую Академию. С больничной койки вылетел во Францию. А вскоре уголовное дело прекратили по команде Москвы.

ДМИТРИЙ ФИЛИППОВ

Боюсь, что современному читателю фамилия Дмитрия Филиппова ничего не говорит. А в своё время...

В 1974 году Дмитрий Филиппов был избран секретарем ЦК ВЛКСМ и утверждён начальником штаба строительства Байкало-Амурской магистрали, затем – начальником штаба по освоению Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

В 1983 году Филиппова избирают первым секретарем Смольнинского райкома КПСС, через три года назначают секретарём Ленинградского обкома КПСС по промышленности.

В 1990 году назначен начальником Государственной налоговой инспекции по Ленинграду (Санкт-Петербургу).

В середине 90-ых годов прошлого века Дмитрий Филиппов занимает престижный пост председателя совета директоров Петербургской топливной компании, «по совместительству» - председателя совета АО «Финансовая группа «РоссКо», ОАО «Тобольский нефтехимический комбинат», член совета ОАО «Кировский завод».

Начало нашего знакомства приходится на первую половину 70-х годов прошлого века. Я – второй секретарь Смольнинского райкома комсомола, Дмитрий – первый секретарь Выборгского (Ленинграда) райкома ВЛКСМ. Встречались периодически. Пока мне не поручили подготовить «вопрос» о работе Выборгского райкома на бюро горкома ВЛКСМ. К тому времени у меня в комсомольских и партийных кругах сложилась репутация ортодоксального товарища, для которого нет никаких авторитетов. Поговаривали, что раз проверку поручили мне, то пришли к мнению, что руководству Выборгского райкома, а уж тем более первому секретарю, необходимо учинить головоломку.

В итоге, как говорят, получилось по полной программе. По справке, которую я подготовил, Филиппову за недочёты в работе необходимо было «отрывать голову». Но «не оторвали». Вопреки выводам комиссии Дмитрий получил повышение, чуть позже был избран первым секретарём Ленинградского обкома ВЛКСМ.

Карьерный рост Филиппова в комсомольских кругах тогда объяснялся родством с секретарём обкома КПСС Зинаидой Кругловой. Родная тётка Дмитрия Филиппова была любимым (в хорошем смысле этого слова) работником всесильного в те годы Григория Романова. Хозяин прислушивался к участнице Великой Отечественной войны, помогал, в том числе, полагая, и в вопросе продвижения по карьерной лестнице племянника.

Вопреки ожиданиям моя разгромная справка лишь укрепила наши отношения, хотя близкими - в тот период времени - я бы их не назвал. Я работал в Ленинграде, Филиппов в течение восьми лет был в орбите ЦК ВЛКСМ в Москве, курировал комсомольские стройки. Это был серьёзный уровень, где обретался большой организаторский опыт. В те годы Филиппов проявил себя дельным, способным и умным организатором. Единственное, что мне не нравилось в нём, его слабость – желание иногда покрасоваться на публике. Недостаток был вполне терпимым.

Внешне Филиппов был красив, обаятелен. Для того чтобы нравиться руководителям у Дмитрия Николаевича были неплохие данные: отличная «родословная» и семейная поддержка. Когда я пришёл на руководящие должности в комсомол, то понемногу постиг азы аппаратной карьеры. На моих глазах реализовывалась теория семейной клановости.

Однако, на примере Филиппова могу сказать, что в его продвижении по служебной лестнице в ВЛКСМ, а потом и по партийной линии, есть и его огромная заслуга. Человек он был весьма талантлив. И когда брался за дело, то делал его весьма хорошо.

Головокружительная карьера Дмитрия Филиппова в комсомоле и КПСС не особо «травмировала» его коллег. Все знали о «руке», которая вела его по служебной лестнице, но никто не мог отрицать личностных и профессиональных качеств Дмитрия Николаевича.

Работал он много, самоотверженно. При этом не был замечен среди так называемой комсомольской аристократии, которая в 80-е годы прошлого века прилично разложилась. Порядки в ленинградской партийной (и само собой комсомольской) организации на фоне москвичей были более строгими, я бы даже сказал, аскетичными. То уважение, которые испытывали в те годы к ленинградцам жители многонационального Советского Союза, отчасти было заслугой и руководителей колыбели трёх революций. Желающих жить красиво в партийной и комсомольской номенклатуре было предостаточно, но разгуляться никому не давали.

Второй раз пересеклись мы с Филипповым, когда я был заместителем заведующего отделом административных органов Ленинградского горкома КПСС, а он вернулся из Москвы – Центрального Комитета ВЛКСМ – на должность первого секретаря Смольнинского райкома партии. Встреча датирована 1983 годом.

Не мне судить о том, было ли назначение Филиппова в «придворный» райком партии понижением или повышением. Из Москвы, куда в 1974 году он был избран секретарём ЦК ВЛКСМ, его убрали точно. И не только в силу возраста.

В Ленинграде Дмитрия Николаевича не забыли. Смольнинский райком партии, пускай и небольшой по численности, был в горкоме на особом счету. Партийные руководители, что Ленинградского обкома партии, что горкома, состояли на учёте именно в Смольнинском райкоме. Картотека на первых лиц хранилась в отдельном сейфе.

Вторым секретарём райкома, курирующий промышленность, был мой старый закадычный друг Валерий Полосин (от авт. – Валерий Фёдорович умер 7 ноября 2006 года). Полосин с Филипповым работали в дружном тандеме, в том числе и в 1986 году, когда Дмитрий Николаевич был назначен секретарём Ленинградского обкома партии по промышленности.

Именно в тот период времени (1986-1993 гг.) мои встречи с Филипповым начали носить постоянный характер. По линии Управления УБХСС, где я начал работать, сам Бог велел взаимодействовать с секретарём обкома по промышленности. Ближе к началу 90-х годов прошлого века начали «пошалить» некоторые руководители заводов.

Дмитрий Николаевич всегда был внимательным моим собеседником и тогда, когда в 1990 году был назначен начальником Государственной налоговой инспекции по Ленинграду. Налоговой полиции в подчинении у Филиппова тогда не было. Функции охраны и оперативного сопровождения работы налоговой инспекции были возложены на пять моих оперативных сотрудников, которых Управление УБХСС ему откомандировало. Опера оставались «на довольствии» у нас, но задачи выполняли в интересах налоговой инспекции.

Вскоре ко мне, как руководителю Управления, начала поступать оперативная, компрометирующая информация на его подчинённых. Постановка вопроса была следующей: Управление возбуждает уголовные дела, Филиппов освобождает фигурантов уголовного дела от должностей. Дмитрий Николаевич стремился защитить своих сотрудников. Но «сопротивлялся» до тех пор, пока мы не договаривались.

В трёх случаях были возбуждены уголовные дела в отношении сотрудников налоговой инспекции. Два дела закончились обвинительным приговором суда, в одном случае налоговика оправдали. Спустя несколько лет Филиппов будет меня упрекать: «Такого сотрудника лишил меня, и налоговую инспекцию». Где-то он был прав, но по большому

счёту Управление, не сумело собрать убедительные доказательства виновности обвиняемого.

После того, как меня по настоятельному требованию Анатолия Собчака отправили на пенсию, наше общение прекратилось. До тех пор, пока я не стал активным участником региональных политических событий под вывеской Конгресса русских общин.

Филиппов в середине 90-х годов прошлого века стал успешным предпринимателем. Политические процессы также были в сфере интересов Дмитрия Николаевича, поскольку он был председателем общественного совета банкиров и промышленников при губернаторе Санкт-Петербурга.

Личный офис Филиппова размещался рядом со Смольным, по ул. Бонч-Бруевича. В офисе я стал завсегдаем.

Особый интерес предпринимателя был и к работе комплексной бригады Генеральной прокуратуры, ФСБ и МВД в Санкт-Петербурге, которая работала по уголовному делу Анатолия Собчака. Скажу даже больше. По моей просьбе Филиппов оказал помощь в работе москвичей. В частности принял участие в размещение следователей, оперативных сотрудников и т.д. В качестве благодарности просил меня «держать его в курсе».

Я его информировал о ходе расследования в той степени, в которой это позволялось следствием. Закон простой, рассказывать необходимо так, чтобы не засветить источник информации. А Дмитрию Николаевича сведения необходимы были не для внутреннего анализа, а для использования, для того чтобы принять определённые решения, показать свою осведомленность и т.д.

В моём распоряжении были не только результаты прослушки (москвичи спецтехнику привезли с собой). Но на стол Филиппова поступала только та информация, которая не грозила осложнениями в работе следственной бригады. Информации было много, она была интересной.

Вскоре стала понятна заинтересованность Дмитрия Николаевича относительно перспектив Анатолия Собчака, руководящего в тот момент северной столицей. Филиппову самому предложили баллотироваться на пост губернатора Санкт-Петербурга на очередных выборах. В противовес Анатолию Собчаку.

На мой взгляд, ключевую роль в планах Филиппова сыграли московские связи, в первую очередь знакомство с Виктором Черномырдиным. В ближайшем окружении российского премьер-министра были личные друзья Филиппова.

Дмитрий Николаевич предложил мне встретиться. В разговоре тет-а-тет Филиппов сообщил о том, что «по совету друзей» принял решение баллотироваться в мэры Санкт-Петербурга. Мне же было предложено возглавить выборный штаб. Я дал своё согласие.

Примечательно, что руководство комплексной бригады Генпрокуратуры, МВД и ФСБ уже знало о том, что Москва на ближайших выборах в Санкт-Петербурге поставила на Филиппова.

На первом этапе предвыборной кампании моя работа свелась к тому, чтобы скомплектовать штаб. Правила игры были знакомыми, технология отработана до мелочей. Недостатка в опытных помощниках, многих из которых я знал по работе в партийных и комсомольских органах, не было. Но главное – это состав избирательных комиссий.

Представитель ФСБ в составе комплексной бригады уведомил меня о том, что с Филипповым – как будущим мэром Санкт-Петербурга – предлагает встретиться руководитель их ведомства. Меня попросили «подготовить» Дмитрия Николаевича к встрече. Просьба означала одно: Филиппова решили поддержать не только в окружении премьер-министра, но и «силовики».

Филиппов заторопился в Москву. По возвращении в Санкт-Петербург мы проанализировали встречу, которая продолжалась в течение нескольких часов, «по косточкам». Собеседник был на подъёме: «Я им такое рассказал, я им такое объяснил, они за мной записывали...»

Когда я это услышал, а ещё понял, что Филиппов разговаривал с представителями спецслужб менторским тоном, то немного «подувал». Ведь кто необходим Москве в регионе в качестве руководителя? Не вожди, а «рабочие лошадки», люди, которые в состоянии слышать то, что им говорят, и выполнять инструкции.

Тогда мне показалось, что Дмитрий Николаевич в Москве выбрал не ту тональность. Собеседники Филиппова из ФСБ были моложе его, не имели опыта управления Дмитрием Николаевича. Допускаю, что многое из того, что Филиппов наговорил под запись в Москве, было откровением для слушателей. Но... В тот период лицензии на должности руководителей регионов выдавали в Москве, в ФСБ.

Позже был ещё один визит Дмитрия Николаевича в Москву. Итоги встречи уже не были предметом обсуждения. Филиппов ограничился лишь информацией о том, что покритиковал спецслужбы за ряд упущений, допущенных чекистами.

Через некоторое время от Дмитрия Николаевича я узнаю, что он не будет выдвигать свою кандидатуру. На что я ответил: «Вы бы хотя бы со мной посоветовались». И получил в ответ: «Геннадий, мы с тобой люди государственные. Если Москва сделала выбор в сторону другой кандидатуры, то нам с тобой остаётся лишь подчиниться. Я с центром бороться не буду».

Все мои доводы о том, что у Филиппова в Санкт-Петербурге был такой избирательный ресурс, что он вполне мог достигнуть заявленной цели и без помощи федерального центра, остались не услышаны. Очевидно, что Москва посчитала Филиппова слишком самостоятельной фигурой для должности мэра Санкт-Петербурга, с которым в случае его избрания, будет работать трудно.

До сих пор остаюсь при мнении, что у Филиппова был реальный шанс реализовать себя в большой политике. Влияние Москвы на дела в северной столице на тот период были минимальны. Регион стоял особняком, со столицей считались мало, могли голосовать «против» московского ставленника.

Я немного вспылал. Одно дело со мной не посоветовались. Другой вопрос, что под мои обещания к избирательному процессу были «подтянуты» десятки людей. Кому-то пришлось отказаться от личных планов, а кому-то выбирать между двух кандидатов. Предвыборный штаб уже был создан.

Спустя какое – то время Филиппов мне позвонил: «Сегодня встретил в Смольном Собчака. Ты не представляешь, как он искренне и долго меня благодарил. Мэр сказал: “Дмитрий Николаевич, я бы вас не обыграл”»

Сказал это Анатолий Собчак или нет, судить не берусь. Но до сих пор уверен, что шансы выиграть те выборы у Филиппова были.

САНКТ- ПЕТЕРБУРГУ ГУБЕРНАТОРА

После отказа Дмитрия Николаевича участвовать в избирательной кампании «всплыла» фамилия Владимира Яковлева.

Между мной и Филипповым состоялся разговор. Я спросил: «Откуда “нарисовался” Яковлев?». «Бытовая» версия собеседника была следующей: «Жена Яковлева и жена Сосковца являлись близкими родственницами, чуть ли не сёстрами».

Олег Сосковец в тот период российской истории был ключевой фигурой Ельцинской команды. Выходит, что сработал старый кадровый принцип: если необходим кандидат для назначения на руководящую должность, ищи героя среди своих родных и близких.

Сравнивать личности Филиппова и Яковлева особого смысла не вижу. Филиппов превосходил будущего губернатора Санкт-Петербурга по всем статьям.

Тогда в 1996 году я, да и не только я, считал, что проигрыш Собчака на выборах за пост мэра - вопрос времени. В рамках возбуждённого уголовного дела против Анатолия Собчака были собраны неоспоримые доказательства нарушения им закона. Собчаку светило не руководство культурной столицей, а реальный срок.

Любой кандидат в мэры мог использовать данный компромат. Получилось так, что материалы уголовного дела сыграли в масть Яковлева. В его руках оказались все козыри. Избирательный штаб Яковлева, а также силы, которые лоббировали его кандидатуру, оказались на порядок профессиональней, чем их визави из команды Анатолия Собчака. К слову, предвыборный штаб Собчака возглавлял Владимир Путин.

Филиппов не просто снял свою кандидатуру. Они встретились с Яковлевым и договорились о сотрудничестве в избирательной кампании против Собчака. Помочь Яковлеву Филиппова попросила Москва. Дмитрий Николаевич согласился.

После достижения предвыборного союза Яковлев стал бывать у Филиппова в офисе на Бонч-Бруевича часто. Под помощь Владимиру Яковлеву был «подписан» и я.

В период моей работы в Управлении БХСС помню, что Яковлев проходил по нашему ведомству как человек «склонный к совершению экономических правонарушений». Был момент, когда мы готовы были привлечь его к уголовной ответственности. Во время избирательной кампании Яковлев был для меня не очень авторитетной фигурой. Но судьба определила нам сотрудничество.

Я исходил из того, что Анатолий Собчак не приемлем как руководитель Санкт-Петербурга. Для того чтобы он ушёл в политическое небытие я помогал бы кому угодно. Тогда это был Яковлев.

При первом личном знакомстве будущий губернатор Санкт-Петербурга произвёл на меня удручающее впечатление: жалкий, забитый, запуганный. Показалось, что даже предложенный чай отказался выпить из-за ... боязни быть отравленным.

В присутствии Филиппова Яковлев дал слово, что в случае победы на выборах, мне будет предложена должность вице-губернатора, курирующего «силовые» ведомства. Я не возражал. Для меня данное направление было знакомо со времён работы в Ленинградском горкоме КПСС.

В душе я понимал, что после победы Яковлев вряд ли сдержит обещание. Хотя бы в силу того, что таких как я, он боялся. Мои догадки подтвердились.

После объявления итогов голосования Филиппов сообщил мне, что Яковлев просит меня согласиться на должность заместителя вице-губернатора. Кресло моего начальника было «зарезервировано» за моим предшественником по руководству УБХСС, выходящем из КГБ Евгением Алейником, с которым у меня была вражда, хуже некуда. Я отказался.

КОНТРОЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ

После моего отказа от предложенной мне должности наши отношения с Дмитрием Филипповым не прекратились.

Филиппов занял кресло председателя совета АО «Финансовая группа «РоссКо», пустовавшее после убийства бизнесмена Сергея Рогова.

ЧП произошло 19 ноября 1996 года. Около девяти часов вечера к дому №36 по Магазиной улице Пушкина подъехала сверкающая «Вольво», из которой вышел генеральный директор «РоссКо» Сергей Рогов. Он отпустил водителя и, зайдя в подъезд, не спеша миновал площадку первого этажа и один лестничный пролёт.

До второго этажа, который целиком принадлежал ему, оставалось несколько ступенек. В этот момент прогремели два выстрела. Преступник стрелял наверняка, но, в отличие от классических схем заказных убийств, не использовал глушитель и не оставил пистолет на месте преступления.

На звуки выстрелов выбежали соседи, а также, жена и сын погибшего, но было поздно. Обе пули попали в голову, смерть наступила практически мгновенно.

Первое, что поразило тогда прибывших на место преступления работников правоохранительных органов – поведение вдовы убитого. Выбегавшая на звуки выстрелов Марина Рогова вместо того, чтобы срочно вызвать «скорую» или милицию, сначала тщательно спрятала портфель мужа и только после этого набрала «02».

О существовании портфеля оперативники узнали от соседей, сообщивших, что покойный никогда не возвращался с работы належке. Портфель обнаружили в квартире Роговых, причём Марина очень не хотела отдавать его и так запрятала ключ от портфеля, что его пришлось вскрывать с помощью инструментов. Когда сотрудники милиции вытащили содержимое, то сами испугались того, что там обнаружили.

Сергей Рогов носил с собой документы, подписанные высокопоставленными чиновниками российского правительства, в том числе, на нескольких бумагах была подпись вице-преьера Олега Сосковца, а на одной – самого главы правительства Виктора Черномырдина. Суть документов сводилась к письменным указаниям об отправке в тех или иных направлениях крупных денежных сумм, выручаемых «РоссКо» от деятельности принадлежащего ей Тобольского нефтехимического комбината (ТНХК).

Но питерским сыщикам не удалось воспользоваться этими документами. Портфель с оригиналами пришлось вернуть вдове убитого. После чего копии таинственным образом из материалов уголовного дела исчезли.

Более того, буквально через несколько дней после убийства целая бригада сотрудников питерской милиции отправилась в Тобольск, чтобы на месте разобраться в работе комбината и в его отношениях с группой «РоссКо». Но эта поездка не привела вообще ни к чему, в Тобольске не нашлось ни одного человека, который в той или иной степени не зависел бы от нефтехимического комбината. Любая попытка провести там сколько-нибудь серьезное расследование была изначально обречена на провал.

Многие склонны считать, что Рогов никогда не принимал ни одного серьезного решения, и находился в тени Дмитрия Филиппова, приставленного к нему в качестве куратора после оставления поста главы питерской налоговой инспекции. Фактически Филиппов с самого начала руководил «РоссКо», но кроме самого Сергея Рогова тогда об этом почти никто не знал.

Финансовая группа занималась ОАО «Тобольский нефтехимический комбинат», а именно, закупками оборудования для комбината, лоббированием законопроектов через Государственную думу РФ в интересах нефтяного бизнеса. В активе Филиппова было личное знакомство с руководителем крупнейшей на тот период фракции Геннадием Зюгановым, спикером от КПРФ Геннадием Селезнёвым. Филиппов был близок и с членом совета директоров «Газпрома» Петром Родионовым.

Филиппов начал входить во вкус, в моём присутствии несколько раз представлялся владельцем комбината. Балансовая стоимость акционерного общества по тем временам составляла около ста миллионов долларов США.

Виды Филиппова на комбинат меня насторожили, я честно предупредил его, что играет он с огнём. Я не знал всех обстоятельств, при которых «Тобольский нефтехимический комбинат», начал управляться из северной столицы. Но понимал, что претензии на столь лакомый кусочек имели люди, связанные с организованной преступностью. Умерить пыл претендентов на «каравай» Филиппов вполне мог законными способами с помощью своих друзей из Москвы. Возбуждать уголовные дела было за что.

Филиппов меня выслушал, но я услышан не был.

Я не стал дожидаться того, что Дмитрий Николаевич укажет мне на дверь, попрощался сам. Последующие полгода у меня никаких контактов с Филипповым не было, но я и не старался быть в курсе дел «Тобольского нефтехимического комбината».

Филиппов не только превратился из теневого куратора в полноценного руководителя компании, но и круто взялся за наведение порядка. Он существенно укрепил службу безопасности, поставив во главе генерала ФСБ из действующего резерва. Кроме того, Дмитрий Николаевич весьма серьёзно отнесся к собственной физической защите.

С декабря 1996 года его никто не видел без хотя бы двух телохранителей. Его «Вольво» практически везде сопровождала темно-зеленая «Нива» с дополнительной охраной.

Филиппов позвонил неожиданно: «Мне передали, что ты звонил». Это означало, что Дмитрий Николаевич ищет со мной встречи.

Но встреча естественно не состоялась.

Но сначала о трагедии. Председателя совета директоров банка «Менатеп - СПб» и финансовой группы «РоссКо» Дмитрия Филиппова убили при следующих обстоятельствах. 10 октября в 20 часов 30 минут Филиппов въехал во двор своего дома на чёрной «Вольво» в сопровождении троих охранников. Джип с дополнительной охраной остался на улице для контроля въезда во двор. Один из телохранителей поднялся на этаж, где была расположена квартира Филиппова, и, убедившись, что шефу ничто не угрожает, сообщил об этом по рации.

Дмитрий Филиппов в сопровождении охранника вышел из машины и в тот момент, когда он открыл дверь подъезда, раздался взрыв. Установленное в плафоне светильника под потолком радиоуправляемое взрывное устройство было столь мощным, что обоих мужчин с огромной силой выбросило из подъезда и ударило об неотъехавший ещё автомобиль.

В результате ЧП, Дмитрий Филиппов получил два типа повреждений: собственно от пламени взрыва и от удара. В частности, врачи зафиксировали ожоги глаз, лица, верхних дыхательных путей, а также, разрывы селезенки и прямой кишки, перелом бедра. В шоковом состоянии потерпевший ещё спрашивал: «Будет ли контрольный выстрел?»

В подъезде были разрушены входные двери в подъезд и одна внутренняя перегородка первого этажа, покорежены и вдавлены внутрь двери лифта. В окнах первых четырех этажей этого и соседнего подъездов было выбито около полутора сотен стёкол, в разной степени пострадали припаркованные во дворе автомобили.

По мнению специалистов, взрыв готовил армейский профессионал, впрочем, не отличавшийся стремлением к оригинальности. Расположение исполнительного механизма внутри заряда безосколочного взрывного устройства – стандартное, но вполне грамотное техническое решение. После взрыва от исполнительного механизма не остаётся вообще ничего, что существенно затруднило поиск места сборки «адской машины»...

Несколько дней спустя Дмитрий Филиппов скончался в реанимационном отделении Военно-медицинской академии. Ему не хватило месяца, чтобы пробить официальным руководителем «РоссКо» в течение двух лет.

Два заказных убийства первых лиц одной и той же компании безусловно свидетельствует о том, что что-то в этой фирме, мягко говоря, не так. Наверное, поэтому расследование обоих убийств проходило в условиях постоянных неожиданностей, которые закручивались порой в самые невероятные детективные сюжеты.

Сотрудники «РоссКо», которых я хорошо знал и информации, которых мог вполне доверять, уже после трагических событий сообщили мне, что из Москвы три раза «приезжали бандиты». Авторитеты предупредили Филиппова насчёт того, чтобы он отказался от Тобольского нефтехимического комбината. Но Филиппов не отступился.

Впрочем, угрозы не были оставлены без внимания. Личная охрана была многократно увеличена. Большую часть времени Филиппов стал проводить вне пределов России, в Финляндии, Швеции.

Могла ли государственная машина, в частности питерское Управление ФСБ, защитить Филиппова? Вряд ли. У Филиппова были натянутые отношения с Виктором Черкесовым. Последний в тот период возглавлял Управление ФСБ России по Санкт-Петербургу. В ходе выборного противостояния Собчак – Яковлев Черкесов был на стороне первого, а значит являлся противником Филиппова, который поддерживал протезе Москвы.

Дмитрий Филиппов рассказал мне о разговоре с Виктором Черкесовым, который состоялся после победы Владимира Яковлева в борьбе за пост губернатора Санкт-Петербурга. Черкесов зло спросил: «Что ж ты против меня работал?».

Вызов Дмитрий Николаевич принял спокойно, я же сильно встревожился. Почему? Обычно, ведомство, в котором служил Черкесов, «зло» помнит всю жизнь, но свою позицию старается не афишировать. Но если упреки приняли открытый характер, то службу «допекли», «язва» сама по себе не рассосётся.

Что я должен был сказать Филиппову? Что надо быть осторожным? Но он и сам об этом знал. Чтобы бежал, сломя голову? Куда и к кому он побежит? Губернатор Владимир Яковлев оберегом для Филиппова стать не мог. Поддержка из Москвы слабела с каждым днём...

После похорон Филиппова у меня состоялся доверительный разговор со «свежим» отставником из органов. Расклад, с его слов, был следующим. Квартира Дмитрия Николаевича располагалась в доме, в котором проживал тогда Кумарин (Барсуков – фамилия матери). Некоторые СМИ причисляли Владимира Кумарина к руководителям так называемого «тамбовской преступного сообщества».

Охрана Владимира Кумарина обнаружила, что за домом ведётся наружное наблюдение. Непрошенных гостей «повязали», доставили в службу собственной безопасности, установили личности. Сначала позвонили в ФСБ: «Ваши?». «Скорее всего, ментовские» – последовал ответ. Те в милицию. «Таких не знаем» – ответили в ведомстве.

Далее, задержанных начали допрашивать с пристрастием. «Наружка» раскололась: «Мы от Юрия Шутова, следим за Дмитрием Филипповым». Информация была доложена в региональное Управление ФСБ... и никакой реакции.

Люди Кумарина-Барсукова подождали – подождали, и расценили затянувшуюся на неопределённое время паузу, как негласное одобрение действий задержанных.

Я считаю, что данная версия вполне вероятна. Моё скептическое отношение к предъявленным обвинениям Юрию Шутову известно. Получается, что убийство Дмитрия Филиппова «списали» на команду Шутова.

О пересечении деловых интересов Шутова и Филиппова мне ничего не известно.

Я знал обоих. Запомнился лишь один резкий диалог, когда Дмитрий Николаевич ещё был в «Менатепе». Кроме этого Филиппов Юрия Титовича ни в каком контексте не упоминал. Более того, когда Филиппов «в обнимку ходил» со спикером Государственной думы РФ Геннадием Селезнёвым, рядом всегда (или почти всегда) находился Шутов. Юрий Титович возглавлял комиссию по итогам приватизации, заинтересованность в сотрудничестве была взаимной.

Но я допускаю, что «команда» Шутова и без патрона могла взять подряд на убийство политика и предпринимателя. В год убийства Филиппова говорили и о сумме в сто тысяч долларов США, которую заплатили за ликвидацию Дмитрия Николаевича. В любом случае деньги были явно не из Питера, с большой долей вероятности из Сибири.

Дмитрий Филиппов явно недооценил степень риска, потому, что по психологии он был стопроцентно советским человеком. Что я имею ввиду? Он, как, впрочем, и я, никогда не мог принять того, что людей могут убить из-за денег. До сих пор стою на том, что деньги не являются эквивалентом человеческой жизни. Но в тот период нашей истории многое было по- другому.

Раскрыта ли тайна убийства Филиппова? Об исполнителях говорить, особого смысла нет. Заказчики? Кто прислал Дмитрию Николаевичу криминальных авторитетов в качестве переговорщиков по Тобольскому нефтехимическому комбинату, тот, скорее всего, и «заказал» Филиппова. Это могли быть только те, кто претендовал на комбинат в качестве собственников. Этот сценарный план преступления лежал и лежит на поверхности.

Во время следствия в Петербург был доставлен Ярослав Юдин, руководитель фирмы «Росферро». Через некоторое время правоохранительные органы задержали его отца Владимира Юдина, бывшего генерального директора Тобольского нефтехимического комбината.

По версии правоохранительных органов между председателем совета директоров Тобольского комбината Филипповым, и Юдиным-старшим, бывшим руководителем комбината, была личная неприязнь. Несмотря на то, что отставка Юдина формально была добровольной, немалую роль в ней сыграл Дмитрий Филиппов. Филиппов через «РоссКо» и подконтрольные ей структуры контролировал более 60% акций Тобольского комбината и претендовал на неограниченную власть на предприятии. Это вызывало недовольство

Юдина. Он также был недоволен тем, как приватизировался комбинат. Юдин считал, что у бывшего руководителя «РоссКо» Сергея Рогова были некие обязательства перед ним, и Филиппову не стоило ими пренебрегать.

Судя по финалу этой истории, Филиппов ими пренебрег: с поста генерального директора Юдин ушёл на пост председателя совета директоров (то есть «свадебного генерала»), а затем вообще отошёл от дел на комбинате.

Внешняя очевидность конфликта для многих исключала «тобольский след» в «деле Филиппова». Конфликт Филиппова и Юдина носил открытый, ни от кого нескрываемый характер. Обычно в таких случаях конфликтующие стороны опасаются «заказывать» друг друга.

Фактически основной деятельностью «РоссКо» и являлся контроль над Тобольским нефтехимическим комбинатом. Структуры «РоссКо» в том числе занималась экспортом сжиженного газа, производимого ТНХК – предприятием-монополистом по производству сжиженного газа для промышленных и бытовых целей (значительная часть России ещё не газифицирована природным газом).

Помимо основной нефтехимической линии «РоссКо» имела в Петербурге интересы, которые можно назвать побочными. Через ТНХК и инвестиционную компанию «Отраслевой фондовый центр» «РоссКо» выступала держателем крупного пакета акций «Энергомашбанка» (около 30%). На этой почве группа имела конфликты с Энергомашиностроительной корпорацией, предприятия которой владели контрольным пакетом акций банка. Потом структуры «РоссКо» продали свои пакеты акций «Энергомашбанка».

«РоссКо» удалось также выкупить контрольный пакет акций Научно-исследовательского института технологии машиностроения (НИИТМАШ), который интересен, прежде всего, занимаемыми зданиями.

Дмитрий Филиппов имел коммерческий интерес и на Кировском заводе, являясь членом его совета директоров в последние годы. Принадлежащий ему пакет акций Кировского завода знающие люди оценивали в \$2 млн (по максимальным ценам фондового рынка середины 1997 года). Однако не этот пакет давал Филиппову возможность серьёзно влиять на деятельность «Кировского», а личная дружба с Петром Семененко, генеральным директором завода. По инициативе Филиппова Пётр Семененко даже избирался членом советов директоров НИИТМАШа и Тобольского нефтехимического комбината.

А был ещё и добровольный уход Филиппова в 1996 году с поста председателя совета директоров Петербургской топливной компании.

В бизнесе Дмитрий Филиппов умел действовать жёстко и, несомненно, получил в Петербурге и за его пределами немало врагов.

НА ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕЛКОВОДЬЕ

Увольнение со службы не стало для меня поворотной точкой к переходу к спокойной и размеренной жизни пенсионера на дачном участке. Как говорят в таких случаях, порох в пороховницах ещё был.

В середине 90-х годов мне поступило предложение возглавить региональное отделение популярной в то время политической силы – «Конгресса русских общин» (далее – КРО), которая прочно была связана с именем генерала Александра Лебеда.

В числе сторонников КРО и их лидеров я оказался случайно. Так бывает в политике.

Расчёт политтехнологов, стоявших у руля создания КРО, был на резкий рост к 1995 году националистических настроений в обществе. По некоторым опросам до 80% россиян в середине 90-х годов прошлого века придерживалось крайних националистических взглядов. Весьма популярными в обществе стали люди, которые эксплуатировали тему патриотизма.

Люди, которые вышли на меня с предложением возглавить региональное отделение КРО в Ленинградской области, набили руку на партийном строительстве. Они состояли во многих общественных организациях, были депутатами Ленсовета. Нас связывало личное знакомство. Отцом одного из «переговорщиков» был полковник Комитета государственной безопасности.

Не вызвали отторжения и фамилии первых лиц новой партии.

Юрию Скокову – человеку из первой партийной тройки – прочили в те годы головокружительную политическую карьеру. В апреле 1995 года на партийном съезде Скоков был избран председателем Национального Совета КРО.

Вызывали симпатии и экономические взгляды самого молодого доктора экономических наук Советского Союза Сергея Глазьева – ещё одного лидера КРО.

В апреле 1995 года к КРО примкнул генерал- лейтенант Александр Лебедев, фамилия которого в те дни не сходила с первых полос газет. 19 августа 1991 года, выполняя приказ командующего ВДВ Павла Грачёва, во главе батальона тульских десантников во главе с Лебедевым взял под охрану здание Верховного Совета РСФСР.

С партийными лидерами я был знаком тогда заочно. Скокова хорошо знал профессор Владимир Калашников, к которому я относился и отношусь с большой симпатией и глубоким уважением. Цельная, целеустремлённая личность, настоящий учёный. Ему, как и мне, тоже было предложено поучаствовать в проекте «Конгресс русских общин». Владимир Валерьянович и ввёл меня в курс дела.

Решение я принял без колебаний. Было желание, энергия, жизненный опыт. Общественная жизнь страны тогда была через край. Регионы бурлили. Все считали, что нужно спасти Россию. И не важно было под каким до этого ты маршировал флагом.

Первый раз я увидел Александра Лебедея на съезде КРО. Генерал выступал умно, жёстко, эмоционально. Под овации зрительного зала. О ельцинском режиме говорил зло, правильно. В те минуты о своём партийном выборе я подумал: «Принял правильное решение».

После съезда я «запрягся» в региональное партийное строительство. Опыта, учитывая годы работы в горкоме, мне было не занимать. Мне и Калашникову было предложено возглавить региональные - Ленинградской области и Санкт-Петербурга - отделения.

В регионах никаких препятствий по проведению организационных конференций мы не ощутили. Наоборот, партия власти пыталась поставить вновь образовавшийся политический ресурс под свой контроль.

Мы пошли дальше. В Санкт-Петербурге была проведена «презентация» КРО, на которую приехали лидеры партии с семьями. Для гостей была арендована гостиница, которая размещалась на пришвартованном к набережной недалеко от Смольного теплоходе. На москвичей мы с Калашниковым произвели неплохое впечатление. Как и они на нас. Отношения шли по нарастающей. Скоков, Глазьев и Лебедев после «презентации» Санкт-Петербург жаловали часто.

Через общих знакомых я вручил Скокову и Лебедеву вышедший из печати сборник моих статей «Коррупция: хроника региональной борьбы». На очередной нашей встрече Александр Лебедев подтвердил, что книгу прочёл, заметил: «Умная книга».

Со временем между лидерами КРО наметились серьёзные разногласия. В Санкт-Петербурге и области мы почувствовали это сразу. Дошло до того, что Александр Лебедев организовал свой, отдельный от партийного, предвыборный штаб.

В Москве меня начали «тестировать» на предмет особых симпатий к генерал-лейтенанту. Как старый аппаратчик я понимал, что бегать между двумя лидерами неприлично. От вождей пришлось дистанцироваться.

В то же время симпатизировал генералу, считал его более предсказуемым и интересным политиком, чем Скоков. Хотя и у Юрия Владимировича были свои плюсы: московская «штучка», которую мало кто мог просчитать. Скоков мог вписаться в абсолютно любую политическую конфигурацию, был многовариантным, «два писал, три держал в уме».

Позже в силу своих возможностей я выполнял отдельные просьбы Александра Лебеда. В минимально необходимых средствах особых затруднений не было. Деньги в партийную кассу поступали через Скокова. Все партийные мероприятия проходили вполне прилично. В ходе выборов в Государственную думу РФ в середине 90-х годов прошлого века, в которых Александр Лебедь участвовал в списках партии «Конгресс русских общин», я всецело доверял генералу. Лебедь к тому времени, без сомнения, был неформальным лидером «тройки».

В регионе (Санкт-Петербург, Ленинградская область) партийные «роли» были распределены следующим образом: я занимался организационной (сбор подписей, проведение конференций и т.д.) работой, профессор Калашников – идеологической составляющей. КРО представлял собой сборище разных по политическим взглядам организаций и людей. В партию «призывали» всех, кто проявлял интерес.

Желание обзавестись билетом КРО было мотивировано всего лишь двумя причинами.

Во-первых, вновь испечённые партийцы жаждали увидеть свои фамилии в списках выдвиженцев в депутаты Государственной думы РФ. Но оказаться в региональной тройке лидеров списка, которой при преодолении установленного федеральным избирательным правом минимума (5%) гарантировались мандаты, было весьма сложно. Конкуренция была запредельной. Тем более что две первые строчки списка были «забронированы» за Водолеевым и Калашниковым. К слову сказать, установленную планку региональная организация КРО в «цитадели демократии» даже перевыполнила. Итоговый результат – 5,2% – был приятным сюрпризом для меня.

Во-вторых, любые выборы – реальный шанс заработать денег у различных околополитических сил и общественных организаций. Деньги у КРО были, но не в тех объёмах, которые ожидали. Тем более что партийные лидеры КРО ставку сделали на Москву. Избирательная кампания 1996 года КРО в Санкт-Петербурге финансировалась по остаточному принципу – несколько тысяч долларов США.

Обще впечатление от паростроительства у меня было жутковатым. О партийной - времён КПСС - дисциплине среди членов КРО не могло быть и речи.

Некоторые, примкнувшие к КРО деятели, начали под будущее депутатство в Государственной думе РФ брать вполне реальные авансы из более чем сомнительных источников. Не брезговали криминальной кассой. Дошло до того, что прилетевшему во время избирательной кампании в Санкт-Петербург Юрию Скокову предложили в пользование бронированные лимузины, принадлежащие одному из криминальных авторитетов. Юрий Владимирович об этом даже не догадывался.

Впрочем, многие деятели, которые оказывали региональному отделению КРО услуги (аренда помещений, оплата политической рекламы СМИ, транспорт, полиграфия и т.д.) понимали, что инвестиции в политику более чем рискованные. В случае поражения КРО на выборах, счета к оплате будет предъявлять некому.

Аппетиты у лидеров КРО на общий итог голосования были завышены. Но в том, что партия войдёт в Думу, никто не сомневался. Шампанское было закуплено. Спорили лишь о количестве мандатов. В Москве спрогнозировали 15% от общего числа. Меня отчитывали за сдержанный прогноз в 5-6%.

За несколько дней до дня голосования у меня произошло «отрезвление». События развивались следующим образом. Лидеру КРО к концу избирательной гонки предоставили большой телеэфир в США и России. Юрий Скоков выжал из него «по максимуму»: нещадно критиковал Бориса Ельцина, который оставался у руля, в том числе и Центральной избирательной комиссии. По всему выходило, что КРО сделало откровенный фальстарт. Помните классика: «Не важно, как голосуют. Важно, как сосчитают». У этого закона в 1996 году не было исключений. Как, впрочем, и сейчас.

Подсчёт голосов лишь подтвердил мои худшие опасения. Избирательная «система» сбоек не дала. Скокову, и соответственно КРО, откровения за несколько дней до дня

голосования не простили. В протоколе ЦИК партия получила 4,2% голосов избирателей. В Москве итог у лидеров КРО вызвала шок.

А в послевыборной Москве был популярен следующий анекдот.

Председатель Центральной избирательной комиссии РФ докладывает предварительные итоги голосования:

- Борис Николаевич, у меня для вас есть две новости: плохая и хорошая. С какой начать?

- Начни с первой.

- Лидер КПРФ Геннадий Зюганов набрал 56% голосов.

- И что же хорошего после этого ты мне можешь сообщить?

- Вы, Борис Николаевич, набрали 83%!

Я пережил поражение спокойно. Хотя бы в силу того, что снял с себя груз ответственности перед сомнительными людьми, которые пристроились к КРО. Ведь мандат Госдумы РФ при сложившихся обстоятельствах означал бы, что необходимо отработать все выданные нам авансы.

Александр Лебедь поступил на тех выборах более хитро. Между лидерами КРО существовала договорённость: участвовать в избирательной кампании лишь по партийным (КРО) спискам, то есть единой командой. Для того чтобы не «распылять силы» было решено не выставлять кандидатуры Скокова, Глазьева, Лебеда по одномандатным округам.

Генерал же, игнорируя партийные договорённости, выдвинул свою кандидатуру – подстраховался – ещё и по одномандатному округу в Туле, где за явным преимуществом победил всех соперников. Из КРО он единственным оказался в депутатах. Считается, что первый экзамен на политика федерального масштаба Александр Лебедь сдал именно в Туле.

Вторично генерал удостоился высшего балла в ходе избирательной президентской кампании 1996 года. На первом этапе - первый тур - за Александр Лебеда проголосовали 15 млн избирателей.

Во втором туре генерал «сделал ход» конём – перешёл в лагерь Бориса Ельцина. Что в будущем и предопределило назначение его на ряд государственных должностей.

В Москве Александр Лебедь начал формировать штат сотрудников. В качестве одного из них была предложена моя кандидатура. «Водолеев – экстремист», – сказал генерал и вычеркнул мою фамилию из списка кандидатов.

Я и не рассчитывал на продолжение карьеры государственного служащего в Москве под началом Александра Ивановича, а уж тем более не просил его об этом. Но некоторые бывшие члены регионального КРО предприняли попытки «закрепиться» в Москве при помощи генерала.

АЛЕКСАНДР ЛЕБЕДЬ

После того как Александр Лебедь «укоренился» в Москве на меня вышли представители российских спецслужб, которых я хорошо знал по совместной работе в комплексной бригаде МВД, ФСБ и Генеральной прокуратуры РФ по уголовному преследованию Анатолию Собчаку.

Зная о моём личном знакомстве с Александром Лебедем, спецслужбы просили заступиться за начальника Управления ФСБ по Москве и Московской области генерал-полковника Анатолия Трофимова.

Лебедь в тот период служил секретарём Совета безопасности РФ «с особыми полномочиями», был помощником Президента РФ по национальной безопасности. С 15 июля по 3 октября 1996 года бывший лидер КРО являлся председателем Комиссии по высшим воинским должностям, высшим воинским и специальным званиям Совета по кадровым вопросам при Президенте РФ. Кадровый вопрос как раз был в его компетенции. У опального чекиста была богатая биография: участие в расследовании ряда громких дел от руководителей Елисейского гастронома, различных диссидентских группировок (в том

числе Сергея Ковалёва и Натана Щаранского) до «разрабатывания» подольской и кунцевской преступных группировок.

В октябре 1993 года Анатолий Трофимов участвовал в аресте Александра Руцкого и Руслана Хасбулатова, дружил с начальником службы безопасности президента РФ Александром Коржаковым, конфликтовал с мэром Москвы Юрием Лужковым.

20 февраля 1997 года Трофимова сняли с поста начальника УФСБ с мотивировкой «за грубые нарушения, вскрытые проверкой Счётной палаты РФ, и упущения в служебной деятельности».

Я связался с Лебедем, попросил принять. Генерал назначил дату, время. Я заторопился в Москву. С вокзала отзвонился в приёмную секретаря Совета безопасности РФ. В течение пятнадцати минут меня допрашивали по телефону, потом «сдались», подтвердили, что на моё имя будет выписан пропуск.

Перед визитом к Лебедею, зашёл по договорённости на Лубянку, потом в приёмную секретаря Совета безопасности РФ. Чекисты вооружили меня информацией, рассказали обо всех (или почти всех) подводных течениях, которые окружали фигуру Анатолия Трофимова.

Вызова ждал не более пяти минут. Перед заходом в кабинет секретарь меня предупредил: «В вашем распоряжении не более пятнадцати минут». «Не тебе решать», – ответил я с некоторым раздражением – не люблю самоуверенных секретарей приёмных.

Александр Лебедь встретил меня тепло, обнялись. Суть просьбы я изложил кратко, по-военному. Чувствовалось, что генерал был озадачен просьбой. Очевидно, предполагал, что я - по старой памяти - буду «трясти» с него должность для себя.

Лебедь на меня долго-долго смотрел.

Я прервал затянувшуюся паузу. Сообщил, что больше в Москве мне ничего не нужно.

Лебедь уточнил: «Почему вы участвуете в судьбе Анатолия Трофимова?».

«За него просили люди, с которыми я участвовал в боях, и которым я всецело доверяю», – ответил я. Слова соответствовали истине.

«Если вы в вопросе смещения с должности Анатолия Трофимова, – продолжил я, – поддержите московскую мэрию, то в будущем останетесь одни».

Генерал молча выслушал меня, открыл сейф и достал из него огромное досье на Анатолия Трофимова. Папка содержала оперативные разработки, сведения о том, что начальник Управления ФСБ злоупотребляет служебным положением, использует должность с коммерческой выгодой для себя, «крышует» бизнес.

Документы я прочёл внимательно. За время службы в ГУВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области подобных справок я видел немало и вполне профессионально мог отличить ложь от правды. Анатолия Трофимова без особых затей подставляли.

«Александр Иванович, если вы мне предоставите два часа времени, чернила и бумаги, я вам напишу таких справок воз и маленькую тележку. Компромат шит белыми нитками. Я ручаюсь, что Трофимов не торгует родиной налево и направо», – продолжаю разговор.

Вместо пятнадцати минут в кабинете Александра Лебедея я находился час. Разговор шёл на повышенных тонах. В таком напряжении я не пребывал ещё никогда в жизни. Он красный, у меня лицо пошло пятнами. По вопросу Трофимова я был подготовлен основательно. Но это не помогло.

Лебедь «выкручивался», я его «давил». Генерал в душе соглашался с моими доводами, но не более того. Я не знал, кто заказал увольнение начальника столичного Управления ФСБ секретарю Совета безопасности РФ. Очевидно, что это были люди, которым Лебедь не мог отказать. Водолееву же мог. Несмотря на то, что я не был простым просителем, а представлял в тот момент интересы ФСБ.

Ярость, с которой Лебедь отстаивал увольнение Трофимова, и то, что он сделал после нашего разговора, говорили о том, что секретаря Совета безопасности РФ капитально «зарядили». Он априори при разговоре со мной уже «не мог сдать окоп», в котором находился.

Руками Лебеда уволили из органов многих достойных руководителей. На мой взгляд, Александр Лебедь в тот период времени стал играть роль марионетки.

Спустя несколько лет после увольнения, генерал ФСБ стал жертвой заказного убийства. Его убили классически – тремя выстрелами в грудь и голову. Желу генерала тяжело ранили. Позже она скончалась в больнице.

Дочь Анатолия Трофимова убийца не тронул и скрылся с места происшествия.

После моего разговора с Лебедем об участии в судьбе начальника Управления ФСБ по Москве и Московской области генерал-полковника Анатолия Трофимова для меня стало понятно, что до серьёзного политика бывший лидер КРО не дорос. Не исключаю, что раскрыться Лебедю помешал избыток тех качеств, которые были мне симпатичны: решительность, открытость, категоричность.

Менялся ли Лебедь с годами? И да, и нет. Лебедь времён партии «Конгресс русских общин», и Лебедь – федеральный чиновник – один и тот же человек, но в разных жизненных условиях: в понятных – в первом случае, и непривычных – во втором. В должности секретаря Совета безопасности РФ он, на мой взгляд, находился в постоянном цейтноте. Судите сами. Когда я вышел из его кабинета, приёмная была полна нервных посетителей, звание которых было не ниже «генерал-полковник». Они ждали-выжидали аудиенции на десять-пятнадцать минут. А между ними встрял какой-то «шпак» из Петербурга.

Лебедь оказался в условиях совершенно ему не привычных. А далее, на мой взгляд, он совершил традиционный набор ошибок, которые допускает человек, оказавшийся не в своей тарелке. Лишний раз доказав, что высокопоставленные военные, которым судьба даёт шанс поработать с кадрами на государственном уровне, частенько оказываются не у дел.

К тому же генерал стал сторониться своих доверенных лиц. Показателен в этой связи случай, который произошёл с его помощником, отвечающим за финансовые дела во время выборов в Государственную думу и в ходе президентской выборной компании. Доверенному финансисту перерезали горло.

«Какой была реакция Александра Ивановича?» - спросил я брата покойного, осознавая и то, что убийство можно было расценить и как контрвыпад против генерала. У финансиста могли искать компрометирующие Лебеда документы. Своего собеседника я знал в течение многих лет, так, что столь откровенный вопрос не стал для него неожиданным.

«Лебедь даже не приехал на похороны», - услышал я в ответ.

Генерал стал мне неинтересен как человек и политик немного позднее, когда согласился стать губернатором Красноярского края. Особенно стала раздражать прямолинейность, с которой Александр Иванович представлял общественности своё радужное политическое будущее. Помните: «Я лом, который бросили, и который нельзя остановить».

На мой взгляд, Александр Лебедь не реализовал себя как политик.

Потенциал у него был огромный. Человеческая «подкладка» хорошая: по своей натуре он не был корыстным, жадным, алчным. По своей сути он был государственным человеком. Другой вопрос, что генерал не смог справиться со сложной ситуацией, правильно определить своё место в ней, использовать свой шанс, выработать оптимальные приёмы тактической борьбы в достижении своей цели.

Лебедь – классический пример испытания человека огнём, водой и медными тубами. У генерала возможно слегка закружилась голова от выпавшей на его долю власти. Александр Иванович стал неспособным к правильной, реальной, трезвой, если хотите, оценке обстановки, которая сложилась вокруг него, и на которую он должен был влиять в силу своего должностного положения. На командных высотах у Лебеда похоже случилось «кислотное голодание», которое сыграло с ним злую шутку.

Трагедия, которая случилась с генералом позже, окончательно утвердила меня в вышесказанном. Вывод государственной комиссии по результатам расследования гибели Александра Лебеда был однозначным: генерал приказал лётчикам лететь вопреки

действующим инструкциям. Это меня не удивило. Что двигало им в ту роковую минуту? Двух мнений здесь быть не может: генерал считал, что его воля будет решающей, а решение окончательным и обжалованию не подлежащим. Такая позиция всегда гибельна для политика. Для Александра Лебеда прямой и переносный смысл этой фразы слились в одно целое. Государственный человек должен принимать решение не в силу того, что ему так хочется и не потому, что он «царь», а в силу тех или иных обстоятельств. Любые управленческие решения должны быть полезны обществу, делу, которому служишь, а не приниматься ради самолюбия, например.

Из всех политиков 90-х, которых я знал, лично, наиболее государственным человеком был для меня Юрий Скоков. Судьба могла сложиться так, что именно бывший лидер «Конгресса русских общин» мог стать премьер-министром, а не Виктор Черномырдин. Для России то, что линия судьбы Скокова разошлась с историей страны, как мне кажется, большая потеря. Ведь кто такой Черномырдин? Руководитель без мировоззрения, прагматик, которым руководили обстоятельства. Скоков же знал, что любые обстоятельства можно подчинить себе во благо, можно упреждать появление новых.

Роковую роль с ним сыграла, как это не покажется странным, информированность в московских раскладах. Вокруг Скокова, как возле каждой более-менее значительной фигуры в 90-х годах прошлого века роились генералы из силовых ведомств, действующие и в отставке. Так что о здоровье Бориса Ельцина, которое стало решающим фактором политики тех лет, Скоков знал из первых уст. Что-то переоценил.

Скокова уж слишком приласкали американцы. Он открыл рот на два дня раньше положенного. Фальстарт его как политика и погубил.

Политическая смерть Скокова одновременно поставила крест и на партии «Конгресс русских общин». Позже эту идею пытались реанимировать, но по большей части безуспешно.

ЗАПАСНОЙ АЭРОДРОМ

Однажды мне позвонил Михаил Ошеров. Собеседник был моим многолетним знакомым. Пересекались на комсомольской и партийной работах.

В молодые годы Михаил Семёнович работал в отделе молодёжи, курировал студенческие и оперативные отряды. В 90-ые годы прошлого века Ошеров стал помощником председателем Государственной Думы РФ второго созыва Геннадия Селёзнёва, а в Санкт-Петербурге - вице-президентом Академии национальной безопасности (АНБ). Общественная организация засверкала на «общественном небосводе» в 1997 году благодаря председателю Государственной думы РФ Геннадию Селезневу.

Спикер курировал её деятельность, а учредителями и руководителями академии стали близкие компартии люди. В конце 90-х годов прошлого века АНБ была на слуху. Доморощенные конспирологи полагали, что за этим брендом скрывается, что-то масштабное.

О существовании АНБ до телефонного звонка Ошерева я не догадывался. За первыми словами вежливости последовало предложение стать вице-президентом Академии национальной безопасности.

К моменту нашего разговора я был уже стрелянным воробьём, к титулам, а тем более «президентским» относился весьма критически, без лишнего пиетета.

Штаб-квартира АНБ располагалась в Санкт-Петербурге, регион деятельности – Северо-Запад. Президентом Академии числился Селёзнёв, заместителем – исполнительным директором – Анатолий Денисов, выдающийся учёный в области теории систем управления, прикладной теории систем и системного анализа, профессор из Политехнического университета. С Анатолием Алексеевичем у нас были общие знакомые, тот же Владимир Калашников, с которым я «тянул лямку» в Конгрессе Русских Общин.

Когда Ошеров назвал мне эти фамилии, я посчитал, что компания подобралась приличная, люди близкие мне по мировоззренческим позициям.

Меня представили в АНБ. Среди моих собеседников в штаб-квартире (четвёртый этаж особняка на одной из Красноармейских улиц Санкт-Петербурга) оказалось несколько бывших чинов из ФСБ и МВД, генералов и полковников.

Я поинтересовался у Ошера: «Откуда средства на содержание офиса у общественной организации?» Собеседник пояснил: финансовую поддержку «общему делу» оказывают ряд коммерческих структур, а том числе и та, которая расположилась в первых трёх этажах особняка.

Фирма занималась импортом продуктов питания в Россию. Руководителем концерна значился младший брат владельца крупных казино Михаила Мирилашвили Габриэль. Предприниматели предоставили в распоряжение АНБ целый этаж особняка, оплачивали коммунальные услуги и т.д.

К этому времени меня трудно было чем-либо удивить, особенно изменениям в биографии людей, которых я знал лично. Для себя решил: поживём – увидим.

В АНБ я «варился» года два – два с половиной.

Когда мы с Ошеровым обсуждали детали моего участия в АНБ, к разговору присоединился Юрий Шутов. Юрий Титович в тот период возглавлял комиссию по проверке приватизации предприятий оборонного комплекса, проведённой в северной столице. Комиссия Шутова также работала под патронатом Селезнёва.

Шутов узнав тему нашей беседы, весьма одобрительно отнёсся к моему решению участвовать в работе Академии национальной безопасности, и похвалил Михаила Семёновича «за правильное кадровое решение».

В ходе беседы Ошеров ознакомил меня с учредительными документами Академии национальной безопасности (далее АНБ), где мне предстояло трудиться. Удивило следующее: в состав руководящих органов АНБ входили все (около семнадцати) региональные (северо-западных губерний) руководители Федеральной службы безопасности РФ. Стало понятно, что «конструкция» АНБ задумывалась не Геннадием Селезнёвым, а тем более не Михаилом Ошеровым. «Проект» потребовался в качестве «запасной площадки» для конкретного кандидата на выборах Президента РФ. Например, для руководителя КПРФ Геннадия Зюганова.

В конце 90-х годов прошлого века шансы на победу у Зюганова, безусловно, были. Спецслужбы в случае реализации сценарного плана «Геннадий Зюганов – Президент РФ» через выпестованную ими Академию национальной безопасности плавно бы вмонтировались в новую систему властных координат, «прислонились» бы к будущему лидеру страны.

Политическое кредо Геннадия Зюганова руководство ФСБ не смущало. Более десяти лет назад среди руководителей российских спецслужб преобладали лица, сформировавшиеся при Советском Союзе. По этой причине Зюганов был для них, пускай и не своим, но и не чужим человеком.

Для меня правила игры были понятны. ФСБ была верна себе самой. Спецслужба не только проявляла готовность работать с любым лидером, который пришёл бы к руководству страны парламентским путём. Но и готовила «запасной аэродром» для наиболее вероятных кандидатов. В нашем случае для Зюганова.

ФСБ при любых раскладах не была в проигрыше. Она всегда была бы рядом с победителем. Без кадровых потрясений.

- Как часто вы собираетесь? – спросил я собеседника. Тем самым решил выяснить для себя не столько предстоящую нагрузку, а оценить готовность АНБ к выполнению главной задачи. Оказалось, что руководящий состав Академии собирался лишь раз. После организационного собрания кадры находились в «законсервированном» состоянии. В случае наступления часа «X» личный состав мог быть «отмобилизован» в кратчайшие сроки.

АНБ – стала своеобразным паролем. От её имени можно было обратиться с просьбой ко многим должностным лицам региона, и проситель был бы услышан.

Я не знаю, как принимали Денисова, Ошерева в Мурманске, Архангельске или Калининграде, но в Санкт-Петербурге удостоверение вице-президента АНБ открывало двери многих служебных кабинетов. Особенно к Виктору Черкесову. На просьбы Ошерева Виктор Васильевич реагировал всегда.

Одним из условий моей работы в АНБ был отказ от предложенного денежного вознаграждения (500 долларов США в месяц). До конца я не предполагал под чем подписываюсь. И не хотел оказаться в ситуации, когда бы мной помыкали. К тому же АНБ, несмотря на звучное название, производила впечатление вполне заурядной конторы. Среди не более двадцати сотрудников преобладали технические специалисты, пенсионеры.

К обсуждению «денежной темы» решено было возвратиться после того, как я «оботрусь», «увидю армию, которой предстоит командовать», а в АНБ присмотрятся ко мне. На том и ударили по рукам.

После возбуждения уголовного дела в отношении Михаила Миралашвили, ушёл в «подполье» его младший брат Габриэль. Академия из сложившейся ситуации вышла легко, в её распоряжении был предоставлен целый особняк на Среднем проспекте Петроградской стороны. Новоселье состоялось, как я полагаю, не без помощи Геннадия Селезнёва.

САМОРОДОК

Пять тысяч кв. метров полезной площади для решения уставных целей АНБ были излишними. Началась передача свободных площадей в аренду. В этот период на первые роли в Академии выходит Олег Таран – ещё один вице-президент.

Имя Олега Тарана значилось среди учредителей фирмы «Лютар» (посреднические услуги в области здравоохранения, адвокатские услуги), Регионального общественного фонда сохранения традиций мужского хорового пения «Певчие Руси», а также петербургского общественного благотворительного фонда «Родительский мост».

Охрану особняка начала осуществлять фирма, которую «привёл» с собой Олег Таран. Ошеров, на которого к тому времени было сделано покушение, почти отошёл от дел.

Главной заботой «академиков» было лоббирование неких проектов. Впервые в АНБ я познакомился с Виктором Петриком, предпринимателем, автором ряда спорных (неакадемических) исследований, в том числе в области очистки воды.

В 1975 году Петрик окончил факультет психологии Ленинградского университета. Ещё до учёбы в университете Петрик проводил массовые сеансы гипноза. Работал научным сотрудником НИИ им. В.М.Бехтерева.

В конце 1982 года Петрик был арестован за покушение на разбойное нападение на квартиру Ржевских. В декабре 1984 года В.И. Петрик был осужден на 11 лет лишения свободы с конфискацией имущества по 13 статьям Уголовного кодекса РСФСР: мошенничество, покушение на грабёж, вымогательство, понуждение к даче ложных показаний и др.

В январе 1989 года был освобожден условно досрочно, после чего работал художником в оформительских мастерских Ленинграда. С начала 1990-х годов являлся генеральным директором и единственным учредителем ООО «Инкорпорация 4Т», которая занималась выращиванием искусственных гранатов, аметистов и других минералов для ювелирной промышленности по технологии, разработанной в Государственном оптическом институте.

Впоследствии он стал президентом и научным руководителем НИИ физики фуллеренов и новых материалов, учреждённого в Москве Российской академией естественных наук,

Фондом президентских программ и самим Петриком. В 90-х годах прошлого века Петрик был советником по экономическим вопросам Санкт-Петербургской мэрии.

Виктор Петрик в ранге «директора департамента стратегических исследований Академии национальной безопасности России» продвигал ряд своих проектов. Я присутствовал на нескольких «круглых столах», на которых Петрик докладывал об изобретениях, но до сих пор нахожусь в неведении, в неопределённости в оценке этого человека.

В силу своей недостаточной научной подготовки, я не могу оценить то, чем занимался и занимается Петрик. Единственный проект, который тогда получил практическое применение и широкий общественный резонанс, это было производство реактивов, с помощью которых нейтрализовали разлившиеся нефтяные продукты. По информации Виктора Петрика данный проект был успешен.

Когда академик рассказывал о своих, и, следовательно, АНБ планах, у меня голова шла кругом. Несмотря на то, я весьма благожелательно отношусь к фантастике, как к литературному жанру.

Разобраться в реальности или вымысле слов Петрика и тогда, и сейчас весьма трудно, даже более подготовленным специалистам, чем я. Но к разряду выдумщиков относить Петрика я не спешил. По той причине, что вполне серьезные люди науки – профессора с академиками – были внимательными слушателями самородка.

Хору сторонников научных или околонучных идей Петрика противостояли критики. «Просветил» меня в отношении одного из руководителей АНБ мой старинный (времен работы в комсомоле) товарищ Сергей Боборыкин. Позже Сергей по рекомендации комсомола, пойдёт в международную торговлю, откуда «благополучно» переедет на зону за получение взятки от финских партнёров.

Срок – пятнадцать лет лишения свободы – даже сейчас «вызывает уважение». Возможно, суд мог сделать в отношении Боборыкина снисхождение, но Сергей на допросах уж слишком бойко конфликтовал со следователями КГБ. А данность в те годы была следующей: обвинительное заключение, составленное в Комитете государственной безопасности, как правило, было «рыбой» для опять-таки обвинительного приговора суда. Исключений из данных правил я не помню.

Но отсидел, не без моей помощи, Сергей не всё, через семь лет был освобождён условно-досрочно.

Пути арестанта Боборыкина и сидельца Петрика, осуждённого в декабре 1984 года по 13 статьям УК РСФСР на 11 лет лишения свободы с конфискацией имущества, пересеклись, как говорят, «в местах не столь отдалённых». В «активе» Петрика середины 80-х годов прошлого века был целый букет преступлений: мошенничество, покушение на грабёж, вымогательство, понуждение к даче ложных показаний.

Позже имя Петрика начнёт обрастать легендами. Например, из одной из них следовало, что Петрик в начале 90-х годов прошлого века синтезировал алмаз. Камень был вывезен за границу и передал в один из банков Германии для экспертизы. Специалисты подтвердили подлинность камня, приняли в качестве залогового имущества. На руках у Петрика оказалась большая сумма.

Но «вдогонку» Петрику немецким банком были посланы документы о залоге, которые стали предметом пристального изучения российских спецслужб.

ЦЕНА ЗАКОНОПРОЕКТА

Петрик был не единственным «фирменным брендом» АНБ. С моим участием Академия стала сотрудничать с предстоятелем Санкт-Петербургской епархии, митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским. Начальник охраны владыки тех лет был моим знакомым – бывшим полковником КГБ, последние годы перед распадом СССР служившим в Азербайджане. Он-то и принёс мне прошение митрополита на имя Геннадия Селезнёва включить отдельной строкой в федеральный бюджет выделение денежных средств на

ремонт Александро-Невской лавры. Просьбе предшествовала передача помещений Лавре от «съехавшего» по решению федеральных властей института.

Исполнительный директор АНБ профессор Анатолий Денисов переговорил о возможных перспективах со спикером Государственной Думы РФ. Было подготовлено письмо за подписью Геннадия Селезнёва в правительство РФ. Прошению дали официальный ход. Копию письма передали через начальника службы охраны митрополиту. За «посредничество» я получил устное благословение его Святейшества Владимира.

Другой вопрос, что реакция правительства на письмо Селезнёва была отрицательной. Денег Лавре на проведение ремонтных работ выделено в тот раз не было. Реставрация была проведена позже.

Хороший пример стал «заразительным». Вскоре на моём столе оказалось ходатайство раввина Санкт-Петербургской синагоги с аналогичной митрополиту просьбой. Обсуждение вопроса с Анатолием Денисовым было коротким: если АНБ оказала поддержку митрополиту, то она должна быть последовательной и в помощи раввину. За подписью Геннадия Селезнёва в федеральное правительство ушло аналогичное предыдущему письмо.

Другим направлением в деятельности АНБ было лоббирование коммерческих проектов. Самый шумный из них был предложен нашим бывшим соотечественником, «поднявшимся»... на переработке мусора в Нью-Йорке.

Бизнес нового американца – утилизация мусора крупнейшего мегаполиса – был сродни выигрышу в лотерею. Но для полного счастья, предпринимателю не хватало вещей «мелочи». Мусор Нью-Йорка приходилось перевозить за тридевять земель, преодолевать границы семи штатов. И на каждой административной границе приходилось платить пошлину.

Предприниматель смекнул, что намного выгодней складировать бытовой мусор крупнейшего американского мегаполиса в Санкт-Петербурге и на полигонах Ленинградской области, чем преодолевать внутренние кордоны США. Гениальная идея должна была быть подкреплена федеральным законом.

В северной столице к предложению бывшего соотечественника отнеслись с пониманием: «Не прочь рассмотреть ваш вопрос, но...».

Собеседник оказался понимающий, выразил желание поучаствовать в модернизации полигона Красный Бор: «В качестве первого шага выделю столько средств, сколько будет необходимо. И далее буду платить за утилизацию бытового мусора из Нью-Йорка в Санкт-Петербург по мировым ценам».

На этом посылы американца не закончились. Цитата: «Я знаю, что в среднем законопроект в Государственной Думе принимается за шесть месяцев. Для голосования необходимы голоса 260 депутатов. Я «зарезервировал» 12 млн долларов США на оплату «работы» большинства Государственной Думы РФ, которые поддержат данный законопроект».

С «последним словом» американца гонцы поехали в Москву. Переговорщики были радостно возбуждены. Проект пах не мусором, а деньгами: и не только в столице, но и на берегах Невы.

Пессимистическое настроение было лишь у вице-президента АНБ Олега Тарана. В разговоре со мной он высказался весьма однозначно: «Вокруг Красного Бора сложился весьма определённый пул заинтересованных лиц. Любого чужака, который попытается проникнуть на данную территорию, даже с целью нормализации работы полигона, расстреляют, не моргнув глазом. Ведь утилизация мусора и для России такое же золотое, как и для Америки, дно».

Дальнейшие события показали, что «стороны не смогли договориться».

С некоторых пор приоритетным направлением в деятельности АНБ стала организация частного университета, который Олег Таран считал своим детищем. Особняк на Пионерской, который был передан в аренду АНБ, стал адресом нового учебного заведения. Мне было предложено сформировать «костяк» профессуры.

Переговоры были проведены. Каждого претендента необходимо было ознакомить с условиями работы, кругом обязанностей и т.д. Появились конкретные лица, фамилии, учебные программы по предполагаемым курсам.

Но работу АНБ по созданию университета перечеркнуло убийство Олега Тарана. Вице-президента АНБ расстреляли 21 сентября у здания академии. Это было заказное убийство – стрельба велась примерно с двухсот метров.

Позже оперативники обнаружили на чердаке одного из близлежащих домов винтовку с оптическим прицелом. Таран, выйдя из офиса в сопровождении охранников, сел за руль собственного джипа, но машину завести не успел: две пули снайпера попали в плечо и в висок. Смерть наступила мгновенно.

С этого момента деятельностью АНБ заинтересовались правоохранительные органы.

Первые «печальные звонки» прозвенели в октябре 1998 года, ещё до парламентских выборов. Тогда в течение недели произошло два покушения на убийство. В результате погиб председатель Совета банка «Менатеп-СПб» Дмитрий Филиппов и был ранен советник спикера Госдумы РФ Михаил Ошеров (получив два ранения в голову, он чудом остался жив). Оба были давними друзьями и соратниками Геннадия Селезнёва, которого считают отцом – основателем АНБ.

Но если убийство Филиппова было высокопрофессиональным и, судя по всему, связанным с его деятельностью в нефтяном бизнесе (оно считается раскрытым, обвинение предъявлено группе, организованной Юрием Шутовым), то покушение на Ошерова оставило массу вопросов.

Во-первых, стреляли в помощника Селезнёва из газового пистолета «Байкал», переделанного под боевой, что явно нехарактерно для профессиональных заказных убийств.

Во-вторых, трудно предположить, кому мог помешать доктор юридических наук, преподаватель Полярной академии, представитель Федерального собрания в Межпарламентской ассамблее. Ошеров также был вице-президентом АНБ, где курировал вопросы издательской деятельности.

Было известно, что незадолго до покушений обе жертвы обещали Селезнёву обеспечить поддержку предвыборных кампаний КПРФ и лично спикера. Высказывались предположения, что убийство одного и покушение на другого связаны с попытками ослабить позиции Селезнёва в его родном городе.

Расстрел Олега Тарана стал для меня потрясением. Общаясь с ним довольно часто и продолжительно, я не знал за Олегом дел, за которые – даже по меркам лихих девяностых – должно следовать лишение жизни. Но они, наверняка, были.

Почерк киллера был аналогичный убийству вице-губернатора правительства СПб Михаила Маневича (18 августа 1997 года) и покушению на заместителя начальника РУБОП Николая Аулова.

В изданной в 2008 году книге «20 лет: и жизнь, и слёзы, и РУБОП» Николай Аулов назван одним из основателей петербургского РУБОПа, прототипом Никиты Никитыча Кудасова – героя культового фильма «Бандитский Петербург». Он инициировал расследование уголовных дел в отношении петербургских криминальных авторитетов Александра Малышева (в 1995 году получил два с половиной года за незаконное хранение оружия), Владислава Кирпичёва (Кирпич) (убит в июне 1996 года), Руслана Коляка («Пучеглазый») (убит в августе 2003 года) и многих других.

В ноябре 1998 года Николай Аулов был назначен замначальника Северо-Западного РУБОПа.

26 мая 1999 года на Николая Аулова и его жену Ольгу было совершено покушение – их обстреляли из снайперской винтовки с оптическим прицелом с чердака дома на Большом проспекте. Супруги получили ранения.

Стрельба по Олегу Тарану велась в условиях плохой видимости (уже горели фонари), с расстояния более 200 метров, что свидетельствует о незаурядном мастерстве киллера. Непосредственно перед убийством в ходе ряда бесед со мной Олег упомянул, что как совладелец юридической фирмы «Лютар», опираясь на свои связи в администрации президента РФ, вступил в судебную тяжбу с «вотчиной» генерального директора компании «Сухой» Михаила Погосяна. Конфликт был из-за завода в Комсомольске-на-Амуре. Таран предполагал, что ему противостоят очень серьёзные люди. Других убедительных версий относительно убийства вице-президента АНБ, я не могу вспомнить. Были попытки администрации Санкт-Петербурга денонсировать обязательства, по которым в распоряжение АНБ был передан особняк в центре северной столицы. Но данный спор вёлся в рамках закона. «Если и возвращать особняк городу, то только через решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области» – говорил мне неоднократно Таран. Шансы оставить недвижимость за АНБ вице-губернатор академии расценивал очень высоко.

С убийством Олега Тарана закончились и мои отношения с Академией национальной безопасности. Олег – был единственной «живой» ниткой, которая связывала меня с АНБ, и организованным на её базе университетом.

Самый крупный скандал, связанный с АНБ, вспыхнул в ноябре 1998 года, после убийства депутата Госдумы Галины Старовойтовой. За три дня до того в еженедельнике «Северная столица» Старовойтова под псевдонимом «Анна Прохорова, Петр Глебов» опубликовала статью «Новые русские коммунисты: союз серпа и доллара». Речь в статье шла о финансовой деятельности АНБ. А именно - о конгрессе «Телекоммуникации в аспекте национальной безопасности», прошедшем в Санкт-Петербурге в том же году.

По словам Старовойтовой, перед этим мероприятием Геннадий Селезнёв собрал в Таврическом дворце бизнесменов, представителей налоговой инспекции и полиции, администрации Санкт-Петербурга и Ленинградского военного округа и попросил о спонсорской помощи конгрессу.

Вступительные взносы спонсоров, согласно подписанному спикером положению, были следующие: 30 тысяч долларов для генеральных спонсоров, 10 тысяч долларов для официальных спонсоров и 3 тысячи долларов для спонсоров рядовых.

Старовойтова предположила, что на проведение подобного конгресса можно было собрать около 500 тысяч, так как генеральных спонсоров могло быть с десятков, а официальных – несколько десятков. В том же положении о спонсорстве было указано: «Под спонсорством понимается передача санкт-петербургскому департаменту социальных программ Межрегиональной общественной организации “Академия национальной безопасности” денежных средств в рублях и иностранной валюте, а также товаров и услуг». Вывод Старовойтова сделала следующий: эти деньги должны пойти в фонд предвыборной кампании самого Селезнёва (в то время он собирался выдвигаться в президенты).

Подобные предположения возмутили Геннадия Николаевича, и он подал на Анну Прохорову и Петра Глебова, а также на «Северную столицу» и на одноимённое общественное движение в суд. Свой моральный ущерб председатель Госдумы оценил в 800 тысяч рублей. К моменту разбирательства из ответчиков осталось только движение, так как редакция еженедельника не являлась юридическим лицом, а автора уже не было в живых.

Из девяти выдвинутых истцом требований суд потребовал опубликовать извинение всего лишь по одному. Извиниться ответчику следовало за фразу «Поборы всем надоели, но отказывать спикеру не хотят, так как боятся неприятностей от налоговиков». Но и публиковать опровержение было негде – издание к тому моменту уже не выходило.

После смерти Тарана в Академию национальной безопасности пришли другие люди, которые не были мне знакомы.

ВЕЛИКИЙ

В течение многих лет судьба связывала меня сначала совместной работой, а потом и дружбой с величайшим тренером всех времён и народов Вячеславом Платоновым.

Моя партийная должность в горкоме предполагала не только координацию работы всех правоохранительных органов Ленинграда и области. Отдел курировал и спорт высших достижений. Руководить тренерами и спортсменами было бессмысленно, а вот в разнообразной помощи они всегда нуждались. В том числе и именитые, в послужном списке которых были победы на Олимпиадах и чемпионатах мира и Европы.

Нельзя сказать, что спорт высших достижений в Советском Союзе бедствовал. После громких побед олимпийцы, чемпионы мира и Европы получали не только свою порцию общественного внимания и народной любви. В качестве награды им презентовались квартиры, автомобили и т.д. Все, кто добивался международных побед, были обласканы властью.

Вячеслав Платонов руководил сборной командой СССР по волейболу. В те времена это была лучшая сборная мира. В Ленинграде великий тренер возглавлял команду «Автомобилист», которая фактически была базовой командой сборной.

В чём приходилось помогать? Регулировали вопросы аренды помещений для тренировок, соревнований. В Советском Союзе спорт высших достижений был «закреплён» за министерствами, крупными предприятиями. В частности волейбольная команда «Автомобилист» была приписана к системообразующему предприятию Ленинграда – «Ленавтотрансу». К начальнику главка, в подчинении у которого было сто тысяч человек, пробиться было сложно. Даже тренеру с мировым именем. Для горкома партии в моем лице делалось исключение.

Платонов по всем организационным вопросам мог свободно обратиться к инструктору горкома, а тот ко мне. Двери в любой кабинет горкома или исполкома для Вячеслава Платонова были открыты. Все проблемы решались быстро. Надо отдать должное тренеру, никогда Платонов не зарывался в своих запросах. Просьбы соответствовали нашим возможностям.

С Вячеславом Алексеевичем мы были на «ты». Не сразу, а после многолетнего знакомства. Нас, прежде всего, связывали личные отношения, а не его высокие достижения, звания и титулы, и моя должность в горкоме и статус «куратора городского спорта».

В то время в распоряжении Платонова была двухкомнатная квартира на троих человек, недалеко от Смольного. Поражало в квартире только одно – все стены были увешены, заставлены кубками, медалями. Только потолок оставался в неприкосновенности. Награды были не только за успехи на тренерском поприще. Платонов многого добился и как игрок, незаурядный мастер.

Вячеслав Алексеевич до последней своей минуты не изменил родному городу, несмотря на заманчивые предложения из Москвы.

Платонов был высоко порядочным человеком, умницей, бойцом. Людей с подобными человеческими качествами я больше не встречал. Он вызывал глубочайшую симпатию не только у меня, а у всех, кто его окружал.

Я неоднократно был свидетелем его работы с командой. Тренерскую «кухню» наблюдал изнутри. Ребята его уважали и любили искренне. Чувства были взаимными. За своего парня он мог голову положить. Но и спрашивал на полную катушку.

Я старался не пропустить ни одной домашней игры «Автомобилиста». На наиболее интересные встречи Вячеслав не забывал приглашать меня персонально. Ходил на игры вместе с детьми.

По предложению Платонова я не раз ездил руководителем спортивной делегации (первый раз – в Японию). Первый секретарь горкома Юрий Соловьёв лично санкционировал мой выезд в капиталистическую страну.

Когда вышла книга Платонова «Уравнение с шестью неизвестными», я стал одним из первых её читателей. До сих пор воспоминания друга хранятся в моей библиотеке с дарственной надписью «Сергеич, будь таким, каким ты есть». Для меня это была и высокая оценка, и дружеский приказ.

Сохранились отношения с Платоновым и тогда, когда после ряда неудач, великий тренер был отстранён от руководства сборной командой страны. К решению приложил руку Президент РФ Борис Ельцин, сам в прошлом волейболист. У Платонова с Борисом Николаевичем разнились взгляды на игру. Ельцин – игрок, по прозвищу «Кувалда», был сторонником прямолинейной игры. Если вывести его на позицию, и подать при этом удобную передачу, то удар получался, как говорят, в таких случаях, смертельным. Платонов был приверженцем комбинационного волейбола, который снискал мировую славу и ему, и нашей стране.

В новой России Вячеслав почувствовал себя неуютно, вынужденно уехал на работу за границу, в Финляндию. К Платонову в страну Суоми я приезжал дважды, с его бывшей командой «Автомобилист».

Выезжал с питерской командой не без пользы для спортсменов. Период конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века, был весьма бедственным для спорта высших достижений. Из-за этого игроки вынуждены были изыскивать разные пути для приработка. Например, баловались продажей за границей ряда товаров, вывоз которых строго лимитировался. Но той же икры в свободной продаже в магазинах Санкт-Петербурга не было. Приходилось «изыскивать резервы».

В настоящий период времени в обществе периодически возникает дискуссия: почему современная Россия не может похвастаться победами в командных видах спорта? Пример Платонова как раз и даёт ответ на этот вопрос. Наличие тренера-уникала – лишь одно из слагаемых коллективного успеха. Ведь целая плеяда волейболистов – учеников Платонова – пришла не сама по себе. Они оказались на вершине пирамиды, основанием которой был массовый детско-юношеский спорт.

В Советском Союзе система работала более чем успешно. Союзное первенство по накалу страстей, наличию самобытных команд, игроков, тренерских идей – могло дать фору любому чемпионату Европы. Это был полигон, на котором оттачивалось спортивное мастерство, массово возвращались спортивные таланты.

Тренеру сборной команды Советского Союза было из чего выбирать. Список кандидатов в сборную не ограничивался игроками базовой команды «Автомобилист». Конкуренция за место в составе сборной была нешуточной. Сборная команда страны времён Платонова – это не команда одного, пускай и великого, тренера. Это команда уникальных индивидуальностей, объединённых одной игровой идеей.

Вершиной же айсберга были победы на Олимпиадах и чемпионатах мира.

Платонов был исключительно предан волейболу. Игра, и всё, что было с ней связано, стояли для него на первом месте. Материальные ценности его интересовали в последнюю очередь. За денежное вознаграждение, которые он получал в загранкомандировке, он мог приобрести «Волгу». Но тяги к предметам роскоши в семье Платонова не было.

Я был поражён убранством квартиры второго тренера сборной команды Советского Союза по волейболу. Перед поездкой в Японию, а я выезжал за рубеж в качестве руководителя делегации, мы оказались в Москве. Московские апартаменты, мебель поражали своей изысканностью. В отличие от скромной двухкомнатной квартиры главного тренера сборной.

Через несколько лет знакомства нас с Вячеславом Платоновым начали связывать товарищеские отношения. Я часто – по мере нахождения тренера в Ленинграде – бывал у него на квартире. Для этого достаточно было одного его звонка: «Сергеич, забежишь?»

«Да, – отвечал я. – В обед». И вместо того, чтобы идти в столовую, я оказывался в мире кубков и медалей. Могли себе позволить выпить рюмку-другую коньяка. Не более того. Исключением из правила стал случай в поездке в Италию. Пришли в ресторан поужинать. Разбирающиеся в тонкостях волейбола итальянцы «подкатали» на всю команду вина, молодого, классного. Мы попробовали. Слава при этом пошутил: «Сергеич, мы можем на этом остановиться. Но тогда мы не нанесём вреда капиталистической системе». Мотивация подействовала: с упорством начали «понижать экономический потенциал» Италии. Но молодое виноградное вино оказалось с подвохом. Впрочем, до гостиничных номеров дошли самостоятельно. Утром, правда, было тяжеловато.

За рубежом Платонова, его команду, что сборную Советского Союза по волейболу, что «Автомобилист», принимали на высшем уровне. Спортивная делегация всегда проживала в пятизвёздочных отелях.

Руководители национальных федераций и в шутку, и в серьёз говорили Платонову: «Вячеслав Алексеевич, ну когда же ты дашь шанс и нам. Сборная Советского Союза глушит всё вокруг себя». Шанса другим Планов не предоставлял в течение десятилетия. Уважение в мире к Платонову было большое. Американцы, а не «дорогие россияне», занесли его фамилию в пантеон спортивной славы, назвав Вячеслава Алексеевича лучшим тренером века.

В ЧУЖОМ КАРМАНЕ

Зато нет пророка в своём отечестве. Главная задача спортивных функционеров заключалась в том, чтобы вывернуть тренерам и спортсменам... карманы.

В период Советского Союза действовал регламент, согласно которому большая часть призовых денег, заработанных спортсменами, передавалась в доход государства.

В 1982 году я впервые выехал за границу в качестве руководителя спортивной делегации. Тогда я понимал командировку как некую форму поощрения партийной номенклатуры. Как таковой необходимости в партийном руководстве группой, состоящей из нескольких спортсменов, не было. Тренер легко бы справился - что он собственно и делал - со всеми организационными вопросами: получением паспортов, инструктажами, докладом по месту прибытия и т.д. Впрочем, ответственность на руководителя была возложена большая.

Ведь чего опасались в то время? Чтобы спортсмен не «побежал» не в ту сторону, не попросил политического убежища на Западе. С должности по месту работы «за отсутствие политической бдительности» меня бы в Союзе не сняли, но хлопот ЧП прибавило бы. Например, командировки за границу для меня прекратились бы. Выговор по партийной линии был гарантирован. За «побег» спортсмена в первую очередь отвечал тренер, спортивные чиновники, представитель КГБ. Было с кого снять стружку.

В первую поездку за границу в «подчинении» у меня были марафонцы (четыре спортсмена, тренер, врач, она же переводчик). Пункт назначения – Нью-Йорк.

После каждой поездки руководитель делегации обязан был предоставить в спорткомитет отчёт о поведении «за бугром» членов делегации. Спортсмены данной процедуры опасались.

О всех подводных камнях заграничных командировок я узнал только по возвращению в Москву. Смотрю, мои «подопечные» как-то приуныли, слова застревают в горле, улыбки на лицах вымученные. Спрашиваю у врача: «Почему такие перемены?» Отвечает: «Очень переживают за характеристики, которые вы напишите».

Пришлось объясниться. Я взял отчёт, уже написанный, и зачитал перед командой. В отзыве не было навета, характеристика марафонцев во время заграничной командировки была положительной. В считанные минуты лица моих слушателей просветлели.

А переживать спортсменам было за что. Командировочные деньги были не ахти какие. Шиковать за границей не получалось при всём желании. К тому же членам нашей маленькой делегации хотелось привести домой и подарки. Приходилось химичить. Продажа икры, водки и т.д., которой затаривались в Союзе, была обычным для советских людей, оказавшихся за границей, небольшим бизнесом.

Мне тоже присоветовали взять в дорогу две бутылки водки и банку икры. Одну бутылку водки пришлось «оприходовать» с тренером, за знакомство. Вторую часть моего НЗ тренер выменял на линзы к очкам, которые у него «полетели».

Я знал о том, что свою часть «колониальных товаров» марафонцы успешно продали. Для меня это было непривычно и неприятно. Осуждающее отношение руководителя делегации к гешефту группа почувствовала сразу. Для «наведения мостов» ко мне был послан переговорщик.

Марафонец показал мне список из 18 фамилий, среди которых преобладали спортивные чиновники. На словах объяснил: «Если я не выполню заказ на подарок, хотя бы одного из них, моё следующее выступление за границей будет под большим вопросом». Спортивные результаты, показанные марафонцем в Союзе, решающей роли для выезда на международные соревнования не играли. Решение о заграничных командировках принималось в спортивных комитетах областных центров, Москвы и т.д.

«А за что мне покупать подарки? – напирал на меня собеседник. – Не факт, что получим призовые деньги. Всё зависит от результата. К тому же существенная часть призовых денег будет перераспределена в доход государства».

Члены делегации боялись, что я доложу об околоспортивных страстях в Москву. Пришлось спортсменов успокоить: первый раз в Нью-Йорке, второй – в Москве.

Подобную позицию – смотреть на нехитрый бизнес наших спортсменов за рубежом сквозь пальцы – разделяли и многие мои товарищи по горкому, которые сопровождали за границу делегации в качестве руководителей. Они понимали, что гешефт делается от общей нашей нищеты, и от алчности чиновников от спорта.

Что можно было продать за границей и что пользовалось спросом в 80-ых годах прошлого века? Две бутылки водки, две банки икры, и блок сигарет. В каждой стране список товаров, который подлежал обмену на валюту, различался. Выезжающие за рубеж об этом были прекрасно осведомлены. Нехитрый бизнес был мелочью. Серьёзно я его не воспринимал.

Для советских спортсменов, выезжающих за границу, была другая «больная» тема. Тема призовых денег. Повторюсь, в Советском Союзе действовало правило, согласно которому значительная часть призовых, передавалась в доход государству.

Когда и где «отжимали» призовые? При возвращении в Союз. На разных соревнованиях действовали свои системы призовых и «прейскуранты» командировочных. Например, на Нью-Йоркском марафоне -1982 года на каждого участника делегации было выделено по 500 долларов США. Для советского гражданина – целое богатство.

Гостиница, в которой проживала советская делегация, была к нашему приезду оплачена организаторами соревнований – одной из благотворительных организаций. Получалось, что «командировочными» организаторы марафона «перекрывали» питание.

Три тысячи долларов – по количеству членов делегации – были переданы мне, как руководителю. Это были первые доллары США, которые я увидел в своей жизни. «Крышу» у меня от валюты не снесло. Вызвал тренера: «Деньги надо раздать». «Да вы что?!» – слышу в ответ.

Мой собеседник провёл со мной «ликбез». Оказалось, что по «нормативам» спорткомитета в день на участников делегации, в том числе и на спортсменов, резервируется по семь долларов США. Считалось, что данной суммы вполне достаточно для питания. Тренер, чтобы не нарушать инструкций, предложил раздать на руки по 35 долларов США (по количеству командировочных дней), а остальные деньги пообещал передать в спорткомитет.

Меня в спорткомитете при выезде за границу по вопросу распределения командировочных не инструктировали. Да и не могли, я был не их человеком. «За глотку» держали тренера, который и был в ответе за то, чтобы валюта поступала в государственную казну. На этот счёт были чёткие ведомственные инструкции.

Я принял правила игры, о которых мне рассказал тренер. Попросил его составить ведомость, из расчёта того, что каждый член делегации получит на руки по семь долларов на день. Сразу определились, что за остальную часть командировочных тренер отчитывается в спорткомитете лично.

Но на этом «делёж» «командировочных» не закончился. Как только схема распределения выделенных организаторами 500 долларов США на брата стала известна делегации, в дверь моего гостиничного номера постучали. Пришлось разговаривать «по душам» со спортсменами.

У них оказалась своя правда: продуктов из Союза для приготовления полноценного питания они не привезли, бесплатно на соревнованиях и в ходе тренировочного цикла обедами и ужинами организаторы спортсменов не кормили. Получалось, что за питание члены делегации должны были рассчитываться из собственного кармана. Из тех 500 долларов, которые и выделили организаторы, по сто долларов – на сутки.

При этом питание марафонцев, учитывая их нагрузки, в том числе и на тренировках, должно быть высококалорийным, сбалансированным и т.д. Семи долларов, которые по совету тренера - следовавшего инструкциям Москвы - я «положил» каждому члену делегации, оказалось явно недостаточно для марафонцев. Спортсмены попросили, ещё раз вернуться к теме «суточных», распределить их более справедливо.

Я кинул взгляд на тренера. На лице у того: «Только через мой труп».

Пришлось «торговаться». «Какая минимальная сумма вас устроит? – спрашиваю. Марафонцы хором отвечают: «Хотя бы по 20 долларов суточных. Здесь чашка кофе доллар стоит».

«Где необходимо расписаться, – уже обращаюсь к тренеру, – Даю команду на выдачу членам делегации по сто долларов на пять дней. Под мою ответственность».

Тренеру ничего не оставалось делать, как принять правила игры. Трясущимися руками он выдал по сто долларов каждому. Остаток валюты был передан по возвращению делегации в Москву в спорткомитет.

Как показал мой дальнейший опыт общения с марафонцами, ребята были на меня не в обиде.

Возврат суточных, призовых по инструкциям спорткомитета в казну государства был для тренера гарантией того, что в следующий раз его без проблем включат в заветный список выезжающих за границу. Не «понимающие» или «разбазарившие» средства государства в считанные дни лишались своих должностей, а то и работы.

В том, что тренер, с которым мы выезжали в Нью-Йорк, сдал «оставшиеся» суточные в спорткомитет, я не сомневаюсь ни на секунду. Для меня подобные денежно-товарные отношения были в диковинку. Инструкций на счёт валюты при отъезде я не получал. А ценные указания, которые всё же получил, в силу ряда объективных причин исполнить не смог. Например, доложить о нашем приезде-отъезде ответственному сотруднику посольства Советского Союза в США. Номера телефонов в моём гостиничном номере оказалось заблокированы. Мобильной связи тогда, в начале 80-х годов прошлого века, в моём распоряжении не было. Но то, что я оказался «отрезанным» от советского посольства, объясняю не происками империалистов. Обычная практика гостиниц, которые ограничивают доступ постояльцев к городским или международным телефонным линиям. Для того чтобы свести к минимуму неплатежи за телефонные счета.

В КАЗНУ СТРАНЫ

Аппетиты государства в сфере распределения призовых и суточных спортсменов, тренеров и т.д. на международных соревнованиях зашкаливали. Исключений советская система ни для кого не делала, даже для тренеров или спортсменов с именами. Даже великим приходилось принимать установленные правила игры, из-за боязни выпасть «из обоймы».

Бизнес советских командировочных, которые с некоторой периодичностью оказывались за границей, был поставлен на поток. Спортсмены в основном «жили» не на призовые, львиная часть которых оседала в закромах родины, а за счёт «купи-продай». «Университеты», что где купить подешевле, а продать подороже, проходили за две-три командировки.

Спорткомитет «стриг» всех спортсменов и тренеров под одну гребёнку. Процент отчислений от призовых, суточных, командировочных был суров для всех. Скидок и поблажек не делалось ни для тренеров с именами, ни для чемпионов Олимпийских игр. Они все были должны государству. И каждый выкручивался, как мог.

Могло ли так случиться, что «дань», которой спорткомитет обложил со всех сторон спортсменов, оказалась бы в кармане конкретного чиновника, миновав казну государства? Нет и ещё раз нет. Учётная дисциплина времён Советского Союза – не чета нынешней. Утаить что-то было весьма сложно. Особенно, когда «призовые», суточные оговаривались заранее, вручались открыто.

Москва и в те годы была особым миром. Блат был сильнее совнаркома. Все мало-мальски заметные должности, в том числе и в спорткомитете, получали свои люди: родственники, знакомые. Чужих в этот особый мир не пускали. А между своими всегда существовали особые отношения. Но даже с учётом этого обстоятельства, никто, я так считаю, не смел запустить руку в государственный карман. То, что чиновник получал по ведомости от тренеров, спортсменов, передавалось в доход государству.

Другой вопрос, что известные спортсмены, маститые тренеры могли за границей иметь неучтённые чиновниками спорткомитета доходы. Например, за границей и тогда, и сейчас существовала практика дачи интервью за гонорар. Я не знаю примеров, когда бы наши интервьюируемые афишировали данный приработок перед властями.

Когда я выезжал за границу в качестве руководителя делегации, взял себе за правило: не лезть в эти дела и не считать чужие деньги. Интервью, например, у наших волейболистов брали много. Очередь выстраивалась из иностранных журналистов. Но, ни тогда, ни тем более сейчас, я не осуждал наших сборников, членов команды «Автомобилист» за то, что утаили копейку от государства.

В том, что между представителями спорткомитета и выезжающими за границу спортсменами существовали особые отношения, следствием которых была двойная бухгалтерия, я не сомневался. Большинство спортсменов вынуждены были, в том числе и деньгами, «прикармливать» чиновников, от которых зависел выезд за границу (на соревнования, сборы и т.д.). Это была одна из причин того, что спортсмены вынуждены были заниматься нехитрой коммерцией, как за границей (торговали водкой, икрой, янтарём и т.д.), так и в Союзе.

Спорт высоких достижений в Советском Союзе всегда был государственным делом. С развалом Союза рухнул со многих пьедесталов и советский спорт.

Предпосылки забвения стали складываться ещё в годы социализма. Открытие источники об этом не писали, но злоупотреблений при реализации серых схем финансирования команд в различных видах спорта было много. Особенно в областных городах. Команды по игровым видам спорта числились за ведомствами, крупными предприятиями. Деньги выделялись нешуточные, но до спортсменов часто не доходили. Или направлялись не в полном объеме. Ведь бухгалтерскому учёту они не подлежали. Наверняка, именно тогда и появилась система так называемых «откатов».

А поскольку спорт курировали партийные органы, то первыми в списке крохоборов оказались даже секретари обкомов КПСС. Сначала считали, что это единичные случаи.

Потом об этом стали говорить всё чаще. Хотя содержимое партийных сейфов было под секретом для всей страны.

В 90-е годы прошлого века победы в командных видах спорта в России можно пересчитать на пальцах одной руки. А если и были победы, то благодаря тем талантам, которые выпестовала ещё старая система. Именно при Советском Союзе была создана пирамида физической культуры, в основе которой был массовый спорт, а на вершине – спорт высших достижений.

Меня, как человека, в своё время отвечавшего по партийной линии за спортивные достижения Ленинграда, иногда упрекают за то, что у города на Неве не было больших побед в самых народных видах спорта: футболе и хоккее. Действительно, победы «Зенита» или призовые места хоккейного СКА были редки.

Но у Ленинграда были иные приоритеты. Спорт был вторичен. Хорошо, если получалось. Но и за последнее место голову пеплом никто не посыпал. Стружку снимали за другое. Ленинград развивался как наукоград, центр оборонных предприятий, культурная столица. Но я бы не исключал и фактора личности в этой спортивной истории. Если бы Григорий Романов был страстным поклонником «Зенита», то команде, наверняка, была бы уготована другая судьба. Впрочем, футбольный клуб никогда не обижали, ни квартирами, ни машинами. Система премирования игроков, если и уступала грандам, то не намного.

С другой стороны Москва никогда бы не согласилась на роль второго плана в футболе и хоккее. Столица через призыв на службу в Советскую Армию, МВД «выгребала» спортивные таланты подчистую. Разнарядка приходила персонально на того, или иного игрока. И никто в Ленинграде не посмел бы идти против!

ЕГО БОРЬБА

В октябре 2010 года в Доме учёных в Лесном прошёл вечер памяти известного русского философа и общественного деятеля Виктора Безверхова.

Виктор Безверхий, в язычестве Остромысл (1930-2000 гг.) – духовный лидер и зачинатель русского неоязычества, основавший в 1986 г. общество волхвов, которое в 1990 г. было преобразовано в «Союз Венедов».

Окончил Высшее военно-морское училище имени Фрунзе. Дослужился до звания «капитан третьего ранга». В 1967 защитил кандидатскую диссертацию по философии Канта. Учение Безверхова было изложено им в серии статей в журнале «Союза венедов» «Родные просторы» за 1993 год. Это «система взглядов на мир, представление о природе, которую человек непрерывно познает, и об обществе как о справедливом устройстве отношений людей в процессе их жизнедеятельности».

Принципы «ведической концепции» сформулированы так: почитать и сохранять Природу, жить в соответствии с её требованиями, познавать законы её саморазвития, приумножать научное ведание. Решительно отвергать всякую религию, всякую веру в сверхприродное. Сохранять генофонд, соблюдать чистоту крови. Решительно отвергать любые концепции интернационализма. Бороться за социальную справедливость в человеческом обществе полноценных тружеников и необходимые материальные и духовные блага, за справедливое руководство всеми народами мира (на основе накопленного исторического опыта).

Безверхий мечтал о возрождении Золотого Века человечества, который ассоциировался у него с таинственным, загадочным образом дохристианской Руси, где важную роль играл культ предков, культ собственного рода.

В течение нескольких лет меня с Безверхим связывали не только узы совместной работы, но и дружбы. Знакомство произошло следующим образом. После своего увольнения из ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области я трудился начальником юридического отдела в метрополитене. Важнейшим направлением работы стало противодействие

попыткам извне – в первую очередь речь идёт о спецслужбах ряда иностранных государств - развалить крупнейшую городскую структуру.

В Санкт-Петербурге нашими оппонентами были применены методы, которые были апробированы в Польше, на примере профсоюза «Солидарность». Противостояние приняло публичный характер, позиции сторон были изложены в СМИ. И в этот момент мне позвонили. Мой собеседник из «Союза Венедов» сообщил, что читал все мои публикации, взгляды разделяет. А далее последовало предложение публиковаться в газете союза «Родные просторы». Газета выходила тиражом чуть более тысячи экземпляров, и распространялась в крупнейших городах Северо-Запада.

Предложение я принял. Статьи за моей подписью появились не только в газете метрополитена, но и в «Родных просторах».

Я начал посещать встречи венедов, где и познакомился с Виктором Безверхим, глубоко идейным человеком, прекрасно образованным. Безверхий был крайним националистом. А такая позиция во время, когда стала культивироваться толерантность, требовало изрядного мужества.

Его взгляды – возрождение России лежит в возврате к культуре дохристианской Руси – разделяли многие учёные Санкт-Петербурга конца XX века.

Мы договорились, о том, что вступать в организацию я не буду. У венедов существует институт «Почётных венедов». Почётным венедом я и являюсь. До сих пор храню билет за №1, дорожу им как ценной реликвией.

Одной из форм моего участия в организации был лекторий «Союза Венедов». Постоянного места для проведения встреч у единомышленников Виктора Безвершого не было, это была вечная «миграция». Причин было много. Одна из них – отсутствие средств для аренды помещений. Городские и церковные власти к деятельности венедов относились весьма настороженно.

Мне также было предложено выступить с лекциями, чем я и воспользовался. Тема «Люди и спецслужбы», которая позже будет оформлена отдельной книгой, была одной из первых, которую я представил публике. Мой доклад был принят весьма хорошо.

Позже с этой темой я выступал неоднократно, и не только в рамках «лектория» венедов, например, для членов группы интеллектуалов под условным наименованием «Мёртвая вода».

Если мировоззренческой основой венедов являлось язычество, то «Мёртвая вода» стояла на позициях единоверия, но близкой не к христианству (как вариант, православия), а к исламу. За исламом они признавали будущее.

Тематика лекций, которые начитывались в «лектории» венедов, была разнообразнейшей. Рамками только философских вопросов она не ограничивалась. Привлекали и фамилии лекторов – ведущих учёных страны. Это были и есть искренние, совестливые, достойные люди, настоящие бессребреники.

«Союз венедов» сумел объединить вокруг себя многих интеллектуалов Санкт-Петербурга. Со многими учёными я поддерживаю отношения до сих пор. Например, с доктором биологических наук Борисом Протасовым. Борис Иванович на дух не принимает теорию Дарвина, считает, что человечество в своём развитии не эволюционирует, а деградирует и т.д.

Общаться с такими людьми – было и есть настоящим удовольствием, но в проведении праздников, неких ритуалов венедов я не участвовал.

Руководитель «Союза венедов» Виктор Безверхий был интереснейшим собеседником. Много вечеров я провёл с ним за душевным разговором в его комнате в коммунальной квартире недалеко от Заневской площади Санкт-Петербурга. Виктора Николаевича можно было слушать часами, и получать от него ценнейшую информацию. Позиция его всегда была аргументирована, спорить с ним я никогда не решался. Что мне ложило на душу, я принимал, чего не понимал – забывал.

Отмечаю его и его окружения вклад в мою дальнейшую публицистику. Для меня было понятно, что «Союз венедов» – это попытка определённого фрагмента социума осмыслить ситуацию, которая складывалась в стране. За Союзом не было толстосумов. Безверхий с трудом находил средства для издательской деятельности, аренды помещений для работы лектория.

Отдельная тема в биографии Виктора Безверхого – издание «Майн Кампф» Адольфа Гитлера на русском языке.

К тому времени у сторонника крайних националистических взглядов Безверхого сложились некие отношения с националистами из Германии. Немцы и русские пытались понять: как возникла война между двумя народами, которые «эволюционно отпочковались от одного сучка генеалогического древа»?

Плодом сотрудничества двух групп на националистической почве стали не только переводы немецких учёных в газете венедов «Родные просторы», но и издание «Майн Кампф».

Сразу же в отношении «деда» венедов возбудили уголовное дело по соответствующей статье, его арестовали, у него изъяли все архивы.

Помочь Безверхому в его беде я не мог. Предводитель «Союза венедов» сидел в следственном изоляторе Федеральной службы безопасности на улице Каляева. Потом он мне расскажет, что относились к арестанту хорошо.

В тот период времени там же в качестве сидельца находился Юрий Шутов. Юрий Титович был в авторитете в следственном изоляторе. Депутат питерского ЗакСа распорядился: «Кормить Безверхого хорошо, и пальцем не трогать». Другими словами, выступил в качестве его «крыши». Такова была версия Виктора Николаевича.

Считаю, что слова главного венеда были близки к правде. Имею несколько подтверждений того, что, даже находясь под арестом, Шутов мог отдавать распоряжения подобного рода. И его приказы выполнялись неукоснительно.

Время, проведённое под арестом, не травмировало Безверхого, Виктор Николаевич относился к ситуации с юмором.

Уголовное дело вскоре было прекращено. Следствие приняло версию «деда» венедов о том, что он не преследовал целей пропаганды фашизма в России, а «просто хотел заработать денег» на издании, пускай и вызывающей, но популярной книги. Безверхому вернули все бумаги, которые были конфискованы следствием. За исключением тиража «Майн Кампф».

Я часто задавал себе вопрос: а каковы были настоящие мотивы, которые привели Безверхого к изданию Адольфа Гитлера? Ортодоксальная позиция нацистов была ему близка. По той решительности, с которой они решали свою главную национальную проблему – возрождение нации после поражения немцев в Первой мировой войне. Варварскими, жестокими методами, но в кратчайшие сроки. Он считал, что этот опыт вполне пригоден и для России. Для того чтобы остановить разруху, которая наметилась в стране.

Он был сторонником данной технологии, а не практики фашизма, с которой мы знакомы по итогам Великой Отечественной войны. Нацисты в считанные годы навели порядок в деморализованной, находящейся в хаосе стране.

Безверхий, будучи офицером- моряком, сформировался как русский патриот. Только время подвигло его к радикальной позиции. Он стал русским рационалистом.

Община венедов относилась к нему с высочайшим уважением, он был лидером, идеологом. В одном человеке соседствовали и высочайший интеллект, и значительные организационные способности.

Виктор Николаевич Безверхий позиционировал себя жёстким, законченным антисемитом. На эту тему мы с ним не говорили. Но я понимал его, принимал его аргументацию. У него были для этого основания.

Советская официальная доктрина не препятствовала учёбе евреев в высших учебных заведениях страны, государственной службе, в том числе и в армии, и т.д. Как человек, долгое время проработавший в партийных структурах, свидетельствую, что данная тема в горькоме звучала лишь на уровне анекдотов. В том числе и во времена часто критикуемого за якобы особую антисемитскую позицию первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Григория Романова.

Во время визита Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущёва в Соединённые Штаты Америки, а в СССР это были времена борьбы с расхитителями социалистической собственности, визитёру задали вопрос: «Почему вы жёстко в уголовном порядке преследуете евреев?» Ответ Хрущева был таков: «Мы не евреев преследуем, а преступников». Не цитата, но близко к тексту.

В этом ответе суть поступков Романова. Если «под каток» попадали евреи, то было за что. А не потому, что они были иной национальности.

Еврейская диаспора на протяжении сотен лет всегда жила в тяжелейших условиях. По этой причине были выработаны такие технологии, которые «могли помочь выжить евреям даже в условиях открытого космоса».

Противоречий во взглядах Безверхого, характере, поступках, как у любого одарённого человека было много. Были слабости, в том числе и тяга к алкоголю. Меня часто упрекали его коллеги за то, что я иногда «подбрасывал» Виктору Николаевичу пару бутылок хорошего коньяка. «Отшучивался» тем, что приносил исключительно качественную продукцию, которой нельзя было отравиться.

Я не разделял крайних, резких взглядов руководителя «Союза венедов». Во мне говорила не логика, не мировоззренческая позиция, а, скорее всего, инстинкт самосохранения. Во времена Советского Союза нас приучили к следующей линии поведения – «лишнего не скажи». Наше поколение боялось делать «резкие телодвижения». Мы были фрондёрами, но предпочитали «перемены» делать на словах. Безверхий же был человеком дела.

Сейчас я понимаю, что Виктор Николаевич был прав. Слов были произнесены Монбланы, ругательств – Эвересты. И что? А ничего!

Почему деятельность «Союза венедов» в целом, и Безверхого в частности не запретили? В середине 90-х годов, на который приходится пик деятельности организации, в спецслужбах России оставалось достаточное количество офицеров и генералов – носителей государственных идей. Я чувствовал, что на стороне Виктора Николаевича есть симпатии и людей в погонах.

О безусловной поддержке Безверхого в силовых ведомствах говорить не приходилось. Деньги на организационную, издательскую, просветительскую деятельность находились, но с трудом.

Виктора Николаевича оберегали. А брани в адрес Безверхого было море.

Для спецслужб «Союз венедов» был открытой, хорошо прочитанной книгой. Виктор Николаевич был своего рода «фонарём», на свет которого слетались «бабочки», люди известных взглядов, которых в свете личности Безверхого можно было рассмотреть.

Для спецслужб он был не опасен, не копил оружие, не создавал боевые дружины, не пропагандировал терроризм, не был радикалом. Он был мировоззренческим противником. Виктор Николаевич «перегревал» своими идеями считанное количество человек. При желании их легко можно было «нейтрализовать».

Он верил в своё предназначение. Безверхий был прирождённым лидером. В войну такие командиры поднимали пехоту в атаку.

Если бы и призвал к конкретному решительному действию, то его бы и возглавил.

После смерти Виктора Николаевича община венедов раскололась. Со временем наиболее последовательных сторонников Безверхого объединил Борис Тищенко. В послужном списке Бориса Алексеевича, как и у «дедушки» венедов есть годы службы в Советской Армии.

Пять лет назад – во время моего последнего общения с венедами – я выступал в Союзе с лекцией. Аудитория постарела на десять лет. Притока молодых людей, разделяющих взгляды венедов, нет.

«Союз венедов» свою историческую миссию выполнил. Пласт культуры, которые поднял Безверхий, разошёлся по всей стране, нашёл отклик во многих регионах России и за её пределами.

Я знаю о том, что теория Безверхова получила признание на Украине и Белоруссии, появились многочисленные сторонники «Союза венедов». Виктор Николаевич неоднократно посещал бывшие союзные республики, показывал мне фотографии с культовых обрядов, посвящений и т.д.

Сейчас эта тема живёт самостоятельной жизнью. Недавно мне показали трёхчасовой документальный фильм, который произвёл на меня сильное впечатление. Своего рода – хрестоматия теории венедов.

«Союз венедов» – был не единственной организацией в середине 90-х годов прошлого века, которая заинтересовалась моими публикациями. Моими собеседниками стали и скинхеды.

Молодые люди обратились ко мне с великим множеством вопросов. Отношение со скинхедами поддерживал в течение многих лет. Могу ответственно заявить, что мои собеседники были антиподами тех скинхедов, которых «тиражировало» в те годы в качестве пугала телевиденье.

На голубом экране преобладал образ умственно неполноценных людей, готовых совершить любую подлость на национальной основе. Мало кого тогда интересовал вопрос, почему на обочине жизни оказалось целое поколение молодых людей, не сумевших себя реализовать после краха Советского Союза. Большинство скинхедов не могли похвастаться средним, не говоря, о высшем образовании. Профессиональная подготовка – ниже ватерлинии. О проблемах трудоустройства молодых в те годы не говорил только ленивый. А если нет материального достатка – нет и крепкой семьи. Жизненные запросы никто не отменял. Тем более энергетику, свойственную молодым.

На вызовы скинхедов в начале 90-х годов отвечали только сотрудники УВД, которые гонялись за ними с дубинками наперевес.

Тема жгла сердце. На моих глазах поколение, которое должно прийти на смену старикам, пополняло ряды преступников. Государством они оказались не востребованы. Я начал встречаться со скинхедами, по мере своих сил и знаний пытался ответить на их вопросы, привёл их к венедам. Меня потрясла осмысленность их лиц, разумный свет глаз молодых людей, наличие сильной воли. Жизнь ко времени нашего с ними знакомства изрядно их потрепала, но они не «одичали», а стали «бойцами».

Для группы скинхедов, которых я привёл к венедам, лектории Виктора Безверхова стали Горьковскими университетами. Скинхеды – не были вызовом для действующей на тот период времени федеральной власти. Поколение, оказавшееся на обочине жизни, стало неммым укором правителям. Скинхеды могли бы стать космонавтами, художниками, учителями, академиками, артистами, инженерами... Но оказались не востребованными, не нужными...

Сотрудничество венедов и скинхедов было многолетним, плотным, взаимообогащающим. Если хотя бы половина из них «вписалась» в новые жизненные реалии, моя миссия посредника оказалась более чем успешной.

ДИСКУССИОННЫЕ ПЛОЩАДКИ

Санкт-Петербург 90-х годов прошлого века просто-таки фонтанировал различными общественно-политическими движениями, группами и.д. Одной из таких групп, с которой меня свела судьба, стала «община» Араика Степаняна.

Араик Оганесович воевал в Нагорном Карабахе. Брат Араика Гагик, прозвище «Язычник Гаго» – национальный герой Армении, погиб в 1994 году в Карабахе.

Предки Гагика и Араика были выходцами из села Диадема Сурмалинской области (ныне территория Турции). Дед участвовал в Баш-Апаранском сражении. Другой дед, во время Великой Отечественной войны дошёл до Берлина, и оставил свою подпись на стенах Рейхстага.

В юности Гагик получил звание мастера спорта по боксу, был призёром различных турниров. Увлекался древней дохристианской религией армян. Отслужив в Советской Армии, он присоединился к братьям – Баграту и Араику, которые участвовали в Карабахском движении.

Зимой 1993/94 гг. джонат (отряд) Гагика принимал участие в битве за Омарский перевал. 13 марта 1994 года азербайджанцы начали наступление на участке этого отряда, но были отбиты и на следующее утро отступили. Однако 16 марта - под прикрытием густого тумана - они вновь атаковали армянские позиции и заняли посты, соседние с 3-м, где командиром был Гагик. 3-й пост был полуокружен, сам Гагик ранен в ногу. 19 марта бойцы Гагика Степаняна, при поддержке отряда «Охотника Миши» и спецназа «Гайфун» отбили 3-й пост и вернули тело Гаго.

Гагик Степанян был посмертно награждён орденом «Боевой крест» первой степени НКР. В 1999 средняя школа №135 в Ереване, которую он окончил, была названа его именем. В 2009 году в Ереване был установлен памятник Гагику, архитектором которого является Артур Аветисян.

Высшее образование Араик Степанян получил в Санкт-Петербурге. По протекции Виктора Безверхова и ректора Юрия Савельева поступил на факультет политологии Военмеха. Блестяще закончил вуз. В Военмехе Степанян закончил и аспирантуру, стал кандидатом философских наук.

При Военмехе Степанян организовал Ассоциацию студентов политологических факультетов вузов северной столицы. При этом проявил себя как талантливый организатор, прирождённый лидер, служитель Отечества, прикипевший сердцем к России. В течение двух лет по вечерам я вёл в Ассоциации семинар, привлёк к выступлениям преподавателей других вузов. «Дискуссионная площадка» пользовалась популярностью даже у преподавателей Военмеха. Заинтересованными слушателями «курсов» Степаняна стали и скинхеды.

Тогда же я поддерживал тесные отношения с руководителем группы интеллектуалов «Мёртвая вода» Владимиром Зазнобиным. Владимир Михайлович – уникал. Всякий раз он поражал меня своей эрудицией. Основной темой творческих поисков группы стала разработка оптимальной концепции общественного управления. Члены группы анализировали схемы управления общества со времён древнего Египта и до наших дней.

Некоторые читатели, прочитав последние главы мемуарных записок, разведут руками: «Как, почему, при каких обстоятельствах бывший начальник УБХСС ГУВД Ленинграда – Санкт-Петербурга мог связать свою биографию со столь неоднозначными общественными течениями, как венеды, скинхеды, «Мёртвая вода»?»

Но это ещё не всё. Больше года я возглавлял Санкт-Петербургское отделение политического совета при Президенте РФ. Рекомендовали меня на «государственную должность» действующие сотрудники ФСБ, которых я знал по совместной работе.

В Москве ставились задачи общенационального масштаба, на практике, люди из непосредственного окружения Б.Н. Ельцина, перевели «национальные интересы» на исключительно коммерческие проекты. Нефть, газ, бензин, дивиденды – наиболее часто употребляемые слова людей, с которыми я столкнулся на «общественном поприще». Помпа вокруг проекта была приличная: спецпропуска, «опознавательные» значки, специальные удостоверения и т.д.

В своей работе я пытался опереться на администрацию Санкт-Петербурга.

Некоторое время работал помощником тогда вице-губернатора, председателя комитета экономического развития, промышленной политики и торговли правительства СПб Алексея Сергеева.

Вице-губернатор администрации СПб курировал вопросы, связанные с оборонкой. «В разработке» находился очень большой проект по утилизации боеприпасов, находящихся на складах Кронштадта, аж с 1914 года.

С мёртвой точки дело так и не сдвинулось, военное ведомство было уж слишком неповоротливым. Даже незначительные вопросы Ленинградского военного округа и ВМБ решались исключительно в Москве на Арбате. К тому же москвичи к проекту начали продвигать своих людей, заинтересованных в металлоломе, взрывчатых веществах и т.д. Дело можно было поставить на широкую ногу.

Видя коммерциализацию городского отделения политсовета, решил с ним «завязать». Политсовет, не смотря на всё моё противодействие, в считанные месяцы трансформировался в некую «промышленно-торговую палату» с вполне очевидным вектором в своей деятельности. Лоббировать интересы всевозможных коммерческих структур не было никакого желания.

Ко мне зачастили ходоки из Москвы, имевшие на руках «рекомендательные письма» от сильных мира сего. Так называемые спецпредставители конкретных федеральных чиновников по северной столице. Интерес к Санкт-Петербургу был исключительно коммерческим. Тогда это меня уже не коробило - привык.

Москва и северная столица тех лет были переполнены людьми, которые хотели всеми правдами и неправдами урвать хотя бы краюху от федеральной собственности. В качестве стартового капитала для начала собственного бизнеса. Все хотели заработать много, быстро и не приложить для этого никаких усилий. Изобретательность проявляли только для завязывания необходимых, с точки продвижения бизнеса, отношений, а также в вопросах, как надурить потенциальных партнёров по бизнесу.

Продвижение выгодных стране, Санкт-Петербургу экономических проектов не обходилось без мошенничества. Расцвет рейдерских захватов питерских предприятий, в том числе и оборонного характера, приходится как раз на тот период российской истории. Договаривающиеся в те дни стороны редко держали слово, получив денежное вознаграждение, и абсолютно не ударив палец об палец, считали собственную миссию выполненной.

Сначала отказывался от общения с проходимцами, потом прекратил все отношения с организацией. Очередная моя попытка «прописаться» в большой политике ничем не закончилась. «Сертификат», подтверждающий мои полномочия руководителя городского отделения политсовета, храню до сих пор. Отчасти – это дань старости – не расставаться с вещами, которые что-то да значили в моей жизни. И не важно, что это было: карандаш, или некое удостоверение. Каждая вещь из квартиры – отдельная история твоей биографии.

НЕ ДОСТУЧАТЬСЯ

Судьба наградила меня знакомством с ректором Венмеха Юрием Савельевым.

В силу занимаемой с 1987 по 2002 год должности Юрий Петрович был тесно связан со спецслужбами России. К тому же поговаривали, что отец у ректора был генералом КГБ. Это или другие обстоятельства способствовали тому, что именно Савельеву было поручено создание политической партии националистического толка.

Все объективные социологические исследования тех лет показывали всплеск националистических настроений в обществе. Создание партии было лишь вопросом времени.

С Савельевым я был знаком, его гражданская позиция была мне глубоко симпатична. Мне было сделано предложение о совместной работе.

К организационной работе по созданию партии был привлечён декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций Олег Каратаев.

Олег Гурьевич – профессор, доктор юридических наук. Явился прототипом героя, Олега Гавриловича Каратаева, в художественной книге Ивана Дроздова «Похищение столицы». Принимал участие в фильме Константина Душенова «Россия с ножом в спине». Каратаева я хорошо знал по общественной работе и как публициста. Совместно с Олегом Гурьевичем, Владимиром Валерьяновичем Калашниковым мы организовывали конференцию «Российские элиты на рубеже веков».

Публицистика Каратаева всегда была жёсткой, резкой. «Русский вопрос» – главная тема полемических статей.

Организационная группа долго и упорно работала над уставными документами партии националистического толка. «Последнее слово» рождалось в спорах, которые проходили, как правило, в кабинете ректора Военмеха. Но когда дело осталось «за малым» – зарегистрировать партию, создать первичные организации в субъектах Российской Федерации и т.д. – оказалось, что денег под данный проект нет или они переданы другим лицам. Работы были свёрнуты.

28 марта 2001 года министром внутренних дел РФ был назначен Борис Грызлов.

Говоря о назначении Бориса Грызлова, тогдашний Президент РФ Владимир Путин подчеркнул, что это было чисто «политическое назначение». С Грызловым были связаны надежды на борьбу с «оборотнями в погонах». В том числе и у меня, памятуя о том, что «новая метла всегда метёт по-новому». Многолетняя работа и служба в партийном аппарате и в руководстве регионального МВД подвигли меня к выводу о необходимости замены технологии управления ведомством.

Грызлов хорошо был знаком с Савельевым, с которым я занимался «партийным строительством». По просьбе Савельева я подготовил на имя министра МВД докладную записку. Основными тезисами стал перечень мероприятий по расследованию должностных преступлений офицеров милиции, фабриковавших дела и вымогавших деньги. Это был крик человека, равнодушного ко всему, что проходило в то время в России, возможность достучаться до людей, от которых зависело принятие системных решений. К работе я привлёк ряд действующих сотрудников МВД.

Савельев прочитал докладную записку – одобрительно «крякнул», пообещал довести тезисы до адресата. Я же напутствовал Юрия Петровича словами: «Если Грызлов не сделает продекларированного в документе минимума, то как министр он не оставит после себя в ведомстве ничего».

Савельев справку адресату передал, но она, к сожалению, не стала для Грызлова руководством к действию на посту министра внутренних дел. В лучшем случае была положена под сукно.

Причины могут быть различны. На мой взгляд, для того чтобы понять содержание подготовленного нами документа, необходимо понимать, то ради чего ты пришёл в МВД, и то, чем тебе предстоит заниматься. У Грызлова этого не было. На Бориса Вячеславовича докладная, наверняка, произвела такое же впечатление, как на меня первые страницы Библии, прочитанные в восьмом классе. Для меня точно библейские истины были тёмным лесом.

Надежды на Бориса Грызлова в борьбе за чистоту рядов МВД оказались слишком завышенными. Понятно, что назначение носило «политический характер». Но у каждого кадрового назначения должно быть рациональное зерно.

Попытки повлиять на работу правоохранительных органов России путём формулирования предложений, как это было с докладной запиской в адрес министра МВД, предпринимались мною неоднократно. Информационный посыл Борису Грызлову последнее из таких предложений. Первые попытки были предприняты в конце 90-х годов. Через юридический факультет Санкт-Петербургского университета был предложен оригинальный проект федерального закона о комиссиях по борьбе с коррупцией. Основная «рыба» законопроекта была сделана в начале 90-х годов. На спецфакультет

юрфака университета я обратился как начальник УБХСС Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Основная идея законопроекта состояла в создании в регионах уполномоченных органов по борьбе с должностными преступлениями. Предлагалось, что комиссии будут формироваться парламентскими партиями. Решение об отстранении того или иного чиновника от занимаемой должности принимается в случае, если подозреваемый не докажет отсутствие злоупотреблений со своей стороны.

Концепция где-то копировала методику работы КПСС с кадрами. Технологию более чем эффективную. Решение об освобождении от занимаемой должности принимал партийный комитет по своей номенклатуре. На всё про всё требовалось несколько дней. Напомню, что в Кодексе законов о труде времён Советского Союза существовали перечни должностей, с которых было запрещено обращаться в суд с иском о восстановлении на службе.

Эта же технология была прописана с поправкой на новые условия. В компетенции комиссии по борьбе с коррупцией было лишь внесение предложений об освобождении от занимаемой должности. Окончательное решение принималось руководством соответствующего ведомства.

Проект был принят на ура, одобрен тогдашним представителем Президента РФ по Ленинградской области Георгием Полтавченко, однокашником Бориса Грызлова и Николая Патрушева по ленинградской политехнической школе № 211, доставлен в администрацию Президента РФ. И что? И тишина.

После того, как Полтавченко перешёл на работу в Москву, до него стало не «достучаться». Но проект не канул в Лету. Несколько лет назад была предпринята очередная попытка озвучить тезисы борьбы с коррупцией уже для нового Президента России. Действовал через одного из российских сенаторов. Приятно был удивлён, когда на одном из совещаний Дмитрий Медведев «процитировал» слова, которые были произнесены мной ещё двадцать лет назад. Напомню, что на проекте закона о коррупции 1999 года стояли подписи восьми профессоров Санкт-Петербургского университета, которых Дмитрий Медведев знает лично.

Но... федерального закона до сих пор нет.

Предложение об учреждении «чрезвычайных кадровых комиссий», которые копировали основные принципы работы КПСС с кадрами, далеко не всеми было встречено «на ура». Напомню, что ЧКК я предлагал наделить лишь ограниченным количеством полномочий. В частности, внесением предложений об освобождении от занимаемой должности коррупционеров. Если, уличённый в коррупции чиновник не докажет отсутствие злоупотреблений со своей стороны.

С силу многолетней работы в партийных органах, отвечающих за подбор и расстановку кадров, я понимал, что работа обкомов и горкомов с номенклатурой была весьма эффективной.

НОМЕНКЛАТУРА

Сам термин «номенклатура» (от лат. *nomenclatura* – перечень, роспись имён) своим происхождением обязан античной истории. В древнем Риме «номенклатором» назывался раб, громко объявлявший имена высоких гостей, прибывших на празднество (от лат. *nomen* – имя). Во времена Советского Союза под номенклатурой понимали перечень наиболее значимых должностей, назначение на которые требовали утверждение соответствующим партийным комитетом (горкомом, райкомом, обкомом и т.д.). Освобождение данных лиц от должности по компрометирующим их обстоятельствами также происходило с одобрения руководящих органов правящей партии. В переносном смысле слово «номенклатура» часто стало обозначать то же, что бюрократия.

Меня обвинили в том, что я ратую за возвращение 37-го года.

Никто не хотел понимать, что любой аппарат, по аналогии со станком, имеет свою ... производительность. Предлагаемая мною с сотоварищами кадровая комиссия в каждом из субъектов федерации в состоянии была «пропустить» через себя в год около двух – трёх сотен кандидатов на ту или иную должность. Вопрос состоял не в том, чтобы устроить кадровое чистилище. «Кадровый ресурс» в рамках приличия должен был удерживать страх, боязнь очутиться «на ковре».

Номенклатура времён Советского Союза была более чем дисциплинирована. Обычный райком КПСС одного из районов Ленинграда в год освобождал (рекомендовал) в силу дискредитирующих обстоятельств от занимаемых 250 номенклатурных должностей не более двух- трёх человек. Естественная убыль от смерти была больше. Но партийное правило «освободить от должности - при известных обстоятельствах - не смотря на предыдущие заслуги и звания» работало насколько эффективно, что достаточно было кандидата «на вылет» лишь предупредить. Номенклатурные работники реагировали на предупреждение мгновенно. Человек в буквальном смысле этого слова преобразался.

Предлагая ЧКК, мы, в первую очередь, рассчитывали на профилактическую, а не на карательную функцию кадровой комиссии.

Я никогда не обольщался тем, что, если бы моя идея была реализована, чиновникам была бы сделана прививка от коррупции. Ведь самый эффективный инструмент борьбы с коррупцией является эффективная работа правоохранительных органов. Но для этого из рядов самих правоохранителей необходимо исключить любые проявления коррупции. Вот почему ЧКК в первую очередь должна была озаботиться чистотой рядов ФСБ, МВД, прокуратуры, судов.

Идея не была принята. Печальный итог не заставил себя ждать. До погрязшего в коррупции начальника Управления (отделения) МВД на уровне провинциального города не добраться, ведь кадровые решения принимаются наверху. А туда не достучаться и не докричаться.

Во времена Советского Союза действовало постановление ЦК КПСС о работе с письмами и обращениями граждан. Любое анонимное обращение в обязательном порядке должно было стать предметом партийного (как минимум) расследования. Партийные органы были важной инстанцией, куда мог обратиться любой желающий в попытке вывести коррупционера на чистую воду. При желании – анонимно. Из-за этого партийная номенклатура жила и за совесть, и за страх. Каждый понимал, что отрицательная резолюция райкома своего рода чёрная метка на дальнейшей карьере. С этого дня путь к любой руководящей должности для оступившихся чиновников был заказан.

Во времена Советского Союза кресло руководителя – было всё: благополучие, карьерный рост, статус и т.д. Расставаться с привилегиями, которые сопровождали номенклатуру по жизни, боялись.

Над подавляющим большинством чиновников Российской Федерации не довлеет чувство страха быть изгнанным с позором с занимаемой должности. Коррупционеры новой волны не боятся потери репутации, доброго имени, кресла. Увольнение со службы по компрометирующим обстоятельствам не означает автоматического запрета на занятие в будущем государственных постов.

Тем более что кресло чиновника любого ранга значительно «выросло в цене» за последние двадцать лет. Должностные полномочия – это не только возможность пополнить свой персональный счёт, но и защитить семейный бизнес.

При желании уровень коррупции в стране можно выразить в цифрах. По самой пессимистической оценке, которое выдавало ГУВД по Ленинграду и Ленинградской области в конце 80-ых годов прошлого века, в Советском Союзе расхищалось не более 5% валового национального продукта. Сейчас на долю взяток, откатов и т.д. приходится 50%. И это оптимистический прогноз.

В КНР в настоящий момент данный показатель не более 8%. Этот результат достигнут титанической работой партийных и правоохранительных органов. Для современной России такие показатели были бы благом.

Внедрение в России ЧКК не изменило бы природы чиновников, не сделало их лучше, но прибавило им таких качеств как осмотрительность. Государственный аппарат был бы в разы менее взяточёмкий.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ

В 2000 году профессор СПбГУ и РГПУ им. А.И. Герцена, доктор философских наук Андрей Вассоевич, с которым мы были хорошо знакомы, привлёк меня к работе в журнал «Вестник политической психологии», который был зарегистрирован год спустя. Ранее Андрей Леонидович стал автором предисловий к двум сборникам моих статей, в том числе и к книге «Выморочные циклы России»

Духовным наставником и вдохновителем проекта стал знаменитый психолог, профессор Анатолий Зимичев. Школа без учителей, мирное решение конфликтов, межличностная борьба, манипуляции сознанием, управление людьми, стадное сознание - вот лишь несколько тем, волнующих Анатолия Зимичева).

Я сотрудничал с данным журналом на протяжении восьми лет. Лично знаком с членами редакционного совета (А.Л. Вассоевичем, О.С. Дейнека, В.Е. Семёновым), редакционным коллективом (С.В. Ивановым, А.С. Ивановой).

Авторы проекта поставили перед собой сверхзадачу – оказать интеллектуальную поддержку преобразованиям в России. Миссия оказалась не выполнима.

Заслугой журнала стало то, что вокруг «Вестника политической психологии» была создана дискуссионная площадка, ставшая явлением в Санкт-Петербурге. Это достойная попытка граждан своей страны достучаться до властных голов и общественного сознания. Журнал выходил с разной периодичностью: иногда раз в квартал, порой – реже.

Бюллетень «Вестник политической психологии» бесплатно распространялся в Государственной Думе и Совете Федерации РФ. Редакционный совет ждал реакции от государственных органов власти на свои интеллектуальные послы. Но научные идеи журнала оказались не востребованы нынешней политической элитой современной России. Это сильно убавило энтузиазма у авторов.

Выпуски были тематическими. Изданию конкретного номера журнала предшествовал «круглый стол» - научная мини конференция, на которую приглашались учёные ведущих вузов Санкт-Петербурга.

Через номер в журнале публиковались и мои статьи. Так, в первый номер была включена моя статья «Мировое правительство грядёт ... В составе Политбюро ЦК КПК». Статья произвела хорошее впечатление, получила положительные рецензии.

В отличие от других авторов из мира науки, которые сотрудничали с журналом, мои статьи выделялись особой агрессивностью, наступательностью ... Тексты же и выступления коллег обычно отличались политкорректностью, излишней деликатностью, боязнью обидеть оппонента.

Я всегда ощущал, что мой опыт работы в правоохранительных органах весьма был интересен моим коллегам по журналу, а в полемическом угаре всегда делалась скидка на моё «рабоче-крестьянское происхождение».

В настоящее время журнал, скорее мёртв, чем жив. Блестящий коллектив авторов «разбежался». Полемический запал, тех, кто остался, иссяк.

История проекта – это обычная судьба интеллектуалов России, которые считают, что главное – высказаться. Кто надо – власть – поймёт, «врубится», возьмёт идеи на вооружение. На мой взгляд, подобная позиция является величайшим заблуждением.

Нынешняя политическая элита России не нуждается «в подсказках», находить ответы на вопросы, которые ставит перед Россией жизнь, в научных кругах, считает пустым занятием. Чиновники знают, зачем пришли к власти. Записки интеллектуалов для них является не подспорьем в работе, а помехой.

Зачем человеку, который пришёл во власть через производство палёной водки, добычу нефти или газа, производство майонеза и т.д., научные изыски «Вестника политической психологии»? Для того чтобы развивать комплекс собственной неполноценности? У чиновника, одна рука которого привычно держит калькулятор для подсчёта собственной выгоды, вторая никогда не протянется к научному журналу.

Нет такой потребности! И нет такого навыка!

У нынешней генерации российских «элит» из породы «джельтменов удачи» такой необходимости никогда не появится, потому что по своему психотипу они никогда не станут служивым сословием нации. К каковому я всегда причислял себя и многих своих товарищей по прежней работе – тогда таких в номенклатуру отбирали во множестве. Потому и страна была долгие десятилетия Державой, а не географическим понятием, как ныне.

ЭТО ЕСТЬ НАШ ПОСЛЕДНИЙ...

Время – вне и внутри рассказанных событий – похоже, меня угомонили...

Где-то в 1997-1998 годах профессор Андрей Леонидович Вассоевич познакомил меня с интереснейшим человеком – Владиславом Александровичем Карабановым. В то время на Ленинградском областном телевиденье он вёл неоднозначную даже по тем временам еженедельную часовую программу «Запретные темы».

Историк по образованию, непримиримый противник советской системы, но при этом неистовый поборник русской национальной идеи.

Вместе с ним мы «выдали в эфир» четыре передачи на тему разграбления национальных достояний страны от Калининграда до Владивостока и мародёрства «прихватизаторов», включая грабежи музейных и архивных запасников Ленинграда – Санкт-Петербурга.

Реакции со стороны мародёрствующих и здесь не было никакой – вероятно им было некогда, руки были заняты иным.

Несколькими годами позже Карабанов взялся создавать собственное радиовещание, с трудом оформил все разрешительные документы, но московские «товарищи» в министерстве связи в наглую продали его частоту, на которой его радиостанция работала уже около года кому-то из платежеспособных коммерсантов от радиоэфира. Судебную тяжбу в Москве, как и положено, Карабанов проиграл, хотя «документальная» правда была на его стороне. Помогал ему в этот период, чем мог.

Будучи по природе ещё и талантливым организатором и настоящим бойцом Владислав Александрович принял решение создать русский интернет-портал. Многократно вместе обсуждали варианты проекта, который был реализован на стыке двух тысячелетий под названием «Агентство русской информации».

С момента рождения моё сотрудничество с интернет-ресурсом Карабанова идёт непрерывно. Первые годы – особенно. Ежемесячно появлялись не менее двух моих публикаций. Почти каждая статья вызывала отклик. Особенно у молодой аудитории, мало искушённой в жизни.

Часть моих публикаций на ARI.ru вошла в два сборника статей «Выморочные циклы России» с предисловием доктора философских наук Андрея Леонидовича Вассоевича. Деньги на издание собирал «на папери»: у своих старых друзей, как-то преуспевающих в новообразованном рыночном сообществе. Более всех мне помог (и подставляет плечо до сих пор) мой старый – времён комсомола – товарищ Андрей Николаевич Буров. Хотя кроме хлопот, ныне я ничего ему уже давно принести не могу.

На своём сайте Карабанов опубликовал и все те книги, которые я написал после 2000 – года, сам или в соавторстве со своими соратниками по «ментовским войнам» в бытность службы в органах внутренних дел в ГУВД Санкт-Петербурга и Ленобласти – Сергеем Фёдоровичем Сидоренко (генерал!) и Александром Ивановичем Мининым (полковник!).

К настоящему моменту пребываю в уверенности, что именно этот «последний и решительный бой», длящийся более 45 лет, хоть и не приносит практически никаких зримых, ощутимых результатов, тем неимение является самой содержательной частью моей уже прожитой жизни.

Теперь мне ничего не осталось, кроме как по мере сохранения сил, здравомыслия продолжать заниматься публицистикой в том же «ключе». Тем более, что российская действительность жестко побуждает к этому. И тем более, что теперь лучше, чем когда – либо я осознаю справедливость, верность фразы Карла Маркса: «Идеи, овладевшие массами, становятся материальной силой». К тому же по жизни многократно убеждался в бесспорной истине другого – несопоставимо более раннего – постулата: «Вначале было слово».

Живу надеждой, что и какое – то из множества написанных мною текстов возможно станет началом какого-то нужного моим соотечественникам процесса в это смутное, гнусное для нас время.

Самое время сказать хотя бы несколько слов о главном смысле моего существования – о моей семье.

Хотя бы в нескольких словах даже в самых общих чертах обрисовать 46 лет совместной жизни с единственной любимой Софьей Николаевной, я не в состоянии.

Семья не была для меня, как говорят, «моим надёжным тылом». Она была единственной атмосферой, в которой я мог существовать. Однако непонимание этого дара так сильно игнорировалось мною в первые годы нашей совместной жизни, что пришлось в более зрелом возрасте на коленях вымаливать прощение у супруги Божьей милости за многое и исповедоваться у священника. Из-за моих грехов семейная ноша супруги оказалась слишком тяжёлой.

Жене я благодарен практически за всё хорошее, чем была наполнена моя жизнь. В частности, и за то, что никогда не получил ни единого упрека из-за недостаточного обустройства быта...

Более того, Софья Николаевна сама останавливала мои редкие порывы отметить какие-либо семейные события доступными ценными обретенными. Не услышал и малейшей укоризмы, когда последние полтора десятка лет нашей совместной жизни вместо того, чтобы зарабатывать деньги – а возможности для этого у меня были лучше, чем у многих других вполне преуспевающих коллег и сверстников – занялся совершенно пустыми, по мнению здравых, практичных людей, хлопотами. Из-за чего живу с ощущением глубокой вины и перед своими вполне взрослыми детьми, которым не подставил плечо в обустройстве их жизни. Хотя мог и обязан был это сделать.

Писать и говорить на эту тему для меня сейчас – сыпать соль на свежую рану. И здесь никто из моей семьи мне претензии или обиды ни разу и намёком не выдал.

Будь у меня возможность вновь пережить свою жизнь, я бы ничего не стал менять в зигзагах моей служебной карьеры, а вот семейную часть переписал бы с белого листа.

Конечно, такой возможности у меня нет. Жить (доживать) придётся душевной болью.

До сих пор дети, Софья Николаевна стараются мне помочь чем только могут – лишь бы поддержать во мне интерес к осмысленной жизнедеятельности, придать некоторый смысл моему в целом малодеятельному и малополезному существованию.

Дочь Оленька – преподаватель вуза – более десяти лет изнуряет себя расшифровкой книгописи: настоящих гор рукописей моих статей, книг, исполненных заковыристыми кривулями. И не просто печатает, а рецензирует, по возможности, редактирует тексты (филолог ведь). Без неё – как без рук: в бытность парткоматом машинописи не обучался – «не царское это дело». Позже духу и усидчивости не хватило. Равно как и на обучение компьютерной грамотности. До сих пор паразитирую на компьютерных умениях моих Оленьки и Серёжи, который ещё и регулярно балует меня наиболее интересными публикациями из интернета, находит для меня необходимый текст.

Пишу об этом не для того, чтобы «облегчить душу», не в качестве публичного покаяния. Читатель должен знать – далеко не в радости, а тем более и не в восторге и я сам от многих своих жизненных увлечений. Хотя намерения, казалось бы, были достойными. Но известно, какими пожеланиями подчас вымощена дорога в ад.

На этом и завершим разговор.

Содержание

К читателю.

Из воспоминаний детства.

Строительная бригада.

Срочная.

Партийная кухня.

С занесением в личное дело.

С КГБ.

А судьи кто?

Вне телефонного права.
Под партийным контролем.
Небо ... в летающих тарелках.
Андроповский призыв.
На переднем краю.
Операция «Черешня».
Коллекция преступлений.
Взятка пошла в массы.
Следственный изолятор – «запись» в трудовой книжке.
Картина маслом.
По разные стороны баррикад.
«Свои ребята».
В новых условиях.
На «переправе».
Контора не спишет.
Выпал из обоймы.
Несколько секунд.
Под грузом.
На запасном пути.
Юрий Шутов.
Уголовное дело Анатолия Собчака.
Дмитрий Филиппов.
Санкт- Петербургу губернатора.
Контрольный выстрел.
На политическом мелководье.
Александр Лебедь.
Запасной аэродром.
Самородок.
Цена законопроекта.
Академический труд.
Великий.
В чужом кармане.
В казну страны.
Его борьба.
Дискуссионные площадки.
Не достучаться.
Номенклатура.
Интеллектуалы.
Это есть наш последний...